

серия ЗАПРЕТНЫЙ книга первая

Танцуй для меня

ДЖ.К.ВАЛЕНТАЙН

Что делать, если человек, который украл ваше сердце, — не тот, за кого вы его принимали?

Когда мои родители умерли, я быстро повзрослела. Я училась твердо стоять на собственных ногах, хоть это и было проблематично... но таков был мой путь. И мне совсем не стыдно за то, какую дорогу я выбрала. Мой выбор сослужил мне хорошим жизненным опытом, но никто не узнает, какова я на самом деле.

Кроме одного мужчины.

Он — загадка для меня. Он управляет, требует и хочет, чтобы всё и вся вертелось вокруг его персоны. Я дам ему все, что он захочет. Но время, проведенное вместе с ним, не для любви. Оно для секса. Горячего, грязного, страстного секса. И оно никогда не предполагало чего-то большего.

Пока все не изменилось.

Теперь я запуталась еще сильнее, чем когда-либо. Чем больше я узнаю об этом человеке, тем меньше понимаю его. Но одно я знаю наверняка: он станет моей погибелью и падение мое будет крайне болезненным.

Дж. К. Валентайн "Танцуй для меня"

Название: "Танцуй для меня"

Автор: Дж. К. Валентайн

Серия: "Запретный" #1

Перевод: Internal, Nemain, arkabello, Anna_Kira, Orlicca, sali

Сверка: sali

Редактура: Melinda, Елена Уорнер, Мишель Тайлер, Яна Часовская, Анастасия Иванова, VolkovaM

Вычитка: VolkovaM

Глава 1

Кто бы ни утверждал, что жизнь справедлива, должно быть, меня в расчет не брал. В детстве я была мечтательницей. Маленькая девочка с черными, как вороново крыло, подпрыгивающими косичками, которая была убеждена, что в один прекрасный день Джуд Макинтайр, мое увлечение со второго класса, обратит на меня внимание и поймет, что я девочка, а не один из мальчишек. Я надеялась, что однажды он обратит на меня свои бледно-голубые глаза и весь мой мир перевернется. Он будет носить меня на руках на закате солнца, вместе мы проживем удивительную жизнь и родим от двух до пяти малышей.

Но это была всего лишь сказка, а сказки не становятся явью. Во всяком случае, не для таких людей, как я.

К тому времени, когда мне исполнилось восемь, мой мир, каким я его знала, начал рушиться, а мечты о мальчиках, замужестве и детях испарились. Единственной моей заботой было делать счастливым папу и молить Бога о том, чтобы он послал нам еще один хороший день.

За две недели до моего восьмого дня рождения врач диагностировал маме

неоперабельную опухоль головного мозга. Он дал ей два года. Она же ушла менее чем через шесть месяцев.

После этого ничего не имело значения, кроме как проживание каждого последующего дня. Если Джуд Макинтайр или любой другой из мальчишек вообще замечали мое существование, я не знала об этом. Я была слишком занята тем, чтобы человек, который носил меня на плечах и рассказывал глупые анекдоты за обеденным столом, не зачах. После маминой смерти отец ушел в себя. Он ходил на работу только потому, что нужно было оплачивать счета. Он ел только по привычке, и его пустой взгляд, который никогда не исчезал, заставлял меня задуматься, пробовал ли он то, что я клала перед ним.

Отец умер от естественных причин вскоре после моего восемнадцатилетия.

Я бы сказала, что это из-за разбитого сердца.

Он продержался достаточно долго лишь для того, чтобы убедиться, что я уже повзрослела, а затем отпустил это все, чтобы быть с мамой. Я не могу сказать, что виню его. Я тоже скучаю по ней. Я скучаю по ним обоим. Но сейчас не время для слез. Что сделано, то сделано. Теперь моя единственная забота — пробить себе путь сквозь минное поле под названием "жизнь", и я достигаю цели единственным известным мне способом.

Шторы от потолка до пола скрывают мою фигуру от любопытных глаз, как и выбранная мной песня, что звучит в динамиках, но я могу чувствовать их: касания, страстное желание, томление... Все для меня.

Это чувство пугало меня до смерти. Уязвимость. Разоблачение. Но все это уже давно прошло. Теперь единственное, что я чувствую, — это напряжение.

Быть стриптизершей не было моей целью в жизни. Отнюдь нет. Если бы родители увидели меня сейчас, они бы точно не гордились той, кем стала их дочь, но эта работа — ключ к моему выживанию. Обслуживая столики, много не заработаешь, но, снимая одежду, я уверена, что оплачу счета и не окажусь на улице. Как ни крути, а студенческое общежитие не дешевое. В качестве бонуса, благодаря чаевым, которые я поднакопила, я оплачу свое обучение в полном размере, пока получу свою ученую степень.

В данный момент, стриптиз — это решение, которое я приняла, так как ничто другое не имеет смысла. И, честно говоря, мне нравится быть частью этого.

Чувственный ритм "I feel perfect" группы "Porcelain and the Tramp" гласит, что шоу вот-вот начнется. Я стою в центре сцены, ноги слегка расставлены, и фокусирую свой взгляд на темных шторах. На один длительный момент я по-прежнему окутана покровом темноты. Когда вступительная часть заканчивается, меня освещает ярко-красный прожектор, и мои ноги начинают двигаться. Пока я медленно двигаюсь вперед, волоча за собой свои длинные ноги, у меня нет возможности видеть зрителей, но я могу чувствовать их.

Так я это и проделываю. Я застенчива от природы, но рано поняла, что если смогу не замечать взглядов, наблюдающих за мной, то смогу полностью отдаться во власти танца. В конце выступления я хватаюсь за мерцающий серебряный шест и вращаюсь, прижавшись к нему спиной. Фигуры, укрытые тенью, наблюдают за каждым моим движением, когда я начинаю кружиться в темноте, я в недосягаемости для них, но они умоляют меня продолжать. Медленно я скольжу вниз по металлическому шесту, мои ноги согнуты в коленях и широко разведены, открывая взгляду блестящую золотую полосу, которая служит барьером между взглядами окружающих и наиболее интимной частью меня.

Есть что-то волнующее в том, что я обнажаюсь для посторонних глаз. Это — уверенность, что все их взгляды сосредоточены на мне, на каждом моем движении, сколь

бы мало оно ни было, и что я воздействую на них. Все это дает мне чувство контроля, власти. Я толкаю этих людей на грань, испытывая пределы их силы воли, ведь единственное, что они могут, — это наблюдать.

И дать мне свои деньги.

Опускаясь на колени, я ползу по сцене. Я одета в золотистый эластичный наряд, от чего с каждым движением моя грудь качается, создавая гипнотический эффект. Мужчины в восторге от груди, и, к счастью, у меня уж точно есть, что выставить напоказ.

В нескольких футах от конца сцены, оценивая нужное расстояние, я скольжу руками крест-накрест по жесткой прохладной поверхности, как кошка. Встречаясь глазами с темнотой, я знаю, что любой, кто находится на противоположной стороне, встречает мой взгляд с напряженным желанием. Расслабляя спину, я поднимаю руки над головой и вытягиваю свои длинные ноги вверх, широко раздвинув их, а затем снова плотно сжимая. Моя спина выгибается дугой, поднимая грудь вверх. Представление того, как, должно быть, я выгляжу со стороны — почти обнаженная, убогая и нуждающаяся, мое тело двигается и выгибается, призывая взять меня прямо здесь и сейчас — заставляет меня испытывать бессмысленную тревогу. Как будто той небольшой одежды, что сейчас на мне, становится слишком много, и она хочет задушить меня.

Нет, я не эксгибиционистка, но бывают ситуации, как эта, когда почти непреодолимая необходимость отойти от своих собственных границ угрожает уничтожить меня. Мне приходится прикладывать все усилия, чтобы остановиться.

Поворачиваясь на живот, я становлюсь на колени, затем вновь тянусь к шесту и подтягиваюсь. Опираясь обеими руками, я поднимаюсь с пола и поднимаю вверх обе ноги, рисуя ими полный круг. Сцену заваливают деньгами, и я чувствую, как моя улыбка расширяется — медленно и соблазнительно.

Это происходит, когда я начинаю ощущать Его присутствие.

Я заметила Его в свой первый рабочий вечер около пяти месяцев назад, прежде чем осознала важность освещения. Он придерживается передней части комнаты, занимая каждый раз один и тот же столик в одном и том же неосвещенном углу. Из того, что я все же могу сказать: у него длинные ноги, он высокий, и у него темные, почти черные волосы. Аура влияния, которая его окутывает, помогает мне распознать в нем знатока. Не смотря на то, что он бывает то в джинсах, то в широких брюках, в поло или джемперах на кнопках, помнится, мне он кажется похожим на тип парней, которым стоит носить деловые костюмы — строгие, дорогие и сшитые на заказ.

Он обычно не задерживается надолго, но он, безусловно, человек привычки. В общей сложности я видела его четыре раза, прежде чем комната начинала погружаться во тьму, я лишь немного чувствовала его присутствие, но никогда не упускала из виду небольшой стакан чистого виски, наполненный на два пальца. Мой желудок трепещет, вспоминая его темные, пронизательные глаза, сосредоточенные лишь на мне, на каждом моем движении, каждом шаге, читающие мое тело как книгу. Никогда в жизни я не была более возбужденной, чем в тот день, когда увидела его — идеального незнакомца.

Он является причиной того, почему сейчас я выступаю под покровом темноты. Я знаю, что если увижу его глаза, устремленные на меня, то никогда не смогу пережить свое выступление без возбуждения.

Временами, как сейчас, мне хочется станцевать приватный танец. Шанс личной и близкой встречи с моим загадочным незнакомцем, хотя незнание только возбуждает мой

интерес.

Расспрашивать о Нем — не вариант. Я дала себе установку не сближаться с персоналом. Это не то место, в котором мне бы хотелось заводить друзей. Я здесь, чтобы станцевать, получить быстрые деньги и пойти домой. Нет, люди, которых я выбираю для своего окружения, стильные, умные, и их точно не найдут мертвыми в таком месте, как это. Если бы кто-то узнал, на что я иду для того, чтобы жить... Я не уверена, что произошло бы, но проверять не хочу.

Чувствуя, как Он наблюдает за мной, я ощущаю знакомый трепет, что щекочет мои внутренние органы. Настоящее тепло проходит сквозь мои конечности, наполняя живот, и проходит вниз, когда я представляю те темные глаза. О чем Он думает сейчас? Воображает ли Он меня так же, как я воображаю его: его руки на моих бедрах, его горячий рот пробует на вкус мою кожу? Прижимаясь грудью к шесту, я рисую круг вовнутрь, молча посвящая этот танец Ему.

Я собрала много сил с тех пор, как начала танцевать, и сейчас использую эту силу, чтобы подтянуться всем телом на шест. Ухватившись за него ногами, я зажимаю ноги в лодыжках и отпускаю свои руки. Выгибаясь дугой назад, мое тело скользит вниз до тех пор, пока я не вишу вниз головой, держась одними лишь ногами. Мои длинные черные волосы метут пол, нежный изгиб шеи обнажен, гравитация притягивает мою полную грудь, округляя ее, результат является ничем другим, как эротичным. Когда я рукой провожу по своей возбужденной коже, представляю, что это его рука ласкает меня, и ловлю себя на мысли, что надеюсь, будто он делает то же самое.

Когда танец окончен, я собираю деньги и спешу за сцену как раз до того, как загораются огни. Перед тем как нырнуть за занавес, я быстро бросаю взгляд в угол комнаты. И начинаю задыхаться, когда его глаза — темные озера — встречаются с моими. Мои ноги продолжают нести меня в безопасное место, но я не пропускаю соблазнительного изгиба его губ, равно как и многообещающее подмигивание, которое он посылает мне.

Глава 2

Я дважды стучусь в дверь костяшками пальцев — два быстрых стука. Это наш сигнал. Иногда я притворяюсь, что эта маленькая игра, в которую мы играем, помогает сохранить интимность нашей жизни, но в действительности мужчина за дверью скорее одержим секретностью. Не сложно догадаться почему.

Черт дернул меня принять Его приглашение, но я прихожу сюда каждый второй вторник и каждое первое воскресенье месяца с тех пор, как он заинтересовался моим графиком. Он не знает обо мне ничего, я не знаю о Нем ничего, за исключением того, что он любит контроль, время от времени выпить стакан виски и что трахается он как бог.

Если бы мне пришлось разъяснять это, то звучало бы все как сумасшествие. По правде говоря, я понятия не имею, как здесь очутилась. Так случилось однажды и теперь происходит постоянно. И я не собираюсь останавливаться в ближайшее время.

Он может быть женат. У него могут быть дети. Он может быть наркоторговцем. У меня нет возможности узнать этого, но я точно знаю, что те несколько часов, которые я провожу в его постели, — одни из лучших и самых волнующих моментов в моей жизни. По крайней мере, когда я стану старой и седой, я смогу сказать, что жила.

Дверь приоткрывается, не показывая ничего, кроме темноты, и меня затягивает внутрь сильная, неподатливая рука. Волнение уходит, когда я оборачиваюсь и спиной прижимаюсь

к двери, закрывая ее.

Меня сокрушают жесткие, настойчивые губы, а горячий, влажный язык протискивается сквозь мои зубы. Я стону без капли стыда, когда роняю свой клатч на пол, а руками погружаюсь в короткие тонкие волосы, которые, я точно знаю, черны, как ночное небо.

Мой мужчина-загадка всегда чувствует голод после того, как наблюдает за моим танцем.

Расстегнув пуговицу на моих джинсах, он просовывает руку в трусики и стонет, когда его пальцы раздвигают влажные складочки моей киски.

— Черт возьми. Всегда такая влажная, — бормочет он, кусая мою челюсть, и продвигается вниз к шее.

Я всегда готова к подобному для Него. Может быть это потому, что он — мой единственный источник сексуальной разрядки, не считая моих пальцев, после того как я порвала с Эли в прошлом семестре, а может потому, что он так находчив в постели. Но правда в том, что часть меня получает огромное удовольствие от таинственности. Наш секс — это просто секс. Дикий и грязный, страстный и откровенный. Отбрось таинственность — и ты все это теряешь. Быть может, не прямо сейчас, но однажды.

Отношения почти всегда имеют свой срок. Я не настолько наивна, чтобы думать, что наше соглашение это минует, но, по крайней мере, я ничего не потеряю в процессе. Когда я наскучу своему мужчине-загадке, полагаю, я просто не увижу его вновь.

Я должна быть сосредоточенной на том, что он делает со мной прямо сейчас. Мы не так много времени проводим вместе, и я не хочу пропустить ни секунды.

Я чувствую, как Он опускается на колени, я сбрасываю свои туфли. Я наслаждаюсь чувством, когда его сильные руки поглаживают меня, терпеливо продвигаясь вниз по бокам к моим бедрам, стягивая при этом вниз мои джинсы. Затем мои штаны оказываются стянутыми вниз с лодыжек и с громким шлепком падают где-то в комнате. Мои трусики следуют за ними, и, в мгновение ока, я ощущаю волшебный жар его рта, что накрывает меня.

Запустив пальцы ему в волосы, я прижимаю Его к себе, в то время как он посасывает мой клитор, дотрагиваясь до него губами, и наслаждается происходящим. Ему нравится это. Это первое, с чего он начинает, всегда, и кто я такая, чтобы отказывать ему в этом удовольствии?

Когда его пальцы толкаются вверх внутри меня, я закатываю глаза и приподнимаю таз, стараясь поднести ближе ту маленькую частичку себя, которая нуждается в Его внимании. Но он не в настроении сегодня играть долго. Должно быть, тяжелая неделя. Разумеется, это всего лишь мои догадки, так как мы никогда не разговариваем. Ни о чем.

Я даже не знаю его имени, а он не знает моего. Как я уже говорила, мы практически ничего не знаем друг о друге. Секс — это все, что связывает нас. Фантастический, меняющий жизнь секс.

Я хныкаю, протестую, когда его пальцы и рот покидают мое тело и он поднимается. В косых отблесках света, идущих через окно в другом конце комнаты с видом на реку, я вижу, что он по-прежнему сильно возбужден. На нем темный костюм свободного кроя. Я хочу сорвать его и пробежаться руками по каждой его точеной мышце, скрытой под костюмом.

Свет падает на его хищную улыбку с белыми зубами, будто светящимися в темноте, когда он вытирает пальцами свой рот.

— Раздевайся и залезь на кровать, задом кверху.

Я вздрагиваю от грубых ноток в его голосе и спешу сделать, как он говорит. Этот голос

преследует меня в моих фантазиях — темных и гладких, словно ликер, который он пьет. Я буду делать все, что он хочет до тех пор, пока он будет этого требовать.

Стоя с поднятой задницей кверху, смотрю через плечо, как он снимает свою одежду и становится позади меня. Когда он тыльной стороной своей ладони проводит от основания моего позвоночника к затылку, у меня по всей коже бегут мурашки, затем наматывает часть моих длинных черных волос себе на кулак и дергает мою голову назад.

Хватая меня за бедро другой рукой, он толкается мне в спину своей напряженной эрекцией.

— Я соскучился по этому заду. Тебе понравилось дразнить меня на сцене?

Я вскрикиваю, когда его рука со свистом обрушивается на меня, а кожа начинает саднить от силы его удара.

— Да, — выпаливаю я, толкая бедра выше.

Он шлепает меня еще раз, и, клянусь, голова у меня идет кругом. Как я уже говорила, между нами дикая страсть. Мы знаем, что не преданы друг другу, но ему нравится поддразнивать, будто мы являемся таковыми. Это игра, в которую мы играем.

— Тебе нравится трясти этими сиськами и этой задницей перед всеми теми потными, похотливыми засранцами, не так ли? Ты балдеешь от этого.

— Да, — стону я, когда его рука скользит между моих ног, теребя мою киску.

Если бы он не так сильно держал меня за волосы, то я бы уже давно уронила голову на кровать. Мои ноги дрожат, когда я чувствую, как он проводит головкой члена от клитора к попе.

— Осмелишься ли ты сегодня, детка?

Я напрягаюсь, понимая, о чем он меня просит. Это единственное, что до сих пор я еще не позволяла ему сделать, и я не уверена, что готова попробовать. Просто это бы означало другой уровень для наших грязных секс-вечеринок, хоть я и так уже продвинулась на ступеньку выше с его последнего визита после того, как позволила ему трахнуть себя у окна среди бела дня, чтобы весь город видел нас. И если мы сбавим темп, боюсь, мы с ним расстанемся.

Его низкий смех врывается в мои мысли.

— Ты слишком долго думаешь. Значит, я все решу за тебя. Сегодня без анала, но в следующий раз я хочу в эту тугую дырочку.

Я все еще не оправилась от его слов, когда он резко входит в меня, толкаясь со всей силы.

Секс с моим мужчиной-загадкой всегда грубый. Он жестокий, быстрый, и иногда после него на моем теле остаются метки. Например, я знаю, что завтра кожа головы будет болеть. Он оседлывает меня, как ковбой своего жеребца, дергая и дергая меня за волосы так сильно, что трудно сосредоточиться на его твердом члене у меня между ног. От его хватки на бедре, думаю, тоже останутся синяки. Хотя я всегда наслаждаюсь тем, как сила его тела врзается в меня. Это наша связь. До тех пор, пока он глубоко внутри меня, я могу притворяться, что он мой.

— Потрогай себя, — приказывает он сквозь стиснутые зубы.

Он близок к тому, чтобы кончить, и если я не поиграю со своей киской, то останусь ни с чем. Я поняла довольно быстро, что это он выбирает, когда и как мне испытать оргазм. Иногда он уделяет мне дополнительное время и проявляет желание подарить мне наслаждение. В остальное же время, как и сегодня, он играет и затем входит в меня. Он не

ждет. Если я не позабочусь об этом сейчас, то сделаю это позже, когда буду одна в своей постели.

Дело в том, и ни один роман не поведаст вам об этом, что иногда женщина просто не способна кончить, как бы сильно она ни пыталась. Она может концентрироваться на этом до посинения или расслабиться и ждать, пока он настанет, но это все шутки. Оргазм — это как "ловля яблок"¹. Иногда вам удастся выловить одно, но в большинстве случаев, вы просто остаетесь с мокрыми волосами, размазанной косметикой и болью в спине.

И сегодня, независимо от того, как сильно я стараюсь, не могу кончить. Таким образом, я делаю то, что бы сделала любая женщина для своего мужчины, которая хочет порадовать его, — я притворяюсь.

— Ооо... дааа, — издаю я стон в простынь, в самом деле хватаясь за край, когда сжимаю внутренние стенки влагалища.

Он кончает почти сразу, при этом бормочет что-то, когда входит в меня. Спасибо, бл*ть, за контроль рождаемости и презервативы. Он настолько велик и мощен, что было бы глупо не согнуться в три погибели.

Он обрушивается сверху на меня, мои руки бессильно падают под его весом. Единственным звуком в комнате в течение нескольких минут после этого является наше учащенное дыхание и стук моего сердца, отдающийся в ушах из-за борьбы за достаточное количество кислорода.

Наконец, давление отступает, так как мой мужчина-загадка откатывается в сторону. Из ниоткуда я слышу громкий шлепок и сразу чувствую резкое жжение на своей заднице.

— Твою ж мать! — визжу я, не будучи уже в своем сексуально-затуманенном бреде.

В этот раз он хлестнул со всей силы. Соскакивая с кровати, я держусь за ягодицы и смотрю на него взглядом, полным ненависти.

Его улыбка выражает непокорность и вызов.

— Помни об этом, когда в следующий раз решишь симулировать оргазм.

Я открываю рот от удивления, когда он направляется в сторону ванной комнаты. Мое возмущение из-за удара рассеивается, шок быть пойманной затихает, как утренний туман на солнце, когда я понимаю, куда он направляется. Тепло возвращается на свое место.

— Нужен кто-то, чтобы потереть тебе спинку?

Обычно, его хватает на два раунда, а иногда — на больше. Но ему всегда требуется немного времени, чтобы восстановить силы. Такие моменты мне нравятся больше всего, потому что это единственное время, когда он нежен. Его поведение могло бы ввести меня в заблуждение, если бы я настолько не привыкла к его особенностям.

— Раз уж ты предлагаешь. Есть несколько и других мест, которым не помешало бы немного особого внимания.

На моем лице расцветает улыбка, когда я открываю дверь и вхожу внутрь. Вода в душе уже включена, и вид его голого зада с круглыми, твердыми мышцами, переходящего в накаченную спину с широкими плечами, заставляет меня изрядно нервничать. Женщины, должно быть, падают замертво при таком чертовски совершенном виде. А я? Я комкаю мочалку. И планирую облизать каждый дюйм его тела.

Он берет меня еще дважды той ночью, один раз — в душе, наполняя мой рот спермой, и второй — по-видимому, в его новом любимом месте, перед окном. Да, мой мужчина-загадка грязный мальчик, и мне это нравится.

Когда сигнал будильника на его телефоне разрывается в пять утра, всего через

несколько преддрасветных часов после того, как мы уснули в объятиях друг друга, я не готова просыпаться.

— Вставай, — говорит он отрывисто. — Я уйду через двадцать минут.

Потирая глаза, я скатываюсь с кровати, чувствуя себя одной ногой в реальности, а другой — по-прежнему в мире грез.

— Почему ты уходишь так рано? Ты обычно встаешь в семь.

— Мне нужно сходить кое-куда.

— Так рано?

Я сразу понимаю, что взболтнула лишнего. Он не любит жалоб. То, что напоминает мне об этом, когда он окидывает меня взглядом через плечо, — это его суровые глаза цвета оникса, угрожающие сравнить меня с землей, если я быстро не закрою свой рот.

Держа руки в знак капитуляции, я ищу свою одежду и начинаю одеваться.

— Забудь, что я говорила. Ты хочешь, чтобы я ушла, — я уйду.

Я отказываюсь позволять ему пинать меня под зад и ранить мои чувства. Тем не менее, нельзя не признать, что его отказ немного жалит.

Останавливая меня в конце кровати, он кладет руки мне на плечи, и я останавливаюсь, когда смотрю в его глаза. И я вижу в них... сожаление?

— Смотри, чтоб никто не увидел, как ты уходишь.

Нет. Я опять ошибаюсь. Вот черт. Он тот, кто он есть. И все же я продолжаю надеяться, потому что я глупая идиотка.

— Конечно. На следующей неделе в то же время? — спрашиваю я с надеждой, при этом ненавижу себя за то, что мои слова звучат с таким желанием.

Если бы у меня было хоть немного самоуважения, я бы давно сказала ему отвалить.

— Если ничего не изменится, — как обычно, отвечает он.

Не знаю, почему я продолжаю спрашивать, ведь его ответ не меняется. Он накрывает мои губы своими, и в течение этого короткого фантастического момента меня затягивает обратно в блаженное состояние, которое обеспечивается, благодаря слиянию наших губ.

Я тяжело дышу, когда он отстраняется от меня, в голове проясняется, когда я выскальзываю из комнаты так же, как и входила — бесшумно и незаметно.

Глава 3

— Джоз, подожди!

Я поворачиваюсь на звук своего имени и вижу Энни, несущуюся ко мне, ее светлые волосы подпрыгивают на плечах. Как обычно, она опаздывает. Или, по крайней мере, ей так кажется. Энни из тех, кто думает, что время работает против них с той минуты, как они выходят за дверь. На самом деле, как и всегда, она приходит вовремя, если даже не раньше.

Я отхожу в сторону таким образом, чтобы не перекрывать тротуар и, ухмыляясь, жду ее. Нас разделяет улица, но я и отсюда могу сказать по розовым щекам и напряженному взгляду ее смелых зеленых глаз, что она возбуждена. По сравнению со мной, Энни маленькая, почти крошечная, и прекрасно сочетается в себе остроумие и необыкновенную привлекательность. Если вкратце, мне становится стыдно, потому что Энни никогда не станет делать то, чем занимаюсь я для выживания. Она слишком милая, слишком невинна. В сочетании с моей встречей поздним вечером, рядом с ней я чувствую себя грязной и использованной.

Я выбрасываю из головы все мысли, тревожащие мою душу, как только Энни добирается до меня, и мы продолжаем дальше идти с ней в ногу.

— Ты действительно оттягиваешь до последнего, — поддразниваю я ее. — До начала занятий осталось всего двадцать минут. Нам повезет занять места в первом ряду.

Сегодня я начинаю первый курс по искусству и как дополнительный бонус смогу обмениваться опытом со своей лучшей подругой.

Энни усмехается мне и ускоряет шаг.

— Не смешно, Джоз. Я не хочу опоздать на это занятие. Любой тебе скажет: профессор Скотт крепко держит всех за яйца.

— Ну, тогда нам повезло, что их у нас нет, — игриво подталкиваю я ее, но вижу, что она не в настроении. Игривость в ней не проснется, по крайней мере, еще час. — Удивляюсь, как ты до сих пор не нажила себе язву. Расслабься, ладно? Это курс по искусству. Что сложного в нем может быть?

Как выяснится позже, эти слова будут еще долго меня преследовать.

Мы — первые пришедшие студенты. Класс сделан как амфитеатр, сиденья расставлены полукругом к центру, где на возвышении стоит небольшая кафедра. Верхний свет режет мне глаза, пока я следую за Энни к первому ряду, чтобы занять места спереди по центру, как она любит. Я предпочитаю последний ряд — так далеко, как возможно. А это слишком близко, я даже буду видеть, как развеваются волосы на носу профессора, когда он говорит.

Пока класс постепенно заполняется, я наклоняюсь к Энни и говорю так тихо, чтобы никто не услышал:

— Так как все прошло с Джейсоном прошлым вечером? Тебе удалось все уладить?

В последнее время у нее проблемы с бойфрендом. Она не распространяется об этом, все, что она рассказывает мне, сводится к тому, что они встречаются с первого курса и, вроде, все было так хорошо, что они даже планировали пожениться после выпуска. А теперь, на второй неделе начала нашего последнего курса, все выглядит так, будто Джейсон пересматривает свои планы на жизнь. Отстраненный, капризный, считающий всех вокруг козлами — мне трудно понять, что она нашла в нем. Он подходит к нам только, чтобы занять свободный стул, а затем уходит снова, и я начинаю уставать от того, что подруга тоскует по нему. Единственная причина, по которой я ничего не говорю, потому что, уверена, Энни относится к тому типу людей, которые сами распоряжаются своим временем и сами ищут свой путь. Именно поэтому я до сих пор ни с кем не живу. Если это то, что меня ждет, то я с удовольствием останусь одна навсегда.

Как только в уме пробегает эта мысль, в памяти тут же всплывает пара пронизывающих темных глаз.

Закатив глаза, Энни глубоко вздыхает.

— Нет. Как только мы добрались до его общежития, заваливаются его друзья, и следующее, что я понимаю, — что сижу в окружении "братства" и наблюдаю, как он играет в пиво-понг и напивается. Я не могу разговаривать с ним, когда он такой. — Она смотрит на меня, подняв бровь. — А в последние дни он постоянно такой.

Грусть, исходящая от нее, ранит меня прямо в сердце. Энни слишком хорошо относится к человеку, который так по-хамски себя ведет. Она считает его личностью, но он ею не является. Джейсон не заслуживает, чтобы рядом с ним был кто-то настолько верный и любящий. Я как раз собираюсь сказать ей об этом, когда дверь с треском открывается и звук разносится по всей комнате.

— Переключка, — громко звучит чей-то голос, отражаясь эхом от стен.

Мои глаза готовы выпрыгнуть из орбит, все начинает плыть перед глазами, и я сажусь

ровно. Моему мозгу нужно время, чтобы осознать то, что видят мои глаза, и когда это происходит, я почти задыхаюсь.

Твою ж мать! Господь Всемогуший, что обитает на небесах, этого не может быть. Но в то же время, все так и есть. Профессор Скотт — мой мужчина-загадка? И потом меня словно поражает молния, и я понимаю, твою ж мать. Профессор Скотт и есть мой мужчина-загадка.

Я буквально поедаю его глазами, все его подтянутое тело, когда он медленно движется, начиная с макушки и заканчивая пальцами ног. Он очень горяч — так отличается от мужчины, к которому я привыкла в темноте клуба, или того, которого искажает гримаса страсти во время секса. Для меня трудно понять, кто именно сейчас стоит передо мной. Его прямые черные волосы достаточно длинные и достают до воротника его рубашки, а внизу слегка подкручиваются, спереди они гладко зачесаны, открывая взору широкий лоб, густые черные брови, пронзительные угольно-черные глаза, тонкий нос, полные губы и широкий небритый подбородок. Даже его широкая шея, исчезающая под строгой рубашкой с синими пуговицами и классическими черными брюками, придает его образу нечто особенное. И я знаю из опыта, что его начищенные до блеска черные кожаные ботинки точно указывают на то, что происходящее для него действительно важно.

Он словно единый комплекс, и, почему-то увидев его в этой среде, я чувствую себя более связанной с ним, чем когда-либо. Нас объединяет тайная связь, которую я не в состоянии буду игнорировать, потому что когда профессор Скотт подходит и становится передо мной, единственное, о чем я могу думать, — это то, что бы я ощущала, сидя на его члене.

Тихий смех привлекает мое внимание до того, как я полностью погружаюсь в свои фантазии, и я вдруг очень ясно понимаю, что заигрываю со своим профессором-любовником, который стоит в нескольких шагах от меня и в ожидании пристально смотрит на меня своими черными глазами.

Он ухмыляется, и мое сердце начинает глухо колотиться в груди.

— Рад, что вы вернулись к нам, мисс?..

Мое лицо горит, будто к нему поднесли огонь, но все же я прочищаю горло и произношу:

— Джозефин Харт.

— Мисс Харт, — мурлычет он, и мои внутренности переворачиваются от того, как мое имя звучит из его уст. — Я предполагаю, что только что вы нас не слушали. Так вот, мы делаем переключку, и я просил каждого из присутствующих встать и представиться.

Его темные глаза пригвождают меня к месту, и, несмотря на его улыбку, я чувствую себя как муха под микроскопом. Даже за пределами спальни он все тот же доминирующий человек, который всегда контролирует ситуацию.

Профессор Скотт скрещивает руки на груди, слегка наклоняет голову, и я понимаю, что ситуация его веселит.

— Угадайте, кто следующий, мисс Харт.

Мои внутренности сжались в клубок. Ораторство — не сильная моя сторона. На самом деле, это худший мой кошмар. Он бы знал, если бы хоть иногда утруждался узнать меня.

— Я? — тихо пишу я и после его кивка поднимаюсь на дрожащих ногах.

Я ненавижу его за то, что он вынуждает меня делать это. Как могу я, та, кто каждую ночь танцует стриптиз в комнате, забитой мужчинами, трястись лишь от того, чтобы излагать свои мысли перед аудиторией? Я не понимаю этого, но опять же не все в жизни

имеет смысл.

Сосредоточившись, я переключаю все свое внимание на него, черпая всю нужную мне силу из его пронзительных глаз, которые заставляли меня быть непоколебимой в течение последних нескольких месяцев. Я принимала его вызовы до этого и, без сомнения, приму снова.

Когда я открываю рот, чтобы начать говорить, то сама удивляюсь тому, насколько четкий и спокойный мой голос.

— Меня зовут Джозефин, но все зовут меня Джоз. Я выросла в Мичигане, но переехала сюда в школу почти четыре года назад, — произношу я со вздохом и уже собираюсь садиться на свое место, но голос профессора Скотта останавливает меня.

— И какую же ученую степень вы хотите получить?

— Ну... — мямлю я, поднимаясь вновь и глядя ему в глаза.

Я могу поклясться, что вижу в них отблеск чего-то, будто он испытывал удовольствие оттого, что я чувствую дискомфорт. Зная его, вероятно так и есть. Скрестив руки перед собой, я произношу:

— Искусство. Искусство — мой профильный предмет.

— Вы стремитесь преподавать или творить?

— Творить?

— Живопись, рисование, лепка, — разъясняет он, и легкая кривая усмешка на его губах подсказывает мне, что он наслаждается этим.

Я сразу же начинаю испытывать неприязнь к этой его стороне, той, которая вторглась в мой гуманитарный мир, но в то же время я вся трепещу. Знаю, я не должна испытывать возбуждение от всего этого, но все же я чувствую его.

— Живопись и рисование, — уверенно отвечаю я и знаю, судя по его слегка сузившимся глазам, что он одобряет мой выбор. Мне не стоит быть такой счастливой из-за этого.

Он отводит взгляд, освобождая меня от его гипнотизирующего эффекта, и я плюхаюсь обратно на стул. Мое сердце продолжает колотиться со скоростью мили в час на протяжении оставшегося часа. Когда наше занятие закончилось, я бросаю все в сумку и хватаю Энни за запястье, подгоняя ее, будто моя задница горит. Я не останавливаюсь, пока мы не покидаем территорию кампуса, теплое утреннее солнце греет мое лицо.

— За нами кто-то гонится? — смеется Энни, когда вырывает у меня свою руку и поправляет рюкзак на плече. Она вращает запястьем и морщится. — Черт, кажется, ты оторвала мне руку. Что там произошло? Выглядело, будто он был сосредоточен только на тебе. Вы с ним уже были знакомы ранее?

О, я была знакома с ним очень хорошо. Он во всех отношениях трахал меня каждое воскресенье. Боже, ну и дела. Качая головой, я до боли сжимаю пальцами свою переносицу.

— Нет, это наша первая встреча, — лгу я. — Но что за придурок.

— Возможно, он решил преподать тебе урок как привлекать к себе меньше внимания, — говорит она, слегка усмехаясь. — В чем бы ни состояла его проблема, думаю, ты попала в беду. Либо он планирует создать тебе проблемы и превратить твою жизнь в ад, либо же превратить тебя в своего любимчика.

Мои губы кривятся в отвращении:

— Вот почему я люблю сидеть на последних партах.

Может быть, там мне бы удалось не попадать под радар его глаз до конца семестра. Теперь любая надежда испарилась.

— Слишком поздно для этого. — Быстро обняв меня, Энни машет мне, когда срывается по направлению к научному корпусу. — Увидимся.

Я на автомате поднимаю руку в ответ и смотрю ей вслед. Любимчик преподавателя? Часть меня абсолютно негативно относится к такой идее, хотя другая обдумывает все выгодные варианты, которые сможет извлечь из этого. Еще никогда ранее мы не занимались сексом, перегнувшись через парты.

Должно быть, я опережаю события. "Ничего хорошего из этого не выйдет", — говорю я себе. Этот человек может подвести меня в любой момент, если я разозлю его. Мое будущее в буквальном смысле в его руках. Все-таки Энни права. Сейчас уже слишком поздно что-то менять. Я потерпела поражение, и мне нужно окончить эти курсы любой ценой.

Мысли тяготят меня, потому что я знаю, что моя судьба в его руках, неважно, понимает он это или нет. Но сейчас у меня нет времени стоять и раздумывать о своей судьбе. У меня есть еще четыре часа, чтобы дойти и подготовиться к своей смене в клубе "Мираж". Оставив прошедший час позади, я направляюсь к кафедре английского языка.

Глава 4

Как только заканчивается последняя пара, я бегу к своей машине. Пусть солнце еще высоко и время обеденное, но бизнес в "Мираже" будет процветать, как всегда. Там всегда непрерывный поток клиентов, если в меню есть выпивка и голые тела.

Открыв багажник своей выцветшей на солнце "Тойоты Камри", я забрасываю внутрь сумку, полную книг и с сегодняшним домашним заданием, и меняю ее на черную сетчатую сумку, в которой находится платье для сегодняшнего вечера. Тайнственная улыбка появляется на моих губах, когда я представляю его. На мгновение я сомневаюсь, появится ли мой мужчина-загадка — эмм... профессор Скотт — в клубе. Если да, то мне интересно его мнение, если я надену черную мужскую классическую рубашку, изумрудно-зеленый галстук и стринги. Интересно, подумает ли он, что я нарядилась так для него.

Маневрируя по стоянке, я замечаю знакомую фигуру. Он стоит перед своей машиной, блестящим серебристым "БМВ", заглядывая под открытый капот с выражением ужаса. Он напряжен — я вижу это по положению его плеч, и когда он взъерошивает свои темные волосы и сильнее хмурит брови, я решаю съехать на обочину.

— Помощь нужна? — спрашиваю я.

Профессор Скотт переносит всю тяжесть своих темно-карих глаз на меня, и я трепещу, но в то же время и пугаюсь. Он не просто напряжен, он разозлен. В руке он сжимает мобильный телефон и указывает им на машину.

— Этот кусок дерьма не заводится. Просто выдает какие-то щелчки, — рычит он.

Узнав меня, он прищуривается, и я надеюсь, что это всего лишь солнце бьет ему в глаза, что и побуждает такую реакцию. Однако, меня не проведешь.

— Я впервые слышу, чтобы "БМВ" называли куском дерьма, — язвительно отвечаю я, игнорируя его реакцию. — Вы вызвали кого-нибудь посмотреть машину?

Вопрос риторический. Само собой, если у него в руке телефон, значит, он уже кого-то вызвал.

— Конечно, — отрезает он, взглядом давая мне понять, каким глупым он считает мой вопрос. — Я плачу почти две сотни в год, а они сказали мне подождать час и сорок пять минут, пока приедет эвакуатор.

Он бросается проклятиями, эти яркие выражения делают его похожим меньше на

профессора, а больше на обычного человека. На мужчину, к которому я привыкла.

Его агрессия напоминает мне о нашей прошлой ночи. О жесткой двери, исцарапавшей мою спину, и о синяках, которые он оставил на моих бедрах, когда пальцами впивался в мою плоть, я чувствую между своих бедер болезненную потребность от этих воспоминаний.

Уставившись на открытый капот на минуту, я взвешиваю все варианты. Если я останусь, то опоздаю на работу. Если уйду, буду выглядеть душой. И хотя он вывел меня из себя ранее, когда выставил из номера и пытался унижить перед всем классом, у меня не создалось впечатления, что он полнейший кретин. На самом деле, кажется, грубость — это всего лишь часть того, кто он есть. А прямо сейчас он выглядит действительно чертовски уязвимым. Может, если я сыграю роль доброй самаритянки, он позволит мне скрыться с глаз до конца года.

С этой маленькой искрой надежды, бурлящей в голове, я ставлю машину на стоянку и открываю дверь. Профессор Скотт наблюдает, как я выхожу из машины, так, словно впервые меня видит. Это абсурд, если учесть, что он наблюдает за мной на сцене стрип-бара в течение многих месяцев и почти столько же раздевает меня в приватной обстановке.

Он внимательно рассматривает меня, начиная с лица, постепенно опускаясь к ногам и обратно. Когда его взгляд задерживается на моей груди дольше, чем полагается, я улавливаю предательскую искру, которая позволяет мне убедиться, что ему нравится то, что он видит.

Я не могу его винить за это. Каждый день я вижу тот же взгляд мужчин в клубе. Классическое интуитивное притяжение. Мужчине нравится то, что он видит, но в действительности он не знает меня, так что на этом все и заканчивается.

Если только один из нас не решает иначе.

Возможно, это как-то связано с изменением окружающей нас обстановки. Вне стен клуба и отеля я реальный человек. Не какая-то фантазия, которую он может трахнуть и отложить на потом, как фарфоровую куклу.

Я становлюсь немного смелее, ощущая влияние силы, которое обычно приходит лишь, когда я выступаю на сцене.

— Говорите, что-то щелкает, когда вы пытаетесь завести ее?

— Да, щелчки и больше ничего.

Прошмыгнув мимо него, я обхожу машину вокруг со стороны водителя и проскальзываю на маслянисто-черное кожаное сиденье. Машина роскошна и по цене, и по стилю, я уделяю минуту, чтобы зафиксировать в памяти искусно сделанную приборную панель, ручную обшитые кожей и хромированные детали. Черт, даже маленькая елочка, которая пахнет мужским одеколоном и висит на зеркале, занимает в моей голове особое место. Через лобовое стекло я вижу профессора, который напряженно моргает и пытается овладеть собой.

Право, пора преподать ему небольшой урок насчет того, кто я.

Хотя машина и не заведется, я все равно пытаюсь повернуть ключ зажигания для того, чтобы услышать щелчки самой. Звучит один щелчок, и я наблюдаю за показателями на приборной панели.

— Панель управления как-то реагировала, когда ты в первый раз пытался завести машину?

Он скрещивает руки на груди, и я не могу не отметить, как ткань его рубашки обтягивает его плечи и бицепсы. "Прошлой ночью на них были мои руки", — думаю я, мысленно улыбаясь.

— Панель загорелась на секунду, а потом погасла. Все перестало работать.

Он прищуривается, наблюдая, как я выхожу. Он отходит в сторону и следит за моими движениями, когда я снова проскальзываю мимо него и заглядываю под капот. Я знаю, о чем он думает. Что, по мнению этой девушки, она знает про ремонт автомобиля? Ответ: больше, чем он.

Моя лимонная "Тойота" тысяча девятьсот девяносто второго года выпуска частенько ломалась. Затраты на постоянные ремонты требовали всех заработанных мной денег, поэтому я научилась самостоятельно справляться с некоторыми вещами. Например, я точно знаю, что произошло с неоправданно дорогим профессорским "куском металла".

— Стартер накрылся, — говорю я, глядя через плечо на него.

Его глаза расширяются от удивления, а затем сужаются с подозрением.

— Дай угадаю, твой отец или брат в детстве тебя научили нескольким хитростям?

Опять же, он бы знал ответ, если бы уделял время, чтобы узнать меня. Кажется, ему нужен экспресс-курс.

— Мой отец умер, а я единственный ребенок в семье, — как бы между делом говорю я, хотя замечаю, как он опускает руки и делает шаг назад, будто он шокирован и сожалеет о своих последних словах. — Тому, что я знаю о машинах, я научилась самостоятельно. Твой стартер, — говорю я, указывая на машину, — сломался. Ремонт обойдется относительно дешево, особенно если ты можешь сделать это сам. — Я критически осматриваю его модную одежду. — Но что-то мне подсказывает, что ты не станешь возиться с этим.

Он осматривает свою одежду, словно пытаясь понять, что с ней не так. Когда он снова поднимает взгляд на меня, я замечаю, что мои слова затронули что-то в нем. Профессор Скотт подходит к открытому капоту.

— Ну а ты, значит, станешь?

Он оглядывает меня с тем же выражением, что и я его, — мой черный топ, белые зауженные джинсы и туфли-лодочки с открытым носком.

Ухмыляясь, я отвечаю:

— Ничего не имею против небольшой грязи под ногтями. К сожалению, я только на этой неделе сделала маникюр, и у меня нет времени его переделывать. Тем не менее, я могу подвезти, если тебе куда-то нужно.

Должна признаться, я наслаждаюсь происходящим. Меняясь ролями с тем, кто всегда все контролирует, а теперь должен подчиниться. Отплатить за унижение, которое я испытала, когда он так бессердечно выставил меня из своего номера в отеле.

Я пристально наблюдаю за ним, терпеливо ожидая его ответа, но время идет. А я не могу позволить себе опоздать на работу.

Профессор Скотт не выглядит довольным своим выбором, но, к счастью, у него не занимает много времени принять решение. С тяжелым вздохом он захлопывает капот и вытаскивает ключи из зажигания. Очень решительно большими шагами он направляется к пассажирской двери моей машины.

— Я встречаюсь кое с кем на Ривер Фронт Плаза. Знаешь, где это?

Конечно, знаю, учитывая, что это лучший элитный ресторан в городе, который расположен в квартале от клуба, и он трахает меня каждую неделю в отеле по соседству. Акцентировать на этом внимание, кажется, банально. Разумеется, он и так об этом знает.

Взяв себя в руки и решившись наконец идти дальше, отбросив все мысли и скрыв разочарование, ведь с кем бы он ни встречался там, это не я, решаю провести с ним еще немного времени. Поэтому сажусь за руль и завожу двигатель.

— Мне знакомо это место, — коротко отвечаю я.

Профессор Скотт пристегивает ремень безопасности, и я замечаю, что он, кажется, не слишком доволен тем, как проходит его день. С другой стороны, это замечательная возможность, свалившаяся на меня просто с неба. Пока я подъезжаю к выезду со стоянки, уже вечерет, и я сразу же вливаюсь в поток движущихся машин.

— Это деловая встреча или развлечение? — спрашиваю я и жму на газ, чтобы успеть проскочить, пока не загорелся красный.

Мы проносимся через оживленный перекресток, не смотря на то, что нас зафиксировал видеорегиистратор на камере, установленной в прошлом году. Сидящий рядом профессор мертвой хваткой держится за дверную ручку, и я, довольная, усмехаюсь сама себе.

— Что? — переспрашивает он, и его голос напряжен.

Я почти смеюсь, потому что сейчас тот единственный раз, когда я вижу его за пределами его привычной среды. Как правило, он все держит под контролем, а я в полной его власти. Должна сказать, чувство власти опьяняет.

Честно говоря, я вожу ужасно. Я это знаю, потому что Энни много раз мне об этом говорила, и поэтому всякий раз, когда мы куда-нибудь едем вместе, за рулем она. Проблема даже не в том, что я безрассудна. Я агрессивна. Немногие люди могут сдерживаться достаточно долго, чтобы не покритиковать мою езду, и меня впечатляет то, что он смог так долго держать свои комментарии при себе. Однако, болезненная бледность выдает, что он на пути к преждевременному сердечному приступу, так что я давлю на педаль и сбавляю скорость.

— Так деловая встреча или развлечение? — повторяю я.

По мере того, как к его лицу снова приливает кровь, профессор Скотт отрывает взгляд от дороги на достаточно долгое время и смотрит на меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Встреча с другом? С деловым партнером? Или с женой?

— Развлечение, надо полагать.

Я киваю, делая вид, будто информация не выбила весь воздух из моих легких.

— Значит, жена?

Он бросает на меня странный взгляд, и я не могу понять, уловил ли он напряжение в моем голосе.

— Ты моя студентка, Джозефин, — выговаривает он. — Я не собираюсь с тобой это обсуждать.

— Прекрасно, — быстро отвечаю я, сильно обеспокоенная его холодным тоном. — Я уже знаю, что ты не женат. Так что собираюсь предположить, это подруга.

— И как ты узнала, что я не женат? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне лицом с приподнятой бровью.

Потянувшись, я прикасаюсь к безымянному пальцу его левой руки.

— Нет кольца.

Это было первое, что я проверила в ту ночь, когда он передал мне свою визитную карточку и попросил встретиться с ним вне клуба. Мало ли что я могу натворить, но я точно не уволю чужих мужей.

Он отворачивается к окну, и, к моему разочарованию, разговор заканчивается, так и не начавшись. Подъезжая к ресторану, я уделяю минутку, чтобы разглядеть его. Я никогда не была внутри, но у меня всегда дух захватывает от размера и величия этого здания.

Я негромко и протяжно присвистываю от восторга, наклоняясь к рулю, чтобы разглядеть стальной небоскреб.

— Шикарно.

Профессор Скотт тихо смеется и качает головой.

— Вот и все, — говорит он, потянувшись к дверной ручке. — Спасибо, что подвезли, мисс Харт. Я в долгу перед вами. Хорошего вечера.

Он уходит за секунды, а я отъезжаю, все раздумывая, как он намерен отплатить мне. Но, как только я вхожу через задний вход в "Мираж", менее чем за пять минут меня окутывает покровом тьмы, резким запахом духов, алкоголя и слабым запахом плесени, и осознание того, что он встречается с кем-то еще, сбивает меня с ног. Наше общее времяпровождение подошло к концу.

Я не должна чувствовать себя так, словно кто-то умер, но я чувствую знакомую боль, которая преследовала меня после смерти родителей, как груз, висящий в самом центре моей груди. Он разъедает меня изнутри, словно кислота, и я должна напомнить себе, что знала: этот день настанет. Я просто не думала, что уходить будет так сложно.

— Ты опоздала, Джо.

Кота, владелец клуба, входит в раздевалку без стука и опирается плечом о стену, когда наблюдает за тем, как я переодеваюсь.

Его жесткий пристальный взгляд пугал меня, когда я только занималась к нему на работу одной из его танцовщиц, но, как и к большинству вещей в жизни, я привыкла к этому. Это помогло понять, что Коте все равно, раздетая ты перед ним или нет. Он достаточно долго работает в этом бизнесе, чтобы понять, что следующие сиськи будут такие же, как и предыдущие. Его больше интересует конечная прибыль.

— Мне нужно было выручить друга, — неопределенно говорю я, потому что здесь лучше меньше распространяться. Все, что Кота или еще кто-либо должен знать обо мне, написано в моем резюме.

— Я отработаю сверхурочно за столиками, чтобы реабилитироваться, прежде чем я начну выступление.

— Никаких столиков, — говорит Кота, его лысая голова сияет, когда он ею качает. — Ты нужна мне сегодня в зале.

Я пожимаю плечами и безучастно киваю. Все девушки в течение недели проходят через это, и то, что я буду сегодня работать в зале, означает, что кто-то не пришел. Думаю, на сегодняшний вечер мне нужно изменить свой костюм.

— Кто отпросился?

— Кристин. У нее грипп или что-то в этом роде.

— Надеюсь, она не беременна, — с усмешкой отвечаю я, но, увидев недовольную гримасу на лице Коты, понимаю, что шутка не удалась, и перестаю улыбаться. Забеременеть — все равно что умереть. Это гарантированный пинок под зад. Еще один стимул для меня, так сказать, держать штаны застегнутыми.

Выпрямляя спину, Кота распахивает дверь, позволяя грохоту музыки влиться внутрь.

— Дай им жару, Киска. Похоже, ночь будет тяжелой.

Глава 5

Кота не шутил, когда говорил, что ночь будет тяжелой. За всю ночь я не присела, и тело болит везде. Принеся выпивку за последний столик, ставлю поднос за барной стойкой и

машу рукой высоко над головой в надежде привлечь внимание Коты.

— Я беру перерыв! — кричу я и, когда он кивает и возвращается к разливу напитков, направляюсь в уборную.

В первую очередь я сбрасываю туфли на каблуках и разминаю свои пальцы. Ощущения так чертовски хороши, что я стону. Эта работа определенно для молодых, потому что я даже представить себе не могу, что здесь можно провести десять лет. По окончании этого года я буду двигаться к более существенному и лучшему.

Я использую перерыв, чтобы освежиться, протирая свою разгоряченную кожу влажной бумажной салфеткой и поправляя пальцами волосы. Когда я заканчиваю, дверь в дамскую комнату распаивается, и я поднимаю взгляд на Бернис, голова которой заглядывает вовнутрь.

— А, вот ты где, — с облегчением говорит она. — Я искала тебя повсюду. Кота говорит, что ты нужна в VIP-зале.

В ее карих глазах вспыхивает веселье, когда ее взгляд опускается к моим ногам, которые я закинула в раковину, наполненную водой.

Это лучший способ снять усталость от этих чертовых туфель, поэтому я не чувствую ни капли стыда. Я киваю в сторону бумажных полотенец, Бернис берет парочку и протягивает руку, чтобы вручить их мне.

— Он сказал, кто там?

Иногда нам поручали постоянных клиентов. С ними легко, потому что они предсказуемы.

Сморщенный нос Бернис подсказывает, что ответ мне не понравится.

— Не-а.

Я вздыхаю. После такого денька у меня нет никакого настроения развлекаться.

— Ну, а ты знаешь, кто там?

— Не-а.

Отлично. Парню лучше бы оставить побольше чаевых.

— Скажи ему, что я буду через минуту.

— Будет сделано, но позволь совет: я бы не заставляла его ждать слишком долго. Парень, кажется, важная персона.

С легкой улыбкой она уходит прочь.

Я вздыхаю, вытирая ноги и засовывая их обратно в туфли с шестидюймовым каблуком. Они начинают жать, как только я выхожу из туалета, и я едва успеваю изобразить на лице счастье. Я пытаюсь мыслить оптимистически. Думаю, сколько я получу в конце шоу.

* * *

VIP-комната расположена в самом конце отдельного темного коридора на первом этаже справа от бара. Там, над каждой из шести дверей, горит розовая неоновая подсветка, указывающая на то, что все они заняты. Подходя к концу коридора, чувствую нервный трепет ожидания. Я никогда не знаю, что ждет меня за закрытой дверью. Один мужчина или двое? Горячий ли он? Никогда не знаешь заранее, но слова Бернис о том, что парень важная персона, вселяют в меня небольшой луч надежды. Независимо от обстановки, в которую я собираюсь окунуться, она будет более интимной, чем выступление на сцене. И оплачено это будет гораздо лучше.

Моя рука дрожит, когда я поворачиваю ручку и вхожу внутрь.

Комната больше, чем остальные, достаточно большая, чтобы вместить около двадцати людей, которые разместились бы в красных кабинках из кожи, образующих полукруг вдоль дальней стены. Кота утверждает, что кожа дает клиентам представление, будто учреждение высокого уровня. На самом же деле все выглядит высококлассным, когда единственный источник света исходит от люминесцентной лампы. Так просто легче убирать весь бардак. Круговая сцена с четырьмя блестящими серебряными металлическими шестами находится перед кабинками и занимает большую часть центра комнаты. Мини-бар справа от меня гарантирует, что холостяки могут напиться до чертиков, пока к их членам ласково и дразняще прикасаются, но сегодня он пуст.

Сегодня вечером компания невелика, и я останавливаю взгляд на двух фигурах, сидящих прямо напротив меня, и понимаю, что желаю поучаствовать.

Женщина несколькими годами старше меня одета в черную юбку-карандаш и заправленную в нее красную блузку, что соответствует цвету ее губной помады, одаряет меня страстным испепеляющим взглядом, когда я вхожу в комнату. Она похожа на фейерверк, из-за чего я решаю называть ее Рыжей. Десять к одному, что прийти сюда — ее идея. Наверное, чтобы оживить интерес в спальне. Так часто случается, когда пары приходят вместе, чтобы посмотреть мой танец. Для меня это не важно. Деньги есть деньги, и не мое дело судить чужие отношения. Но я сужу, потому что узнаю человека рядом с ней, лицо, которое смотрит прямо на меня. Я бы с легкостью узнала эту вальяжную позу и темные глаза где угодно.

Может, все-таки это и не было ее идеей.

Мои миры столкнулись с новой силой, словно лужа неправильно подобранной краски, пролитой поперек пола, покрытого линолеумом. Я не ожидала увидеть своего мужчину-загадку еще раз, но он здесь, сидит передо мной, ожидает моих прикосновений. Этого достаточно, чтобы у меня перехватило дыхание.

Я не знаю, что он здесь делает, и мне ненавистна мысль, что он привел кого-то с собой, но я не могу перестать поедать глазами каждый дюйм его восхитительной фигуры. Он — мечта в черном костюме, верхние несколько пуговиц его белоснежной рубашки расстегнуты, открывая взору немного волос на груди. Как будто этого было не достаточно, чтобы убедить меня в том, что он замышляет что-то нехорошее, темно-красный свет падает сверху на его фигуру, делая его до смерти похожим на дьявола — донельзя грешного и бесспорного.

Нежелание профессора Скотта разоблачать того, с кем у него встреча, более не является тайной. Может быть, он привел ее сюда только, чтобы посмотреть, как я буду реагировать, если не в качестве меры наказания за попытку узнать информацию. Это именно то, что я сейчас вижу. Кем бы ни была эта женщина, она, должно быть, приезжая, так как я определенно не узнаю ее. Я сильно сомневаюсь, что профессор Скотт ожидал в своем классе натолкнуться на собственную любовницу так же, как я никогда не рассчитывала, что он окажется одним из моих преподавателей. Но как же мой мужчина-загадка? Каждый его шаг преднамеренный. Расчетливый. Я не сомневаюсь, что и сегодня это в некотором роде тест.

Я как не в своей тарелке. Я чувствую, будто меня предали, но в то же время я напоминаю себе, что между нами никогда не было никаких обязательств. Тем не менее, я не могу перестать представлять, как он делает с ней то же самое, что и со мной в комнате отеля.

Она заняла мое место?

От мыслей, что проносятся в моей голове, меня тошнит. Я превращаюсь в беспорядочный комок нервов, и мне нужен чертов алкоголь, чтобы успокоить нервы, но с его влиянием профессор Скотт выглядит абсолютно спокойным. А почему бы и нет? Он единственный, кто здесь дергает за ниточки. Это заставляет меня задаться вопросом, как часто он это делает. Несмотря на то, что я испытываю уже второй приступ тошноты с момента, как вошла в эту дверь, и он становится все сильнее и сильнее с каждым моим шагом, он не проявляет абсолютно никаких признаков эмоций. Не могу сказать, или волнует его вообще мое присутствие здесь, или же он может предвидеть все, что должно случиться.

Я бы хотела думать, что читаю в его глазах именно предвкушение. Пусть я никогда и не предполагала, что буду исполнять приватный танец перед одним из своих преподавателей, не могу отрицать, что часть меня приходит в восторг, так как я, наконец, получаю возможность быть еще ближе к человеку, который подавлял все мои мысли и эмоции в течение нескольких месяцев. Чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, что меня абсолютно не должно волновать наличие у него девушки. Он ступил на мою территорию, и если кто-то и должен прямо сейчас чувствовать себя неловко, то это он. Сегодня я намерена показать ему, каково это быть в чьей-то власти.

Воодушевленная реализацией замысла, я концентрируюсь на том, что сделаю с ним то, что он всегда делал со мной. Сладкие пытки — моя специализация. Если он будет хорошо себя вести, я даже позволю ему коснуться меня. От самой мысли об этом я становлюсь влажной.

Медленными отточенными движениями я ставлю колено на сцену и начинаю ползти по ней. Я удерживаю взгляд профессора Скотта, когда кружусь вокруг, а затем сажусь на краю и ставлю каблуки по обе стороны его ноги и ноги женщины, широко раздвигая свои собственные. Взгляд профессора падает на мою промежность, и я ухмыляюсь, когда замечаю голод, отражающийся в нем.

Это тот выброс мужества, в котором я нуждаюсь.

— Правило первое: никаких разговоров. — Мой голос щелкает, словно удар кнута, заставляя обоих обратить их внимание на мое лицо. Это не правило внутреннего распорядка, оно из моих собственных. Мне нравится мое непрерывное выступление, и болтовня, как правило, портит настроение. — Если я задаю вам вопрос, простой кивок или качание головой — все, что от вас требуется.

— Правило второе: никаких прикосновений. Я буду касаться вас, но вы не будете трогать меня... пока я не позволю, — добавляю я со знойной улыбкой на лице, когда натыкаюсь на испепеляющий взгляд профессора Скотта. Ему не чуждо это состязание. Он знает правила. Но я не сомневаюсь, что он нарушит их, и глазом моргнуть не успеешь, при первой же возможности.

— Думаю, мы поняли друг друга? — Они оба кивают, и моя улыбка становится шире. — Отлично. Теперь, думаю, вы в ожидании простого приватного танца?

Женщина быстро кивает, но на ее лице отражается сомнение, когда она замечает профессора, все еще сидящего, словно камень. Моя улыбка превращается в мысленную ухмылку, когда я чую беду, возникшую на горизонте этой многообещающей пары. Я понятия не имею, как долго они вместе, но незнание того, чего каждый из них хочет, — это верный признак того, что пришли тяжелые времена. Я знаю, чего он хочет. Я точно знаю, какие грязные, мерзкие вещи возбуждают его. Может ли она сказать то же самое?

— Поскольку мы не на одной волне, давайте посмотрим, сможем ли все-таки

настроиться друг на друга, — говорю я и смотрю на женщину, встречаясь взглядом с ее простыми карими глазами. — Основной танец я начну на сцене и буду двигаться вниз, к вам двоим, оставаясь полностью одетой. Если вы нуждаетесь в большем, одежда исчезает. Следующий этап? Я буду прикасаться и ласкать, возбуждать твоего мужчину выше или ниже его штанов, и если у меня будет хорошее настроение, то я позволю вам прикасаться ко мне в ответ.

— Один из вас или же вы оба вместе можете принять участие. Некоторым женщинам нравится наблюдать за мной с их мужчиной, — произношу я и смотрю на профессора Скотта. — Некоторым мужчинам нравится смотреть на меня с их женщиной. Вам решать, как вы двое хотите достигнуть цели.

Жар, который я увидела в глазах Рыжей, когда впервые вошла в комнату, был показной, и теперь она выглядела абсолютно неуверенной ни в чем. Я практически читаю ее мысли. Она переосмысливает всю эту ночь, задаваясь вопросом, что если не стоило наполнять ее разнообразием. Идея о другой женщине, вертящейся обнаженной для ее мужчины, не кажется уже столь привлекательной.

Я переворачиваюсь на спину и подтягиваюсь, чтобы встать на сцену.

— Я дам вам двоим минуту на раздумья. Не больше, — произношу я, хватаясь за шест и оборачиваясь вокруг него. — Время пошло.

Я наблюдаю краем глаза, как они переговариваются, и Рыжая, что стоит по-видимому ей огромных усилий, пытается убедить профессора Скотта отказаться от этой идеи, но то, как его взгляд постоянно скользит вверх, чтобы посмотреть на меня, говорит мне, что он планирует остаться на шоу.

Спустя несколько мгновений я вижу, как Рыжая вновь устраивается в своем кресле и скрещивает руки на вздымающейся груди, и я получаю ответ. С самодовольной улыбкой я присаживаюсь вниз перед ними.

— Это означает, что решение принято?

Профессор Скотт воздерживается от еще одного взгляда на Рыжую.

— Я хочу познать все.

Не мы, а я. Чувство маленькой победы охватывает меня, и мне хочется мурлыкать. Нет ничего сексуальнее, чем человек, который знает, чего он хочет, и не боится принять это. Вот почему я так полюбила его.

— Вы не будете разочарованы.

Я, как и сказала минуту назад, начинаю свою работу на шесте, кружась, ползая, лаская себя, пока точно не становлюсь уверенной, что полностью привлекла их внимание. Темные глаза профессора расширены до такой степени, что становятся абсолютно черными, зрачок полностью поглощает радужку глаза. Соскакивая со сцены и вставая перед ним на колени, вижу, как большая выпуклость быстро растет на внутренней части его бедра, словно готовясь к прыжку.

Я пытаюсь сосредоточить все свое внимание на нем, а не на раздраженной рыжеволосой женщине, наблюдающей за нами. Должно быть, трудно отказаться от контроля над ситуацией в пользу другой женщины, зная, что твой парень испытывает к ней сексуальное влечение. Но это не моя проблема. Прямо сейчас он принадлежит мне.

Он всегда принадлежал мне.

Эта мысль беспокоит меня, и я стараюсь похоронить ее прежде, чем начать рассматривать слишком серьезно. Блокируя проявление любых признаков нервозности, я,

наконец, получаю возможность изучить все свои фантазии в отношении этого мужчины. Я кладу руки ему на колени и скольжу по его бедрам, чувствуя, как подрагивают его мощные мышцы. Я целенаправленно позволяю кончикам своих пальцев задеть его, словно из стали, член, его прерывистый вздох разжигает во мне страсть.

Когда мои груди выступают против его ног, я трусь о него и подползаю вверх, касаясь всего его тела, вдыхая богатое сочетание дорогого одеколона и бренди, что словно прилипли к его загорелой коже. Рыжая нехотя смещается в сторону, чтобы освободить больше пространства и избежать быть продырявленной моим каблуком, когда я поднимаюсь и сажусь на колени профессора Скотта, чтобы оседлать его. Не в силах устоять, я запускаю пальцы в его зачесанные назад волосы и хватаю прядь волос позади его шеи. Откинув голову назад, вращаю бедрами в такт музыки, при каждом движении моя киска трется о его стальной член.

Его низкий ропот одобрения заставляет меня желать, чтобы мы были в каком-нибудь другом месте. Там, где мы могли бы быть одни и он бы мог беспрепятственно касаться меня, быть во мне. Меня никогда особо не привлекал танец на коленях, но сегодня все иначе. Сегодня это худший вариант для поддразнивания. Я только-только начала, а мои трусики уже намокли.

Поднимая голову, я встречаюсь взглядом с профессором Скоттом и наклоняюсь вперед, прижимая свою грудь к его лицу. Я чувствую влагу от его языка, блуждающего в моем декольте, что зажигает водоворот желания внутри меня. Хотя это и против правил, я не буду делать ему выговор. Вместо этого я вознагражу его.

Откидываясь назад, я продолжаю соблазнительно двигать бедрами против него, поддерживая зрительный контакт, беру руками свои груди, сжимая их вместе, а потом провожу руками вверх, чтобы поднять волосы с шеи. Ловкими пальцами тяну за бантик на своем танцевальном наряде — и он спадает, предоставляя мою грудь его изголодавшимся глазам. Он никогда не позволял мне столько контроля, когда мы вместе, поэтому сегодня я намерена воспользоваться этим по максимуму.

Облизывая его губы, я вижу, как руки профессора дергаются по швам, но, как хороший мальчик, он не прикасается ко мне. Снова приподнимая свои груди, я сжимаю их вместе и сдавливаю соски так, как он бы мог это сделать, дразня их, пока их концы не затвердели. Нежные стоны, слетающие с моих губ, неподдельны. Я ощущаю каждое покалывание своей киски. Если бы я не знала, что Рыжая была против, я бы не остановилась на частном танце.

Член профессора напрягается подо мной, и, судя по темному взгляду его глаз, он более чем готов "взорваться". Как и я.

Сидя у него на коленях, я подношу груди к его лицу, придавая им форму чаши, чтобы предложить ему, и провожу сосками по его губам. Замечая вопрос в его глазах, я кусаю губы и киваю в знак одобрения. Мы оба хотим этого, и без колебаний профессор, открыв рот, смыкает его на соске моей правой груди. Ощущение его горячего, влажного языка на моей груди почти рушит меня, и я вырываюсь из его рта с громким причмокиванием. Его взгляд отображает предупреждение и разочарование. Это крайне возбуждает меня.

Поднимаясь, я поворачиваюсь спиной к нему. Цепляя пальцами стринги из прозрачной ткани, я медленно опускаю их вниз к лодыжкам. В этом положении профессору не придется гадать, как сильно я хочу его. Даже в плохом освещении он сможет увидеть, как для него испускает соки моя киска. Как и Рыжая, которая становится более взбешенной в этот момент.

Отбросив мокрые трусики в сторону, я сажусь ему на колени спиной к нему и начинаю тереться своей голгой задницей о его промежность. Его член, словно ствол дерева, между моими ягодицами, и, твою ж мать, я не могу удержаться, проживая вновь то, как оно было, когда он вдалбливался в меня сегодня утром. Никто, кроме него, никогда не вызывал во мне такой реакции, это повышенное внимание грозит уничтожить меня.

Медленное вращение бедрами и прижатие ягодиц к его члену срывают с губ профессора всевозможные гортанные звуки. Я знаю, с этого ракурса ему виден каждый дюйм моего обнаженного тела. Мысль о том, чтобы позволить ему прикоснуться ко мне в ответ, соблазняет меня больше остального, что я когда-либо испытывала, но я быстро отгоняю ее от себя. Я хочу, чтобы профессор желал меня так же, как я жажду его. Я хочу, чтобы он ушел сегодня и представлял себе меня, когда трахает свою женщину. Я хочу, чтобы он чувствовал отвращение по отношению к другим.

Поэтому, дотягиваясь к напряженной точке между своих ног и заставляя обратить на себя внимание, я упорно тружусь, чтобы, как говорится, подвести нас обоих к краю. И затем я соскакиваю.

Позади меня дыхание профессора Скотта похоже на шипение сквозь зубы, а грудь тяжело вздымается за моей спиной. От него исходит жар, и когда он издает томительный стон, а тело бьет дрожь, улыбка расплывается на моем лице.

Вставая, я наклоняюсь и собираю части своего наряда. Начиная одеваться, я оборачиваюсь. Мои глаза тотчас опускаются на влажное пятно, что виднеется на темной ткани прекрасно выглаженных брюк профессора.

— Вы найдете полотенца за баром, если вам нужно привести себя в порядок, прежде чем покинуть наше заведение. Кота снаружи, если вы захотите запланировать какую-либо встречу на будущее. Просто скажите, что хотите видеть Кошечку.

Я уйду, прежде чем любой из них может ответить. Бернис выходит из комнаты под номером три, держа в обеих руках чистящие средства, и мне приходится свернуть в сторону, чтобы не столкнуться с ней.

— Эй, Джо, — зовет она, пытаясь привлечь мое внимание, но я не оглядываюсь.

Все, что она хочет сказать мне, может подождать. Я продолжаю идти к противоположному концу клуба и запираюсь в гардеробной, предназначенной только для сотрудников. Мое сердце неистово колотится в груди, когда я начинаю понимать, что на самом деле только что сделала.

Я только что заставила кончить своего профессора, даже не трахаясь с ним.

Глава 6

Следующим утром занятие напряженное, если не сказать больше. Хотя я не уверена, с чьей стороны больше: моей или профессора. Я держала голову опущенной и не поднимала взгляд с того момента, как зашла в аудиторию, не желая рисковать и заранее зная, что я увижу в его глазах.

Я провела всю ночь, размышляя над тем, что произошло в темной комнате, и понимая, что это было ошибкой. Мне нужно было развернуться и выйти в ту же секунду, когда мой взгляд упал на него, но искушение было слишком велико. Теперь, при свете дня, столкнувшись с тем, что произошло между нами, становится ясно, что секреты, подобные нашему, могут быть болезненно очевидными.

Несмотря на мои усилия держать отдельно обе стороны своей жизни, теперь они

столкнулись, полностью разрушаясь. Все не как у Джей Ло в фильме "Госпожа горничная"². В реальной жизни проблемы достигают эпического размаха, и могу сказать, что комната вокруг меня смыкается в удушающей хватке, из которой меня спасет только гидравлический резак³.

Даже просто раздумывая над тем, как выкрутиться из сложившейся ситуации, я понимаю: возможности мои ограничены. Это единственный курс по искусству в колледже, а профессор Скотт — единственный преподаватель, занимающий эту должность. И если я не хочу полностью свести на нет все, чем я занималась здесь четыре года, мне придется смириться и не отступать от намеченной цели.

Я ощущала на себе взгляд профессора Скотта в течение часа. Мое нежелание отрывать взгляд от ноутбука и принимать участие в обсуждение не означает, что я невнимательна. В действительности, все было наоборот. Я болезненно ощущаю каждую секунду, каждое слово, произнесенное глубоким голосом и слетающее с его губ. Я могла повторить все, что он сказал, настолько я была сосредоточена.

Я ровно до секунды знаю, когда должен прозвенеть звонок. Когда он раздастся, я вскакиваю с такой скоростью, что у Энни нет шансов поспеть за мной. Ничего не могу поделать. Мне нужен воздух. Нужна дистанция.

Так продолжается всю неделю. Точно так же и на работе. Я ловлю себя на том, что разглядываю каждый темный угол, а все внутри меня сворачивается в узел, потому что я не знаю, хочу ли увидеть там скрывающуюся внушительную фигуру или нет.

Но профессор Скотт не замечает меня на занятиях и не показывается в клубе. Неделя проходит без инцидентов, и я начинаю расслабляться. Без сомнения, он ощущает себя так же не в своей тарелке, как и я. То, что произошло между нами, может вызвать скандал. За такое люди лишаются работы. Для нас обоих было бы лучше забыть ту ночь и все остальные.

Я отправляюсь в бар "DJ's" рядом с кампусом и захожу в переполненный зал. Я надеюсь встретить Энни и кого-нибудь из друзей, чтобы выпить. Я ждала этого всю неделю. Мне необходимо расслабить натянутые нервы и повеселиться, иначе я взорвусь. После недели, которая была у меня, сейчас самое время.

Заметив нашу тусовку за столиком рядом со сценой, на которой местная группа играет кавер на песню "Возвращение к корням" Weezer, начинаю пробираться через толпу. Улыбка расплывается от уха до уха, когда я замечаю Энни, сидящую во главе стола с покрасневшими щеками и зажатым в левой руке бокалом пива.

Подойдя сзади, я обнимаю ее за шею, прежде чем она понимает, что это я. Она коротко взвизгивает и, подскочив со стула, обнимает меня.

— Ты это сделала!

— Ты пьяна! — Я отодвигаю ее от себя, смеясь и вглядываясь в ее стеклянный взгляд и покрасневшие щеки.

Энни машет пальцем, когда мы обе садимся за стол.

— Навеселе, но не пьяная. Одним пивом нельзя напиться.

Я приподнимаю бровь.

— Ну, если ты так говоришь, куколка. Так, а где твой пупсик?

Я оглядываю стол, не замечая никаких признаков Джейсона.

— Он припоздает. — Она закатывает глаза. Теперь я понимаю, почему вечеринка началась без меня.

Понимающе погладив ее руку, я открываю рот, готовясь сказать что-нибудь

утешительное, но прежде чем успеваю вымолвить хоть слово, меня выдергивает со стула крепкая пара рук.

— Ты здесь и даже не поздоровалась?

Я смеюсь, когда вздох вырывается из моей груди.

— Броуди! Я не видела тебя, когда вошла. — Я целую его колючую щеку. — А даже если бы и увидела, ты же знаешь, вначале я здороваюсь со своей девочкой, прежде чем с кем-то еще.

Он выше меня на шесть дюймов, и я могу заглянуть в улыбающиеся карие глаза Броуди, пока он разглядывает мои ноги. Его хитрая белоснежная улыбка с отчетливыми ямочками на щеках пользуется бешеным успехом у женского населения, и я должна заметить, что и у меня нет на нее иммунитета. Но я знаю Броуди с тех пор, как он был тощим первокурсником, и отношусь к нему как к брату.

— Я дольше тебя знаю. — Он делает недовольную гримасу.

— Девочки вперед, — говорю я, игриво ударяя его по руке кулаком. Парень возмужал благодаря футболу. Еще одна причина, от чего он такой сердцеед.

— Сначала друзья, а телочки потом. Ты собираешься тут зависнуть? Рио собирается петь в караоке и надеется, что ты присоединишься к нему.

— О нет! — Я поднимаю руки и качаю головой. — На сегодня с меня хватит.

— Что? Ты должна пойти. В июне ты была прекрасна.

Я сделала ошибку, спев "Переступить черту" однажды, когда Рио напоил меня, и с тех пор позволяла уговорить себя петь каждый уикенд. Сегодня я не сдамся.

Смеясь, я отхожу в сторону бара и вскидываю руки в воздух.

— Прости, но Джонни придется петь сегодня соло. Может, ты хочешь прийти ему на выручку? — Показав ему средний палец, я разворачиваюсь и скрываюсь в толпе.

В баре становится еще болеелюдно, если такое возможно. И громче тоже. Я пытаюсь перекричать музыку, чтобы обратить внимание бармена на себя, но ничего не получается. Мой голос кажется мышинным писком и не может осилить стоящий шум.

Я склоняюсь над стойкой, размахивая рукой, чтобы привлечь внимание престарелого мужчины-бармена, и чувствую прилив тепла за спиной. Повернув голову, я смотрю через плечо и вскрикиваю от неожиданности.

Профессор Скотт с призрением смотрит на меня, его темные глаза, как лазеры, прожигают меня. Мое дыхание сбивается, и я сползаю с барной стойки, пока пальцами ног не чувствую под собой твердый пол. Только один поток воздуха разделяет нас. Сегодня он сменил свой сдержанный профессорский костюм на сексуальную темную одежду, явно сшитую на заказ. В черных брюках он кажется худее и выше, но мой взгляд притягивают мелкие розовые пуговицы на воротнике его рубашки, две из которых расстегнуты и открывают завитки на его груди. Это зрелище переносит меня обратно в VIP-комнату, и волна жара пробегает по моему телу.

Я вспоминаю его темный взгляд — смесь угрозы и похоти. Этот же взгляд сейчас направлен на меня, только в десять раз более интенсивный. Взгляд мужчины, привыкшего доминировать в отношениях. Он излучает опасность, но не того рода, чтобы мне захотелось убежать. Скорее, он привлекает, вселяет ложное чувство безопасности, чтобы, показав то, что до этого даже представить было нельзя, оставить разодранной в клочья и в слезах.

Тем не менее, я, словно беспомощный мотылек, не могу не подлететь ближе. Я таю в его тепле. Я хочу быть сожженной.

Он дьявол за моим плечом.

Даже понимая все это, я не могу уйти.

— Ты выглядишь так, словно тебе надо выпить.

Его голос более низкий, чем обычно, и мне интересно, влияю ли я на него так же, как он на меня. Отпустив его руку, изучаю его сильный профиль, пока он заказывает нам напитки. Я даже не ощущаю, насколько поглощена этим занятием, пока он не ставит стакан перед моим лицом с понимающей ухмылкой на полных губах.

— Вот дерьмо, спасибо.

Я выпиваю жидкость янтарного цвета, задыхаясь, пока она обжигает меня внутри.

— Вообще-то, это было для меня. — Я быстро моргаю, пытаюсь сосредоточиться и понять смысл его слов, после того как жидкость обожгла мое горло. Он держит бутылку пива. — Вот это было для тебя.

Мои щеки горят, и я начинаю смеяться, качая головой, и беру бутылку.

— Упс. Прости. Я куплю тебе еще один.

Вместо того, чтобы начать спорить, он изумленно наблюдает, как я пытаюсь привлечь внимание бармена. Предприняв несколько попыток, я наконец сдаюсь и поворачиваюсь к нему. С впечатляющим мастерством он, используя свой командный голос, просит парня повторить. Хотела бы и я в таких случаях иметь такой голос. Это не только чертовски сексуально, но еще и не может быть проигнорировано. По крайней мере, не тогда, когда такой голос использует профессор Скотт. И снова я переношусь в гостиничный номер, где он так легко командует моим телом и разумом.

После того как ему подают новую порцию охлажденного бренди, он смотрит на меня через стакан, словно пробуя на вкус.

— Итак, ты часто здесь бываешь? — спрашивает он с намеком на веселость.

— Каждую субботу.

Его брови вопросительно поднимаются.

— Не работаешь по субботам?

Он пытается подколоть меня, но я не отвечаю на это.

— Не-а. Субботы — мои выходные.

Я подчеркиваю "выходные", надеясь на какую-то реакцию, но ничего. Суббота — это единственный день, который я по понятным причинам просила в качестве выходного, когда начала работать в клубе. Это настоящее начало дней отдыха, день, когда я позволяю себе расслабиться, забыть о работе, учебе и погрузиться в удовольствия, и я использую этот день на полную.

Он хмыкает и задумчиво кивает.

— Ты здесь с друзьями?

Я смотрю ему за голову, поднимаю подбородок, указывая на Энни и улыбающуюся и смеющуюся толпу вокруг нее, и все без меня.

— Похоже, вся банда в сборе.

Профессор Скотт смотрит через плечо, но они не вызывают у него интереса. Когда его взгляд снова встречается с моим, голод в его глазах стал бы очевиден для любого, и от этого предвкушения мой живот сжимается в клубок.

— Я никогда не был в этом заведении. Останься и выпей со мной.

Низкий тембр его голоса зачаровывает меня, но каким бы не было заманчивым предложение, я дала себе обещание, и мне надо его придерживаться.

— Прости, нет. Вероятно, это не самая лучшая идея, не согласен? Я должна возвращаться.

Забрав свое пиво, я отхожу от бара.

Схватив меня за руку, он удерживает меня на месте. Я жду, что он скажет что-то — что угодно — пока до меня не доходит, что вместо того, чтобы ждать, что он скажет, мне нужно сосредоточиться на том, чего он не говорит.

Все там — в знакомых, дразнящих блеском глазах цвета оникса. Похоть. Интрига. Обещание. Это не только между нами. Отнюдь нет.

Я чувствую отпечатки его пальцев на своей руке еще долго после того, как ушла.

Глава 7

Я потеряла счет выпитому после седьмой бутылки. Раз уж семь — это мое счастливое число, я не могу ошибаться. Выйти на сцену сегодня ночью кажется хорошей идеей с моей точки зрения, которая находится на уровне моего стула.

— Если ты не перестанешь так крутить задницей, — упрекает Броуди, — то сломаешь лодыжку.

Я смотрю на свои синие замшевые сапоги на каблуках и качаю головой. В ответ на это она начинает кружиться, что заставляет паниковать все мои органы чувств. Я развожу руки в стороны, чтобы придержаться за стены, чувствуя, что могу потерять равновесие.

— Эти сапоги никогда не причинят мне боли, — невнятно бормочу я, зная, что права, потому что Элвис никогда бы не направил меня по неправильному пути.

Качая головой, Броуди возвращает свое внимание к сцене, где женщины дуэтом заканчивают исполнять свою версию "Ветер под моими крыльями".

Как раз в это время из-под меня выскальзывает стул.

Я взвизгиваю, начиная падать, но прежде чем кто-то за столом успевает среагировать, пара сильных рук подхватывает меня в самый последний момент. Я так счастлива, что не ушибла свою задницу, что цепляюсь за своего спасителя, словно репейник.

До того как понимаю, кто удерживает меня.

Черные, как непроглядная тьма, глаза свирепо смотрят на меня, словно я сделала что-то, что обижает лично его, и я отталкиваю руки профессора Скотта, неуклюже покачиваясь на ногах. Он такой джентльмен все-таки, что отказывается ослабить хватку на моей руке, пока не уверен, что я не повторю представление.

— Что вы до сих пор здесь делаете? — Я счищаю всю пыль с одежды, какая только могла осесть на нее.

— Думаю, вопрос в том, что ты до сих пор делаешь здесь? Сколько напитков ты выпила за сегодняшний вечер? Потому что я насчитал семь.

Ну, какой смысл спрашивать, если он все равно будет отвечать за меня? Я вскидываю подбородок чуть выше.

— Я знаю свою норму.

Он наклоняется ближе, его губы оказываются рядом с моим ухом.

— Да? Тогда почему прямо сейчас тебя носит из стороны в сторону?

Словно в доказательство его точки зрения, комната наклоняется, и я отшатываюсь в сторону. Хватая меня за руки, профессор Скотт удерживает меня в вертикальном положении. Что хорошо, потому что я уверена, мои ноги стали резиновыми.

Может быть, он и прав.

— Давай, тебе уже достаточно на сегодня. Я отвезу тебя домой.

— Я пока не готова ехать домой. У меня выступление, и я не могу его пропустить.

— Единственное представление в твоём будущем — это забраться в кровать и проспаться. — Сфокусировавшись на чем-то у меня над головой, профессор Скотт говорит: — Мы уходим.

Сбитая с толку, я оборачиваюсь посмотреть, к кому он обращается, и вижу Броуди, кивающего в знак согласия.

— Круто. Пусть кто-нибудь заедет ко мне утром, чтобы забрать ее машину.

— Погодите, вы двое знаете друг друга? — спрашиваю я, продираясь сквозь туман, вызванный алкоголем.

— С кем, с Рансомом? — спрашивает Броуди, поднимаясь со стула, чтобы присоединиться к нам в конце столика. — Он учитель искусства.

Он говорит так, словно все об этом знают, что, может быть, так и есть. Мужчина великолепен. Нужно быть мертвым, чтобы не заметить его.

Рансом. Так вот какое у него имя. Оно... жаркое. Опасное, такое же, каким, я знаю, он может быть. Интересно только, что рассказал Рансом Броуди о нас. Тот факт, что Броуди не бьет его в данный момент по лицу, свидетельствует о том, что не слишком много.

— Он собирается отвезти тебя домой, хорошо, малыш? — Огромная рука Броуди опускается мне на затылок и слегка покачивает мою голову. Волосы падают мне на глаза, и я раздраженно стряхиваю их. — Мне нужны твои ключи, прежде чем ты уйдешь.

— Мои ключи? Что если я откажусь?

Броуди выдает мне свою фирменную кривую улыбку, давая понять, что я кажусь ему смешной.

— Ты в стельку пьяна, и я уже обо всем договорился. Сделай мне одолжение и пойдی навстречу в кои-то веки. Я прослежу, чтобы твоя машина дождалась тебя, когда проснешься утром.

Я не уверена, что чувствую по отношению к нему, остающемуся у меня за спиной, но алкоголь начинает действовать, и мне нечего сказать для дальнейших возражений. В груди сжимает от симпатии к Броуди. Он такой хороший парень. Это чувство буквально выжимает из меня слезу. Я фыркаю и смахиваю ее, передавая ключи.

— Не повреди ее.

— Только если она меня не попросит. — Ухмыляясь, Броуди быстро меня обнимает, после чего передает обратно Рансому. — Мне все равно, попросит ли она тебя, не обижай ее. Ясно?

— Даю слово.

* * *

Я живу недалеко, и Рансом без проблем следует моим указаниям. Удивительно, учитывая, что я совершенно не помню, как добраться сейчас домой. Рукой на моем плече, чтобы помочь мне найти равновесие, он ведет меня к двери и, пользуясь ключами, впускает меня внутрь.

— Спасибо, что доставил меня домой в целости и сохранности, — говорю я, когда вхожу и нащупываю выключатель.

— Тебе нужно еще чем-то помочь, прежде чем я уйду?

Я оглядываюсь на него, и то, как Рансом пренебрежительно хмурит брови, смущает меня. Я не уверена, надеется ли он, что я отвечу "нет", так что он сможет уйти, или хочет, чтобы я пригласила его зайти.

— Я буду в порядке, — уверяю я его.

Вероятно, лучше ему уйти, как бы то ни было. Нет ничего милого в том, чтобы быть пьяной, и я почти уверена, что в ближайшее время буду поклоняться богу фарфора.

Я наклоняюсь, чтобы снять обувь, с трудом сохраняя равновесие. Держась за стену для опоры, я справляюсь, хоть и еле-еле. Звук закрывающейся позади меня двери пугает меня, и я вскидываю голову вверх.

— Я думала, ты ушел.

Рансом качает головой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты с трудом держишься на ногах. Я буду злиться на себя, если, по крайней мере, не останусь достаточно долго, чтобы убедиться, что ты добралась до своей кровати.

Я не знаю, что чувствую от того, что он пребывает в моем частном, личном пространстве. В отношениях, как наши, такого рода вещи не должны происходить. Он не должен знать моего имени, с кем я провожу свое время или где я живу. В недельный срок этот тщательно возводимый баланс был разрушен.

Тем не менее, доброта в его глазах удивляет. Что-то с ним не так сегодня, но что конкретно, понять не могу. У мужчины, которого я знаю, никогда не было взгляда, который я бы назвала любезным. "Хищный" больше подходит. Таким ли мужчиной он является на самом деле за пределами спальни? Не то чтобы я жаловалась. Какой девушке не нравится, чтобы о ней заботились?

Положив руку мне на поясницу, он подталкивает меня.

— Пойдем, давай уложим тебя в постель.

Придерживаясь моего руководства, мы вместе проходим по коридору, который соединяет мою крохотную гостиную со столовой и еще меньшей кухней, ванной комнатой и простейшей спальней. Тут такое крохотное пространство, что требуется всего несколько шагов, прежде чем мы оказываемся за дверью. Глядя на свою двуспальную кровать, я не могу решить, каким будет мой следующий шаг.

С одной стороны, я действительно хочу спать. С другой — мне на самом деле нужна уборная. Будучи такой истощенной, как сейчас, я понимаю, что должна позаботиться об одном, прежде чем смогу справиться со вторым.

— Мне нужно... — указываю я на ванную комнату позади нас, чувствуя, как вспыхивают мои щеки.

Делая шаг назад, Рансом дает мне достаточно пространства, чтобы пройти.

— Пока ты разбираешься с этим, я принесу тебе стакан воды.

Я киваю, довольная, что он уступает мне пространство, и закрываю дверь. Проведя около пяти минут над унитазом, я понимаю, что не нахожусь в критической точке, успокаиваю себя и уделяю минуту, чтобы очистить лицо от макияжа и стянуть волосы назад. Закончив со своими делами, возвращаюсь назад в спальню и вижу Рансома, сидящего на краю матраса.

Его вид там заставляет мою кровь закипеть. К черту личное пространство. Мне нравится идея о нем в моей постели, о его дорогом одеколоне, пропитывающем мои простыни.

Он поднимается, когда я вхожу.

— Я нашел ведро под раковиной на случай, если оно понадобится тебе позже. Вода на столе. Может, нужно, чтобы я принес что-то из ванной комнаты, аспирин или тайленол?

Как невероятно... мило. Я обдумываю его предложения, не в силах скрыть улыбку на лице.

— Все отлично, — говорю я ему. Я привыкла сама о себе заботиться, вот почему это приносит удовольствие. — Это было очень любезно с твоей стороны. Спасибо.

Его глаза расширяются, а я подхожу ближе. Я кладу руки ему на грудь и приподнимаюсь на носочки, чтобы показать свою благодарность. Мои губы касаются его, и этот мимолетный контакт вызывает электрический разряд.

— Что ты делаешь, Джозефин?

Хватая меня за запястья, он отводит голову назад и отталкивает меня от себя. Строгий взгляд в его глазах сбивает с толку. Он отвергает меня?

— Я благодарила тебя. — Я вновь пытаюсь сделать шаг к нему, но его стойкость убеждает меня держать дистанцию.

— Ты пьяна, — говорит он, всецело отвергая меня. Какого. Черта.

— Рансом, я не на столько пьяна, — заверяю я.

— Значит, я сделаю вид, что такова.

Опуская мои запястья, Рансом поворачивается ко мне спиной и начинает уходить.

— Рансом! Подожди, не уходи!

Даже не смотря на то, что голос в моей голове говорит, что мне лучше оставить его в покое, что так и должно быть, я не могу удержаться, чтобы не пойти за ним следом.

Подходя к входной двери, он оборачивается ко мне.

— Что же, по-вашему, сегодня должно было произойти, мисс Харт?

У меня отвисает челюсть от такой официальности, а язык заплетается в словах.

— Я... я не знаю. Ты бы остался на ночь, возможно?

Его голова опускается к груди, и он качает ею в недоумении.

— Я твой преподаватель. Ты моя студентка.

Он и в самом деле собирается ткнуть меня в эту карту? Я понимаю замешательство. Я тоже это чувствую. Но нет никакого смысла притворяться, что между нами ничего не произошло. Его рот блуждал по моим соскам всего несколько дней назад, а я хорошо знаю вкус его члена. Делать вид, что ничего из этого никогда не было, не означает, что оно просто пройдет. Я знаю. Я пыталась. И посмотри, куда это меня привело?

— Тогда зачем привез меня домой? Зачем вошел внутрь? — возражаю я.

Запуская руки себе в волосы, он поднимает на меня взгляд, и я вижу, что внутри него идет борьба.

— Ты милая девушка, Джозефин. Я знал, что ты слишком много выпила сегодня вечером, и когда твой друг попросил меня сделать ему одолжение и отвезти тебя домой, я согласился. Я просто пытался помочь.

Конечно, пытался. Или, может быть, он подпустил меня ближе, чем намеревался, а теперь просто убегает. Куда же делся мой уверенный, принимающий все под свой контроль мужчина-загадка? Я гораздо больше предпочитаю его, чем стоящего передо мной мужчину. Если бы я только могла повернуть время вспять и выбрать иной путь.

Вместо того, чтобы быть услужливым мышонком, каким я всегда была для него, я начинаю злиться.

— Спасибо за всю вашу помощь, хоть я и поняла ее только сейчас.

Скрестив руки на груди, я пристально смотрю на него. Я просто хочу, чтобы он убрался из моего дома. Я еще не до конца простила его за то, что он привел ко мне ту женщину, я в ярости, что он проделал весь этот путь, чтобы просто уйти. Я чувствую себя дурой, бегая за ним, в то время, когда он явно не хочет, чтобы за ним гонялись.

Все, с меня хватит.

Вздыхнув, Рансом открывает дверь. Его рука замирает на дверной ручке, когда он оглядывается на меня.

— Мне жаль, что я расстроил тебя. Ты привлекательная девушка и действительно очень милая, но я просто не могу пойти на такое. Когда ты проснешься утром, то тоже это поймешь.

Хоть его слова и правдивы, я не хочу их слышать.

— И, мисс Харт? — Сожаление искрится в его темных глазах. — Отныне, я думаю, будет лучше, если мы будем придерживаться формальностей.

По какой-то причине это действительно причиняет острую боль, почти такую же сильную, как осознание того, что он спал с другой женщиной. Как только он закрывает за собой дверь, я хватаю одну свою черную туфлю-лодочку и бросаю ее в дверь. Затем я защелкиваю замок, чтобы он не мог вернуться.

С этого момента Рансом Скотт умер для меня.

Глава 8

Мое отношение к жизни улучшается к утру понедельника. Проведя остаток выходных, выполняя домашнюю работу и погрузившись в жалости к себе, я решаю начать все заново. Ничего из прошлой недели не мешает мне двигаться вперед, и стоит только моим мыслям попытаться вернуться к прошлому, я заталкиваю их в маленький черный ящик в глубине своего сознания.

Этот план летит к чертям, как только я вхожу в аудиторию и вижу Рансома, который сидит за столом. Он одет неформально: коричневые брюки, светло-голубая рубашка на пуговицах и темно-синий свитер-безрукавка поверх нее. Его голова опущена, одной рукой он зарылся в растрепанные черные волосы, другой — что-то пишет красной ручкой.

Энни сегодня отсутствует, и я хочу убить ее за то, что оставила меня наедине с моей судьбой, но и благодарна ей, потому что это позволяет мне отстраниться. Быстрыми шагами я обхожу свое привычное место в первом ряду и занимаю единственное свободное в конце аудитории.

Я делаю все возможное, чтобы оставаться незаметной в течение следующего часа. Я сажусь на свой стул, держу голову опущенной и не поднимаю руку. Когда Рансом оглашает наше последнее в семестре задание, я стону про себя. Мы должны найти способ вдохнуть искусство. Не знаю, что именно это означает, но он заверяет нас, что по мере того, как класс совершенствуется, все станет более понятным. Разумеется, если у нас есть какие-либо вопросы, он всегда доступен после занятий.

Я бы предпочла Гугл.

Плохое заключается в том, что пребывание в конце класса исключает спокойный выход. Я изо всех сил стараюсь слиться со своими одноклассниками, и когда приближаюсь к двери, кажется, что мне удалось, пока не слышу свое имя:

— Мисс Харт, можете задержаться на минуту?

Эти шесть слов пугают меня до дрожи. Голова вжимается в плечи. Почему я? Сделав глубокий вдох, я поворачиваюсь и направляюсь обратно в аудиторию, остановившись в нескольких шагах от стола Рансома.

Он энергично собирает бумаги в свой кожаный портфель, когда я подхожу, и всего через мгновение обращает на меня внимание.

— Я заметил, что ты сегодня прячешься позади класса. Есть какая-то особая причина для этого?

— Я предпочитаю последний ряд.

Он кивает, словно понимая.

— Связано ли это как-то с вечером субботы?

Мои руки плотнее сжимают учебники.

— Боюсь, в субботний вечер я с друзьями перебрала с напитками. Воспоминания весьма туманны. — Ложь, но когда ты загнан в угол, словно жертва, иногда это единственная возможность на спасение.

Закрыв портфель, Рансом кладет его плашмя на стол и прижимает ладони к мягкой коже.

— Насколько я понимаю, ты чувствуешь себя некомфортно рядом со мной, но я хочу, чтобы ты знала, что у меня нет никакого интереса усложнять этот вопрос еще больше. Моя работа на кону, поэтому, если тебя это устроит, я бы хотел оставить эти выходные позади и двигаться дальше.

— Будто ничего не случилось? — Мои губы кривятся при этой мысли.

Это то, чего я хотела, но услышанные слова из его уст почему-то делают их более реальными. Его желание отойти от меня заставляет мой желудок сжаться.

Те темные, как непроглядная ночь, глаза поднимаются на меня, и, могу поклясться, я вижу в них ту же боль и борьбу, которую ощущаю внутри себя. Может ли это означать, что он не хочет этого так же, как я? Что он тоже тоскует по нашему совместному времени?

— Ничего не произошло, и так оно и должно оставаться.

Я слышу рычание в его голосе, и мое тело реагирует, хоть я и понимаю, что это неправильно. Я чувствую пламя желания, зарождающееся у меня между ног, которое заставляет мои соски затвердеть. Он хоть представляет, что делает со мной?

Я не уверена, как воспринимать его слова. Говорит ли он их просто потому, что так правильно, что это единственный способ прикрыть его задницу, или потому, что он действительно думает, будто все проведенное время вместе сводится к нулю?

Оба варианта трудно принять, потому что и в том и в другом случае может не быть хорошего исхода, но я все еще хочу его, даже если он не испытывает ответных чувств.

— И к чему это нас приводит? — спрашиваю я, используя учебники как щит против своих чувств к нему.

Рансом — единственный мужчина, который так действует на меня, он может заставить чувствовать себя обнаженной одним лишь взглядом. Он может превратить меня из сильной, интеллигентной, образованной женщины в лужу распутного желания одним движением пальца.

Пока он, опуская руки в карманы, подходит ко мне, я понимаю со смешанным чувством ужаса и интриги, что он единственный мужчина, у кого есть власть причинить мне боль.

Он перехватывает мой взгляд, смотрит на меня сверху вниз, и я замечаю, как жилка на его челюсти подергивается в такт с моим сердцебиением. Мы связаны неким способом,

который никто из нас полностью не осознает, я чувствую, что тяга к нему усиливается.

— Это приводит нас именно туда, где мы и находимся, где я — твой профессор, а ты — моя студентка.

Хрипота в его голосе отзывается где-то внутри меня, я замечаю, что наклоняюсь ближе. Привлекательность этих полных губ едва ли возможно отрицать. Можно так много сказать по простому поцелую. Я хочу почувствовать его поцелуи на себе — на самых интимных частях своего тела — и я хочу, чтобы он знал об этом.

Его взгляд опускается на мои губы, и хоть я и понимаю, что не должна, но мне нужно поцеловать его. Если между нами все, то мне нужна эта последняя связь, это последнее прощай.

— Мисс Харт.

Мое имя, как тихое предупреждение, слетает с его губ, но я игнорирую его.

— Пожалуйста, зови меня Джозефин, — шепчу я, прежде чем мои губы накрывают его.

Не знаю, кто стонет первым. Если Рансом предполагает для нас разойтись в разные стороны, тогда, вероятно, мне все же не стоит целовать его, потому что то, как он отвечает на мой поцелуй, определенно не означает прощание.

Его губы нерешительны сначала, будто он не уверен, что делать. Я понимаю его смятение. Это худший сценарий — студентка влюбляется в своего профессора. Много фильмов было снято о подобных вещах, но ни один из нас не прислушивается к предупреждению.

У него не занимает много времени, чтобы броситься в омут, и вот уже мы оба тонем, уступая потоку страстей, бушующих между нами. Я никогда не чувствовала, как мужчина сдается, тем более этот, который обычно такой настойчивый, но сейчас он, безусловно, уступает мне.

Я все еще прижимаю учебники к груди, которая набухла и отяжелела, а он по-прежнему держит руки в карманах. Мы соприкасаемся только губами, но влажный язык Рансома путешествует внутри моего рта так, словно ласкает все тело. Это переносит меня назад в гостиничный номер, и я начинаю воображать, как бы это было, если бы он нагнул меня над своим столом, стянул мои брюки и взял меня прямо сейчас.

Фантазия разлетается вдребезги, когда я слышу приближающиеся голоса. Я первой прерываю поцелуй. Рансом смотрит на меня с таким выражением, которое я не могу понять. Его дыхание затруднено, веки отяжелевшие, зрачки расширены и выпуклость на его штанах очевидна. Он выглядит так же, как я себя чувствую — страстной, непристойной, умирающей от желания, необходимость прикасаться и ощущать касания слишком сильная, чтобы ее игнорировать.

Но я смогу ее проигнорировать, потому что мы больше не одни и я не стану рисковать его работой. Я бы никогда не сделала ничего, что могло бы ему навредить, как и интуитивно знаю, что и он никогда не навредит мне. Возможно, для таких сложных отношений, как наши, взаимного уважения друг к другу у нас хватает с избытком. Мы дарим друг другу удовольствие, а взамен уважаем и защищаем частную жизнь друг друга.

— Тебе нужно идти, — говорит он настолько хриплым голосом, что ему необходимо прочистить горло.

Мне нравится, что я могу влиять на него таким образом. Это дарит мне то редкостное чувство силы, которое обычно я испытываю только на сцене.

— Увидимся завтра, мистер Скотт.

Я отхожу назад, улыбаясь. Последнее, что я вижу, — его темный хмурый взгляд, но это не касается меня, поскольку, как изволил выразиться профессор Рансом Скотт, с нами покончено, но я знаю правду.

Мы только начали.

* * *

Работа в среду вечером — то еще дерьмо. Первое, что я слышу, войдя в "Мираж":

— Тамера позвонила, что не выйдет на работу из-за болезни. Ты сегодня работаешь хэдлайнером.

Я от шока дергаю головой, увидев Коту, стоящего в своей распахнутой кожаной жилетке, обнажающей накачанное тело и темные завитки волос. Выражение его лица суровое, но выжидающее.

— Хэдлайнером? — Я потрясена его утверждением, мои руки замирают на застегжке лифчика. Это место предназначено для самой популярной танцовщицы. У Тамеры ушли годы, чтобы добиться этой должности. — Почему бы не одна из других девушек? Кто-то из тех, кто здесь дольше?

— Потому что никто не сравнится с тобой, Кошечка, — говорит он, ухмыляясь. — Твой выход в десять.

Я остаюсь стоять в одиночестве посреди раздевалки в одном лишь лифчике и стрингах с распахнутым ртом. А через несколько секунд я медленно расплываюсь в улыбке. Стать хэдлайнером тут означает высшую форму похвалы. Я могла бы оплатить квартплату из чаевых от одного лишь танца. Именно в этот момент мне хочется думать, что родители смотрят на меня сверху, даруя мне то небольшое повышение, в котором я так отчаянно нуждаюсь.

Со слезами на глазах я шепчу:

— Спасибо. — Затем я наряжаюсь для самого жаркого представления в своей жизни.

Глава 9

Я выпиваю двойную порцию виски, стоя за кулисами в ожидании, пока меня объявят. Я жутко рада предоставленной возможности, но солгала бы, если бы сказала, что не нервничаю. За последние десять минут я придумала двадцать способов побега. Не могу отделаться от мысли, что это не мое шоу. Я не должна быть здесь. Я этого не заслуживаю.

И если быть честной, не говоря о прибавке в деньгах, я не уверена, что хочу этого.

Быть хэдлайнером означает быть в центре внимания. Хотя большинство мужчин тут постоянные посетители, я не знаю, насколько они замечали меня до этого. Теперь же, если я это сделаю, то их внимание точно обратится в мою сторону.

Не было никакого плана А или Б. Стриптиз начинается и заканчивается. Сегодняшний выход на сцену может изменить все, но я была бы тупицей, если бы упустила шанс. Я просто хочу получить деньги и уйти. Это было моей целью с первого дня, и это моя цель сегодня.

Когда песня Фелиции заканчивается и она шагает за кулисы, я тяну подол своей рубашки и расправляю галстук, лежащий на моей груди. Сегодня я собираюсь зайти дальше, чем когда-либо. Мысль о том, что Рансом может быть там и наблюдать за мной, заставляет каждую клеточку моего тела гореть. Хотя сегодня всего лишь среда.

Мои ноги пошатываются на каблуках, когда я подхожу к единственной ступеньке,

ведущей на сцену, и становлюсь прямо за занавесом, вне поле зрения.

Помещение погружается во тьму — это мое обычное правило. Это дает мне время незаметно выйти на сцену и занять свое место. Напрягаю руку и поднимаю ее вверх, откидываю голову назад и закрываю глаза.

Голубые огни начинают вращаться по комнате, дым ползет по сцене, и я слышу рычащий голос Коты из звуковой системы, когда он объявляет мой выход. Нет звуков аваций или восхищений, только музыка, просачивающаяся вниз с потолка и разносящаяся по всему зданию. Затем в центре внимания оказываюсь я и начинаю двигаться.

"Горяча для преподавателя" — вот название песни, которую я выбрала для своей личной шутки. Я знаю, что Рансома здесь нет, он не может слышать это, но если бы и находился здесь, то думаю, он бы хохотал вместе со мной. Начиная тереться бедрами и вращаться вокруг шеста, ловлю себя на том, что надеюсь, он здесь. Но мне не хватает смелости взглянуть. Хотя я и свыклась со своей работой, никак не привыкну к тому, как она действует на меня. Какова бы ни была власть, идея выступления перед публикой всегда нервирует. Единственный способ преодолеть беспокойство, которое подкрадывается ко мне, — это игнорировать абсолютно все и просто танцевать.

Музыка поглощает меня, и я напоминаю сама себе, что это особое выступление. Ведь для того, чтобы быть важной птицей, я должна соответствовать ей. Посылая внутренние сигналы стерве внутри меня, той, которая терлась о своего любовника-профессора, сидя на его коленях, под взглядом его подруги, я скольжу ладонями по бедрам и в сторону, двигаясь к округлостям своей груди, и поднимаюсь выше. Подняв свои длинные волосы, я развязываю свой топ и отбрасываю его на сцену.

У каждой женщины есть любимая часть тела. Моя — это моя грудь. Она круглая и полная, с плавными изгибами, бледной кожей и дерзкими розовыми сосками. Каждый мужчина, которому доводилось ее увидеть, говорил о ней только приятные вещи, поэтому я полностью уверена в себе, демонстрируя ее сейчас.

Это происходит, когда я стою, убирая волосы с лица, и чувствую Его взгляд. Я не вижу ничего за пределами темноты, что я поставила перед собой, но знаю, он здесь. Мое нутро моментально превращается в сплав, когда я падаю на колени и выдвигаю вперед таз. Я вся словно нахожусь в огне, думая о нашем утреннем поцелуе, о его руке, скользящей по моей коже, о жаре его тела напротив моего.

Я не могу мыслить трезво, и когда музыка заканчивается, пропускаю сигнал, чтобы покинуть сцену. Огни зажигаются позади меня, и меня охватывает ужас оттого, что десятки глаз буквально прилипли к моему обнаженному телу, но потом мой взгляд встречается с одной парой глаз, и странное чувство спокойствия окутывает меня.

Самодовольная улыбка Рансома заразительна, и когда он покидает свой стол и приближается ко мне, чувство ожидания поглощает меня, как горячий воск свечи — потрясающий, обжигающий, волнующий.

Поднимаясь, я хватаю свой топ и покидаю сцену.

Не проходит и тридцати секунд, как я вошла в раздевалку, как дверь открывается и Бернис просовывает голову внутрь.

— Джоз, там какой-то мужчина, который был на вечернем представлении, хочет с тобой увидеться. Он говорит, вы знакомы? — Она выглядит так, словно сомневается, но я машу рукой.

— Пропусти его внутрь.

Я запускаю руки в волосы и через зеркало наблюдаю, как Рансом появляется позади меня. Даже при том, что освещение неяркое, его темные глаза и волосы создают поразительный контраст с его загорелой кожей, он приближается, а его высокомерный взгляд скользит вниз по моему телу. Положив руки на мои бедра и сильно сжав их, он опускает голову, проводя носом вдоль моей шеи.

— Черт, ты потрясающе пахнешь.

Щетина на его щеке царапает мне кожу, заставляя дернуться каждое нервное окончание моего тела. Словно булавки или иголки — только приятнее.

— Ра... эм, мистер Скотт, — быстро поправляю саму себя, вспоминая, что он предпочел формальное обращение. — Я думала, вы покончили с этим?

Я вглядываюсь в его выражение лица, пытаюсь уловить хоть что-то, но он полностью сосредоточен на моей наготы, изучает ее руками и губами. Каждое прикосновение ощущается, как ожег.

— Покончил с чем?

— С нами, — говорю я, и у меня вырывается стон смущения, когда его рука нахально пробирается в мои стринги и проникает в мои влажные глубины.

— Я никогда не смогу покончить с этим, — выдыхает он со стоном, его голос становится ниже, его зубы впиваются в мое плечо. — Проклятье, ты чертовски мокрая. Я собирался накормить нас ужином, прежде чем затащить тебя в кровать, но твоя сладкая киска разрушила все планы.

Его пальцы проталкиваются через мои складочки и окунаются внутрь, из меня вырывается стон. Как издалека я слышу звон его ремня и звук расстегивающейся молнии. Я задыхаюсь от внезапной пустоты, когда его пальцы выходят из меня, и не столько чувствую, сколько слышу, как трусики рвутся на моей талии. Я почувствую это позже, а пока замечаю только боль, когда его член жестко входит в меня.

— Прогни свою сладкую задницу, — командует он, обхватывая рукой мой затылок и толкая меня, чем заставляет меня опереться вытянутыми руками на туалетный столик. Я наблюдаю за ним через зеркало, когда он хватается свой член и начинает тереться им между моих ног.

— Ты дразнила меня, — упрекает он меня, постукивая головкой члена по моему изнывающему клитору. — Ты заставила меня кончить в штаны.

— Я не слышала, чтобы ты жаловался, — задыхаясь, говорю я.

Его рука сильно ударяет меня по заднице, и я вскрикиваю от шлепка. Мое возбуждение оборачивается болью.

— Моей спутнице это не понравилось.

— Да? — Я тяжело дышу, отшатнувшись от слова "спутница". Не девушка. Спутница. Ублюдок. Но я не чувствую сожаления о сделанном. Вместо этого я ощущаю, как злость нарастает внутри меня, я не в состоянии удержаться от колких слов: — Разве ей не понравилось наблюдать за тем, как ты приводил себя в порядок после выплеснувшейся из-за меня спермы?

— Нет, — злобно говорит он, встречаясь со мной взглядом в зеркале. — Ей особенно не понравилось стоять на коленях и слизывать ее языком.

Я хотела бы рассмеяться, но ревность буквально рвется из меня. Он позволил другой женщине коснуться, вкусить себя. Не то чтобы это было большим сюрпризом, но одно дело — подозревать и совсем другое — знать наверняка.

— Жаль, что она не способна заставить тебя кончить в штаны. Может, сегодня вместо этого ей удастся оседлать твой член.

— Кто сказал, что она не сделала этого?

Я сощуриваю глаза и уже готова сказать ему, чтобы он нахрен отвалил, как он толкается членом в мою задницу. Его рука закрывает мой рот, прежде чем мой крик может вырваться наружу. Слезы обжигают глаза, когда он вдалбливается в меня. Я никогда не могла привыкнуть к его размеру, а, учитывая, что я ни с кем не занималась сексом таким образом, это граничит с мучениями.

Звездочки всплывают перед моими закрытыми глазами, когда я пытаюсь выровнять дыхание. Рансом продолжает жестко трахать меня, хоть это и тяжело, практически невозможно делать. Я отказала бы ему, но ему это нравится, а я люблю угодить ему. Даже если это будет означать, что я не смогу нормально сидеть позже.

Я больна, знаю. Рансом не заслуживает меня, а я определенно заслуживаю чего-то большего, чем он. Беда в том, что я не в состоянии заставить себя уйти прочь. Один взгляд, одно прикосновение — все, что требуется, — и я возвращаюсь под его чары.

— Мне нравится трахать твою тугую дырочку, — рычит он мне в ухо и входит глубже, удерживая свои бедра против моих, чтобы я могла почувствовать всю его длину. — Считаешь забавным испортить мои штаны? Интересно, будешь ли ты смеяться, когда я заполню твою маленькую попку своей спермой.

Я уверена, мне абсолютно не смешно от всего этого. Его грязные слова заставляют что-то внутри меня ожить, и, несмотря на слабость в коленях, я чувствую, что скоро кончу. Я не хочу думать о его словах, но желаю, чтобы он наполнил меня. Мне приятны ощущения, как его сперма стекает вниз по моим бедрам, когда он жестко имеет меня. Это его знак, его фирменное личное клеймо, которое я ношу с гордостью.

Если бы он знал, что на самом деле я чувствую, возбуждаясь от его агрессивного извращенного поведения, он бы бросил меня быстрее, чем я успела бы моргнуть. Ему даже не надо мне об этом говорить, я и так знаю правду. Рансом принадлежит к тому типу мужчин, которым нравится внушать немного страха. Я вижу это в его глазах, вот поэтому никогда не дам ему знать, насколько мне это нравится.

Несколько вскриков удивления, пара стонов и несколько тяжелых вздохов помогают ему кончить. Я не получаю оргазма, но он извергает семя в мою задницу с таким ревом, что я боюсь, как бы кто-нибудь не примчался выяснять, что происходит.

Он все еще находится внутри меня, когда проявляется мягкая сторона Рансома, он притягивает меня к себе, обнимает, прижимая к своей груди, подстраховывая, чтобы я не упала. А это весьма вероятно, учитывая, как трясутся мои ноги прямо сейчас. Он задерживается внутри меня до тех пор, пока его член сжимается и по собственной воле выпадает из меня. Сперма заливает мою задницу и внутреннюю поверхность бедра, медленно вытекая, когда я выпрямляюсь. Развернув меня к себе, Рансом откидывает мои волосы с лица и лениво, но сокрушительно улыбается мне.

— Я остановился в номере двести пять. Я закажу ужин, пока буду ждать тебя. — Схватив мой подбородок, он откидывает мою голову назад, и его губы накрывают мой рот, язык скользит по губам и проникает внутрь, прежде чем он отпускает меня. После этого он застегивает брюки, достает бумажник и протягивает мне ключ-карту. — Возьми себе.

Я закусываю губу, наблюдая, как он разворачивается, чтобы уйти. Этот мужчина сбивает меня с толку. Минуту назад он, как животное, опустошает меня физически и

эмоционально, а в следующее мгновение он почти заботлив. Я бы хотела разгадать его, но он как головоломка без решения.

Рассматривая жесткий кусочек пластика в моей руке, я сомневаюсь, разумно ли будет встречаться с ним сегодня. Понимаю, что разрываюсь между тем, чтобы уйти и чтобы запрыгнуть к нему в постель, но не думаю, что готова расстаться с этим мужчиной. Не уверена даже, что хочу этого. Единственное, что я точно знаю, — это как ощущаю себя, когда он стоит передо мной... живой. Никогда не чувствую себя более живой, чем в те моменты, которые мы тайком ворует.

Рансом — мой наркотик. Каждый раз наслаждаясь его телом, я глубже проваливаюсь в свою зависимость. Сегодня, когда моя задница уже начнет болеть, я знаю, что открою его дверь. Тайна, в которую окутаны наши отношения, должна вызывать у меня стыд. Знаю, что он что-то скрывает от меня. Раньше я думала, что он просто бизнесмен, который приезжает в город на несколько ночей в месяц, чтобы без всякой привязанности просто трахнуть меня и уехать снова, но теперь я думаю по-другому. Что заставляет мужчину, живущего в этом же самом городе, что и я, снимать номер в отеле, если не наличие секретов?

Хоть эта мысль и заставляет часть меня беспокоиться, но этого не достаточно. Моя страсть к нему сильнее желания узнать правду. Больше ни о чем не думая, я одеваюсь и умываюсь.

Глава 10

— Тебе не надо было этого делать. — Энни отступает, позволяя мне зайти внутрь ее квартиры.

Когда она написала мне рано утром не ждать ее перед занятиями, я запаниковала. Мысль о том, что придется идти одной, пугала меня. Так что я сделала единственное, до чего смогла додуматься, — перерыла кухонные шкафчики в поисках куриного супа быстрого приготовления "Кэмпбелл'с"⁴ и уже через час стояла на пороге ее дома, полностью готовая разыгрывать из себя няню.

— Ты заболела. Я принесла суп. — Направившись прямо на кухню, я выливаю куриный суп с лапшой из контейнера в тарелку, произведенную той же компанией, засовываю в микроволновую печь и возвращаюсь в гостиную, где застаю лежащую на диване Энни, которая свернулась калачиком.

— Выглядишь хуже некуда, — говорю я, протягивая ей тарелку.

Она смотрит на нее со смесью желания и отвращения, но потом делает маленький глоток.

— "Кэмпбелл'с", Джо? Не стоило. — Но блеск ее глаз говорит мне, что она довольна.

— А еще там двойная лапша, — подчеркиваю я и осторожно присаживаюсь напротив нее.

После ночи, проведенной с Рансомом, вообще чудо, что я могу ходить. Считаю, что мне повезло, потому что этот мужчина не имеет себе равных, когда речь заходит о постельных умениях.

После нескольких глотков она вздыхает, ставит миску на стол и сворачивается под одеялом, натягивая его до плеч.

— Так что с тобой? Грипп? Тяжелое расставание? — с надеждой спрашиваю я.

Не могу забыть о том, что Джейсон так и не смог показаться на прошлой неделе в баре, и я полностью убеждена, что ей надо порвать с этой задницей и побыстрее.

Энни закатывает глаза.

— Размечталась.

— Я бы и в самом деле так сделала.

— Все сложно, — тихо говорит она, зарываясь поглубже под одеяло.

— Что сложного в том, чтобы сказать: "Эй, нам нужно встречаться с другими людьми"?

Этот парень кретин. Ты хоть представляешь, сколько парней в универе готовы убить за свидание с тобой?

Я не преувеличиваю. Энни из тех девушек, что пробуждают в парнях первобытные инстинкты. Она всегда мила, и от нее словно исходит некая энергетика невинности. Черт, даже я в большинство дней хочу обнять ее и оградить от всего мира.

— Это просто, Джо, и прямо сейчас я, правда, не хочу об этом говорить. А что случилось с тобой? — спрашивает она, меняя тему разговора. Я позволяю ей это только потому, что не хочу спорить, когда она так явно нуждается в отдыхе. — Не думай, что я не заметила, как ты тут хромаешь.

Дерьмо. Я-то думала, что проделала приличную работу, чтобы скрыть режим Квазимодо. Все потому, что я позволила Рансому так жестко себя трахнуть прошлой ночью. Единственное утешение — с ним я поступила так же. Если повезет, он чувствует сейчас то же самое. Я отшучиваюсь, отмахиваясь от ее замечания:

— Я не хромаю. Я просто потянула мышцу.

— Ммм-хмм. Дай догадаюсь, йога надрала тебе задницу сегодня утром?

"Не йога", — думаю мне. По ее недоверчивому выражению лица я могу понять, что она не купилась на мое оправдание. Она всегда видит меня насквозь, так что я даже не понимаю, почему пытаюсь соврать.

Я неожиданно ощущаю волну сомнений. Она разбирается в этом не больше моего, но мне все еще нужен ее совет. Может быть, это эгоистично с моей стороны, но ей лучше сосредоточиться на чем-то еще, кроме своей неудавшейся личной жизни.

— Энни... — колеблюсь я, думая, как сформулировать вопрос. — Допустим, ты знаешь кого-то, кто вместе с кем-то делает то, что не должен.

Энни оживляется, теперь я полностью владею ее вниманием.

— Это кто-то, кого я знаю?

— Чисто гипотетически.

Она поджигает губы.

— Хорошо, не представляю, кто эти вымышленные люди, но у них отношения?

— Это больше секс, чем отношения, — поясняю я. — Но что, если один из них хочет большего, чем есть?

— Думаю, это зависит от того, кто эти люди и чего они хотят. Опиши их.

— Ну, они оба умны, серьезно относятся к карьере, дружелюбны и привлекательны. На самом деле у них много общего.

— Это уже начало. Каковы они, когда вместе?

Я смотрю в сторону окна позади дивана и осторожно подбираю слова.

— Они веселятся. Иногда смеются, но в основном все очень насыщено. В последнее время у них все не так, как обычно, все... осложнилось.

Энни изучает меня и хмурится. Я неловко ерзаю под ее пристальным взглядом, опасаясь, что она сможет увидеть меня насквозь.

— Если эти двое договаривались только на сексуальные отношения, а один из них

изменил свое мнение, то, думаю, ему надо обсудить с партнером свои чувства, чтобы они могли решить, что им делать дальше.

— А что, если один из них решит закончить отношения?

— Это риск, но, в конце концов, так лучше для обоих. Находиться слишком долго в отношениях, которые уже никак не складываются, причиняет больше вреда, чем пользы.

Я поднимаю бровь на ее замечание, и она поджимает губы, получив безмолвное сообщение.

— Но что, если один из них получает смешанные сигналы, — настаиваю я. — Например, что, если один из них не может рассказать о своих чувствах, потому что каждый раз, как видит другого, понимает, что они разные.

Энни замолкает на долгое время, вновь обдумывая сказанное. Я терпеливо жду, потому что мне остается либо сидеть здесь, ничего не делая, либо идти на занятия и встретиться с Рансомом. Когда я вышла из номера сегодня утром, он был таким же отдаленным и пренебрежительным мужчиной, каким он был на прошлой неделе. Если буду посещать его занятия только ради того, чтобы он смотрел на меня с такой же нежностью и заботой вновь, я буду кричать. Спрятаться в этой квартире на ближайшие несколько часов кажется самым безопасным в данный момент.

— Думаю, если этого человека так тяготит сама мысль и положение дел в их отношениях, то, быть может, игра не стоит свеч, — наконец говорит Энни. — Отношения должны приносить хорошие чувства. Будь то любовь или только секс, даже речи быть не может о том, кто и почему что-то чувствует к кому-то и что их ожидает дальше. Конечно, в них не должно быть беспокойства или страха, чтобы поговорить с партнером о своих чувствах.

И я вновь выгибаю бровь. Судя по всему, Энни хороша в том, чтобы давать советы, но сама она им не следует.

— Так ты говоришь, что такого человека следует отпустить?

— Нет, я говорю, что если у тебя есть какие-то чувства к этому мужчине, скажи ему. Как известно, мужчины замкнуты по натуре. Если ты прямо не скажешь, что чувствуешь к нему, большинство из них так и не поймут этого.

Между нами пробегает волна взаимопонимания, когда мы смотрим друг на друга. Она знает, что мы говорим обо мне, и я знаю, что позже она будет задавать вопросы. Когда это произойдет, я планирую использовать ее советы против нее же самой, что ей тоже известно.

— Мне пора выдвигаться. У меня занятия сегодня. — Я встаю с привычной легкостью и иду в сторону двери. Энни следует за мной и прислоняется к дверному косяку, когда я направляюсь в коридор.

— Итак, кто твой человек-загадка?

Я чувствую, как широкая улыбка расплзается по моему лицу от упоминания прозвища, которым я называла Рансома, прежде чем я узнала его настоящее имя.

— Боюсь, мне придется отказать тебе в этой информации.

Ее брови ползут вверх, почти касаясь волос.

— Он что, секретный агент? ФБР? ЦРУ?

— Если бы только он был таким классным, — хихикаю я, уходя.

— Если уж об этом зашла речь, — говорит она, высовывая голову из-за двери. — Я надеюсь, вы оба примете правильное решение. Просто помни, что я сказала... поговори с ним. Расскажи ему о своих чувствах. Чему быть, того не миновать.

— Ты говоришь словно из фильмов "Диснея".

— Я — принцесса, — улыбается она и машет мне, прежде чем вновь нырнуть в квартиру.

Когда я иду к машине, ее слова, словно на повторе, звучат в моей голове. Она права. Я должна сказать Рансому обо всем, что творится в моей голове. Если знание того, что я испытываю к нему более глубокие чувства, пугает его, то мне лучше быть без него.

Я действительно надеюсь, что он все-таки выберет остаться. В Рансоне Скотте еще так много всего, что бы мне хотелось исследовать.

* * *

Рансом не спрашивает, почему я вчера отсутствовала, и, как и следовало ожидать, не поднимает тему о клубе или отеле. Маску, которую он носит, невозможно прочесть. Со своими темными волосами, зачесанными назад со лба, одетый в штаны цвета хаки и свитер-безрукавку, он просто скромный профессор... настоящий хороший парень. Если бы я не была там, не испытала все на себе, никогда бы не догадалась, что немного больше чем тридцать два часа назад у нас был самый дикий, извращенный секс в моей жизни.

То, как он привязал меня к кровати и буквально разорвал мое тело на кусочки, заставляет меня испытывать дрожь при одном лишь упоминании об этом. Для меня сложно соединить два изображения этого мужчины воедино. Он является ярким примером того, как могут отличаться люди при свете дня.

Сегодня хорошая погода, и Рансом проводит занятия вне университета. Мы собираемся на лужайке, за пределами корпуса искусств, где он обсуждает историю искусства, которая интересна настолько же, насколько и скучна. Мне кажется, он чувствует то же самое. Двадцать минут назад он был воодушевлен рассказом об импрессионистском движении, а теперь он обсуждает модернизм. Его голос звучит так, словно он знает слова наизусть. Смешно, чему ты только можешь научиться у человека, всего лишь наблюдая за ним.

— Я хочу, чтобы с сегодняшнего занятия вы уяснили для себя, что искусство есть везде и в бесчисленных формах. Для каждого оно отличается, — говорит он, завершая свою лекцию. — Когда вы и я смотрим на этот университет, мы видим разные вещи. Например, я вижу его в стиле барокко, на который повлиял римский и греческий дизайн. Возможно, вы видите ряд линий и углов или викторианские пейзажи. Подумайте об этом, когда вы будете сдавать свой последний экзамен. Как вы планируете использовать свое окружение, чтобы повлиять на мировоззрение других?

В моем разуме возникает борьба. Я понятия не имею, о чем он говорит, но готова удрать отсюда. У меня тонны домашнего задания, и мне все еще невдомек, что я собираюсь сделать для своего конечного задания по данному предмету. Он отпускает нас, и я спешу дописать свои заметки и уложить книги в сгиб локтя. Оборачиваясь, чтобы уйти, слышу низкий тембр голоса Рансома, окликнувший меня.

Ожидая, пока уйдут остальные студенты, я терпеливо выжидаю, пока он приблизится.

— Я надеюсь, это не войдет в привычку, — говорю я с ложным предупреждением, чтобы помочь ослабить напряжение, что я чувствую внутри. — Люди могут начать говорить.

Уголок рта Рансома изгибается.

— Тебя не было вчера на занятиях.

— Я заботилась о приболевшей подруге. Мне следовало принести записку?

Он широко улыбается от моего сарказма.

— Это имеет что-то общее с тем, что мисс Гуэрра отсутствовала?

Я киваю.

Его взгляд задерживается на мне на мгновение дольше дозволенного. Его голос тих и наполнен беспокойством, когда он говорит:

— Я просто хочу быть уверен, что ты в порядке и что... эээ... — Он прочищает горло, и внезапная тревожная энергетика, исходящая от него, возбуждает мое любопытство. — Поцелуй. Я хотел убедиться, что он не... испугал тебя.

Я изучаю его некоторое время, напряжение во взгляде, жесткую линию губ. Я помню тот невинный поцелуй. Как нежен он был, как сладко он чувствовался. Но нет никакого смысла в том, чтобы спрашивать меня об этом, учитывая все, что мы делали друг с другом после этого. Если не считать, что он до сих пор беспокоится о том, как это повлияет на нашу личную и деловую жизнь.

Я полагаю, что именно так.

— Нет, — шепчу я, мой голос становится глубже при воспоминаниях о том поцелуе, словно в моем разуме поставили на "повтор". — А ты?

Его взгляд словно прикован к моим губам, он медленно качает головой.

— Поначалу. У меня есть, что терять, и много, но я не переставал думать об этом ни на секунду. Твои губы...

Он замолкает, и, окидывая его быстрым взглядом, я вижу доказательство того, насколько воспоминания влияют на него. Его слова — словно первый ход на шахматной доске, и это дает мне уверенность, чтобы сделать следующий.

Придерживаясь осторожной и вежливой дистанции, я делаю шаг ближе и понижаю голос, чтобы никто не смог нас услышать:

— Если бы я думала, что смогу выйти сухой из воды, упала бы на колени прямо сейчас и показала бы, что может сделать мой рот, мистер Скотт.

Он резко втягивает воздух сквозь зубы и отстраняется. Пламя желания в его глазах полыхает при взгляде на меня. И в один тяжелый момент он верит в это. Качая головой, Рансом делает шаг назад.

— Вам нужно идти, мисс Харт, пока не случилось ничего плохого.

Я ухмыляюсь, зная, что он проведет черту. Интересно, понимает ли он, насколько предсказуем. Тщательно контролируемый мистер Скотт днем и такой же бесшабашный мистер Скотт ночью.

— Боишься, что кто-то застукает нас?

Его грудь молниеносно оказывается прижата к моей, тепло исходит от нее волнами. Его губы останавливаются против моего уха, и он словно рычит:

— Единственное, чего я боюсь, — это то, что утрачу контроль и засуну свой член так глубоко тебе в горло, что ты задохнешься.

Твою ж мать! Улыбка сползает с лица от образа, возникшего в разуме, сменяясь буквально парализующим желанием броситься перед ним на колени и попробовать его жесткую плоть ртом. Как выясняется, именно я сейчас провожу черту.

— Мне нужно идти, — хрипло говорю я, потому что хоть кто-то должен воззвать к голосу разума, пока мы оба не оказались в беде.

Он смотрит на меня, пока я пячусь назад, насмешливая улыбка появляется на его лице.

— Да, безусловно, тебе стоит идти.

Глава 11

Я решила неделю не ходить на занятия. Посещать лекции Рансома — почти такой же невозможный подвиг, как забраться на вершину Эвереста без проводника и любых навыков выживания.

Чтобы занять себя и перестать думать о нем, я с головой ухожу в учебу. В те дни, когда не занимаюсь, я отвлекаюсь танцами, что еще сложнее, потому что каждые несколько минут я ищу знакомую пару темных глаз.

К счастью, Рансом тоже держит дистанцию. Не знаю, пытается он меня напугать или нет, но это работает... в какой-то степени. Я стараюсь, как могу, но не перестаю думать о нем, о поцелуе, о сексе. Обо всем. Он занимает каждую мою мысль. От этого просто нет спасения.

Желание прикоснуться к нему сводит с ума, но я заставляю себя держаться от него подальше. Так лучше для нас обоих. По крайней мере, я стараюсь внушить сама себе. Все, чего я хочу, — это иметь возможность не видеть его каждый день.

Вот почему я бросила йогу ради бега. Пробегка помогает мне гораздо лучше прочистить голову, чем находиться вниз лицом в позе собаки. На некоторое время я могу затеряться в ритме своих шагов, стучащих по асфальту, и в звуке дыхания, отдающемся в ушах.

Я не слишком вынослива, но могу пробежать целую милю, прежде чем мне понадобится перерыв. Этим утром я рванула на улицу пораньше, пока еще прохладно, чтобы не обливаться потом. Путь мой лежит вокруг кампуса. Я встретила всего пару бегунов, с тех пор как вышла, но еще очень рано, и это значит, что дорожка будет принадлежать только мне.

Я от неожиданности подпрыгиваю, когда чьи-то шаги раздаются позади меня. Сосредоточившись на музыке в наушниках и тротуаре впереди, я оступаюсь, почти падая лицом вниз.

— Осторожней, притормози ради Бога.

Вытащив наушник из уха, я поднимаю взгляд на Рансома.

— Ты чертовски напугал меня!

Весело усмехнувшись, он поднимает руки ладонями вверх.

— Прости, не хотел. Ты пробегала мимо, когда я увидел тебя. Не знал, что ты бегаешь.

— Только начала, — ворчу я.

Его взгляд скользит по моему телу, и я не могу не чувствовать смущение. Я без макияжа, мокрая и, вероятно, пахну потом.

— Да? Как далеко ты пробегаешь?

— До общежитий. Миля или около того.

Он задумчиво смотрит вперед.

— Ты можешь больше, — предполагает он.

Я раздраженно качаю головой.

— Нет, не могу. Я только начала. Мне нужно время, чтобы стать более выносливой.

— Ты стараешься достаточно. У меня заняло минуту догнать тебя. Если бы ты бежала немного медленнее, пробегала бы больше. Плюс — меньше нагрузка на колени.

Я обдумываю сказанное, пытаюсь отдышаться.

— Спасибо за совет. Я это запомню. Я должна продолжить пробежку, прежде чем пульс начнет сокращаться.

— Не возражаешь, если я пробежусь с тобой?

На самом деле возражаю, но так трудно отказать ему, когда он смотрит на меня с надеждой, что я скажу "да", и одновременно с волнением, что скажу "нет". Я хочу отказать ему. Внутренний голос говорит мне, что если я не уйду сейчас, то вся прошедшая неделя будет напрасной, но я наклоняю голову и говорю:

— Если ты думаешь, что сможешь угнаться за мной.

Его улыбка парализует.

— Сделаю все возможное.

Мы бежим бок о бок, наслаждаясь уютной тишиной. Темп, который задает Рансом, медленнее, чем мой обычный, и мне легче дышать, когда сердце не колотится о ребра, и в итоге мы пробежали две с половиной мили, что на полторы больше моего обычного результата.

Я задыхаюсь, когда мы останавливаемся в конце кампуса, во рту пересохло, словно в пустыне днем, но чувствую себя превосходно. Здоровой и с ясной головой. Не знаю, это потому что объект моих навязчивых фантазий стоит рядом со мной или потому что я слишком устала, но, тем не менее, это здорово освежило.

Я удивляюсь, осознавая, что пробежка с Рансомом не стала в конце концов большой проблемой. Это было в какой-то степени забавно. Даже если мы ни о чем не разговаривали, было приятно быть с кем-то, с кем ты можешь поделиться. Я пока не готова отпустить это чувство. В конце квартала есть небольшая кофейня, и я собираюсь спросить, не хочет ли он выпить со мной по чашке кофе, когда он вдруг произносит:

— Мне нужно возвращаться и принять душ. Было приятно пробежаться с тобой. Мы должны как-нибудь повторить это.

— О, да, конечно. Может быть, завтра утром... если ты, конечно, пойдешь на пробежку, потому что я точно буду. Пробежка — то, что надо. — Слова застревают в горле, и я чувствую себя идиоткой от того, насколько жалко они звучат.

Уголки его рта изгибаются в улыбке. Он подходит ко мне, его рука касается моей, липкой от пота, и он целует меня в щеку.

— Безусловно, Харт. В том же месте, в то же время.

Как только я киваю в знак согласия, он поворачивается и направляется в противоположную сторону, оставив меня стоять посреди улицы с глупой улыбкой, которую я неспособна убрать со своего лица.

* * *

Энни уже ждет меня, когда я вхожу в аудиторию, а это значит, что мне вновь придется сидеть в центре, на первых рядах. Прежде я была обязана сидеть на задних рядах, тяжело привыкая к изменениям. Сейчас я чувствую себя так, словно выставлена на показ, чувствую свою уязвимость.

И налаженная работа Рансома с целью избегать меня заставляет меня чувствовать себя еще более заметной, потому что вместо того, чтобы казаться невидимой, я ощущаю, насколько хорошо он знает меня. Может быть, проблема в том, что я слишком заиклена на нем, но ничего не могу с собой поделать. Разве может быть мужчина настолько чертовски неотразим?

Так продолжается и следующую неделю. Но теперь это уже старые новости. Он не

приходит в клуб, что одновременно и облегчение, и разочарование. Я никогда не понимаю его, но дистанция, которую мы устанавливали между нами, наконец закрепились. Я замечаю, что находиться рядом с ним становится легче. Каждый новый день проходит менее мучительно, без происшествий, чем предыдущий. Теперь я рискну сказать, нам почти комфортно в присутствии друг друга. Рансом даже обращается ко мне напрямую, и я учусь не заливаться румянцем каждый раз, как он это делает.

Сегодня пятница, и мы только закончили обсуждение роли религии в искусстве, когда Энни поднимает руку.

Рансом делает кивок в ее сторону.

— У меня вопрос о моем последнем задании.

Он кивает, закрывая свою книгу и складывая бумаги.

— Дождись меня у моего стола после занятий.

Прекрасно. Прямо сейчас я бы отвесила Энни хорошую оплеуху, потому что понимаю, что она будет ждать, что я тоже останусь, а это именно то, чего я стараюсь избегать. Мы только начинаем учиться находиться в одном и том же помещении, так что последнее, что нужно мне и Рансому, — это еще раз остаться один на один.

Когда мгновение спустя все начинают выходить из аудитории, я испытываю удачу, кивая Энни через плечо и выдавая быстрое "увидимся". Но она хватается меня за локоток, прежде чем я отхожу, и тянет назад.

— Подожди меня. Я буду через минуту.

Ворча, я стою рядом, пялясь на открытую дверь. Мой мозг занят планом побега, но даже пробегая я три мили в день, это не спасло бы меня от дьявола, в которого превратится Энни, если я сбегу. Эта девица страшна в гневе.

— Я подумывала над этим, — говорит Энни, что-то протягивая Рансому. С того места, где я стою, не могу увидеть, что она показывает ему, но чем бы это ни было, он выглядит заинтересованным.

— Хорошо. Это рискованно, безусловно, запутанно, но если ты справишься с задачей, я поддержу.

Мне становится любопытно. Несмотря на то, что нас разделяет несколько футов, я наклоняюсь ближе. Я все еще не вижу эту чертову вещь, но могу рассмотреть выражение лица Энни. Это подозрительно, так как оно абсолютно разнится с выражением лица Рансома.

— Хорошо, спасибо, профессор Скотт.

Мы вместе выходим. Энни молчит всю дорогу, и когда ожидание становится невыносимым, я решаюсь вытянуть из нее все ответы:

— Окей, давай поговорим. Что там только что было?

Она пожимает плечами.

— Ничего. Просто идея, которую я набросала для финального проекта. Хотя не уверена, что соберусь это сделать. Как сказал профессор Скотт, это очень рискованно.

— Насколько рискованно? — Энни не из тех людей, которые рискуют. На самом деле, она ультраконсервативна. Единственный случай, когда она осмелилась рискнуть, был, когда она играла со светом и тенью.

Вместо того, чтобы ответить, она протягивает мне клочок бумаги из папки, которую несет вместе с остальной кипой книг. На нем сверху отпечатано название школы, и я понимаю, что это статья вырвана из ежемесячного информационного бюллетеня,

распространенного кампусом.

Когда я заканчиваю прочтение статьи, мои глаза расширяются. Нотки потрясения слышатся в моем голосе, я резко останавливаюсь, поворачиваясь к Энни, нервно кусающей свою нижнюю губу.

— Ты собираешься позировать обнаженной?

Несколько человек, находящихся на расстоянии четверти миль, мельком смотрят на нас, но не останавливаются. Энни прижимает книги к груди и бледнеет.

— Я не знаю. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что это глупая идея. Я имею в виду, что до сих пор не снимаю ночную рубашку, когда занимаюсь сексом, а с Джейсоном вместе мы много лет.

Конечно, это может стать проблемой. Но я не хочу, чтобы она рисковала, потому что потом Энни будет сожалеть. Друзья не должны позволять друг другу делать неверный выбор.

— Милая, это не для тебя.

— Я знаю, — побеждено вздыхает она. — Я просто подумала, почему бы не побыть "отличницей легкого поведения"? Снять одежду, привлекая тем самым к себе внимание людей, а потом уйти.

— Поверь мне, — говорю я, когда мы продолжаем идти, — снимать одежду перед незнакомцами не так легко, как кажется. Если ты не можешь сделать это перед своим парнем, то ты уж точно не готова сделать это перед кем-то другим.

Она задумчиво кивает, и я знаю, что убедила ее. Но даже если бы я ничего ей не сказала, в конечном итоге она бы пришла к аналогичному выводу. Энни умна, и если ее что-то не устраивает, она старается избегать этого. Именно поэтому для меня чертовски трудно понять, как она может быть с Джейсоном.

— Ты решила, что собираешься делать для своего проекта? — спрашивает она меня.

— Нет. Хотя с другой стороны, — говорю я, толкая ее в плечо, — возможно, я пойду позировать обнаженной вместо тебя.

— Быть может, тебе и стоит это сделать, — говорит она, повергая меня в шок. — У тебя прекрасное тело для этого, и я знаю, что ты не из стыдливых.

— Кажется, мне стоит обидеться, — дразнюсь я.

— Нет, вовсе нет. Ты просто намного увереннее в себе, чем я. И на это стоит обращать внимание. Ведь ты не знаешь наверняка, возможно, твой человек-загадка начнет ревновать тебя к тем, кто смотрит на то, что принадлежит ему, и утащит тебя оттуда за волосы, словно пещерный человек.

— Оу, да! Потому что я всегда мечтала иметь своего собственного пещерного человека. Эти выпуклые лбы и полуобезьянья внешность заставляют меня испытывать дрожь в коленках.

Мы смеемся, но чем ближе приближаемся к стоянке, тем больше я задумываюсь над ее предложением. Если отбросить в сторону мои отношения с Рансомом, то это отличная возможность, она права, что, благодаря стриптизу, я не испытываю никакого дискомфорта, демонстрируя свое тело незнакомым людям. Но поезд ушел. Это мог быть шанс получить хорошую итоговую оценку, используя все преимущества.

Засовывая статью в карман, я обещаю себе, что подумаю об этом более серьезно позже.

— Итак, кто вечером идет с нами выпить?

Мы с Энни идем по тротуару, а из двухэтажного здания в колониальном стиле гремит музыка. Людской поток выливается из открытой двери на широкое крыльцо и во двор. После занятий и короткой смены я готова отрываться.

Обычно мы встречаемся с друзьями в баре, напиваемся и горланим в караоке, но сегодня все по-другому. Броуди со своими греческими братьями делает нескольких счастливиц-кандидатов полноправными членами братства, в честь чего и устраивается вечеринка. И вот мы здесь.

Стоит нам переступить порог, как я начинаю сомневаться в правильности своего решения. Кажется, половина всего студенческого состава забила во вроде бы просторное помещение. Ко всеобщему хаосу здесь, похоже, привыкли. То тут, то там с абажуров и люстр свисают трусики и бюстгалтеры. В углу скорчилась какая-то девушка, ее рвет прямо в горшок с цветами. Какой-то парень ходит с мешком для мусора, но от его попыток сохранить хоть намек на порядок в лучшем случае мало проку. Должно быть, он — один из кандидатов для вступления в студенческое братство.

Кто-то кричит, а потом все взрываются возбужденными воплями. Мы с Энни пытаемся стать незаметнее, когда толпа раскалывается в центре, группа парней в тогах несется мимо, закидывая друг друга шарами, наполненными водой.

Ну и зоопарк. Мы с Энни обмениваемся взглядами.

— Пойду найду что-нибудь выпить.

— Джейсон сказал, что будет тут. Пойду попробую его поискать.

— Окей. У меня телефон с собой. Напиши, если буду нужна.

Таков наш план. Каждый раз, оказываясь в подобных местах, мы держим связь. Если нужно вытащить друг друга из неприятностей или просто найтись, мы обмениваемся сообщениями или созваниваемся.

Энни уходит, явно напряженная. Я смотрю ей вслед, пока подруга не скрывается в толпе, а затем отправляюсь на кухню. Она расположена в задней части дома, и, добравшись туда, я издаю низкий одобрителный свист.

Кто-то знает толк в вечеринках.

Кухня забита битком. На полу в центре стоит детский бассейн, полный льда, разных банок и бутылок. Еще тут красуются кег и даже целая коллекция миксеров.

У бочонка очередь, и у стойки толпится слишком много людей, так что я вытаскиваю из бассейна первое, что подворачивается под руку. Это оказывается дешевый коктейль из вина и клубничного сока, но я люблю клубнику, если в ней есть алкоголь, так что вполне сойдет.

Первый напиток быстро заканчивается, и я беру еще один, прежде чем отправиться на поиски Броуди. Я нахожу его в подвале, играющим с тремя парнями в футбол на большом телевизионном экране. Повсюду девицы, они занимают весь пол и спинки мебели. Когда я подхожу, парочка красоток косится на меня с подозрением.

Этот тип я узнаю сразу. Они, как стервятники, маячат в отдалении, надеясь, что и им обломится пара кусков. Перегнувшись через спинку дивана и обняв Броуди за шею, я ловлю взгляд девушки, стоящей в другой части комнаты.

Смазливая блондинка со светлыми глазами, высокая и худая — полная моя противоположность. Ее взгляд мог бы задеть меня, если бы меня это волновало. Но мне все равно. Когда Броуди запрокидывает голову и узнает меня, его лицо озаряется столь ослепительной улыбкой, что вся комната просто исчезает.

— Джи, ты пришла!

Подпрыгнув на ноги, он поворачивается, хватая меня за талию огромными ручищами и тянет через спинку дивана. Я вскрикиваю от неожиданности, вцепляюсь в его плечи, но затем Броуди прижимает меня к мускулистой груди, и приходится все внимание уделить дыханию.

— Ты уже взяла что-нибудь выпить? — спрашивает он, указывая на стол, заставленный нераспечатанными упаковками пива. По-видимому, опустошенные отправляются прямо на пол.

— Чувак, ты только что вылетел!

— На паузу надо было ставить, дубина!

Я качаю головой, когда Броуди усаживает меня к себе на колени и хватается джойстик. Кожей чувствую устремленные на меня взгляды и знаю, что принадлежат они другим девушкам. Я сосредотачиваюсь на экране, усмехаясь про себя. Они бы не опасались так, знай, насколько неромантичными были наши с Броуди отношения. После моего ухода одна из этих девиц несомненно займет место в его постели.

Я перестаю об этом думать, наблюдая, как парни играют. Броуди выигрывает раунд за раундом, за что каждый раз благодарит меня поцелуем в щеку. Видимо, я приношу ему удачу.

— Это нечестно, — жалуется один из парней, знакомый мне по паре занятий.

Он бросает джойстик на пол и обрушивается в кресло, прядь каштановых волос падает на лоб. На колени к нему тут же приземляется симпатичная брюнетка, притягивающая взгляды чересчур глубоким декольте.

— Почему это? — усмехается Броуди, откидываясь на подушки дивана и увлекая меня за собой.

— На твоей стороне госпожа Удача, так что это нечестный матч.

— Он прав. Я требую реванша!

— Ты не можешь требовать реванш, Трент, — говорит Броуди, его грудь содрогается от хохота. — Стоило лучше готовиться.

— Я подумал, что это будет товарищеская игра, — говорит Трент. — Если бы я знал, насколько вы тут безжалостны, я бы принес с собой свой собственный золотой снитч⁵.

Кулак Броуди с такой скоростью и силой летит в плечо Трента, что я чуть не сваливаюсь с его коленей. В последнюю секунду он подхватывает меня, и я замечаю проблеск извинения, мерцающий в его глазах, прежде чем он сосредотачивается на парне позади меня.

— Следи за своим языком.

— Лучше тебе послушать его, — говорит парень-футболист, дерзко усмехаясь. — Броуди повыдергает ваши конечности и отлупит вас ими же, если вы будете плохо отзываться о его даме.

— Чувак, я ничего такого не хотел сказать, — говорит Трент, его глаза округляются. Потирая руку, он с мольбой смотрит на Броуди. — Я не имел в виду ничего такого, мужик.

— Да плевать. Просто следи за языком, — ворчит он. Я понимаю намек и встаю, хлопнув себя по бедру. Броуди тут же встает следом, обнимает за плечи и ведет меня к лестнице. — Мы еще посоревнуемся, засранцы.

Броуди непрерывно тянет меня по первому этажу. После того, как я выпила несколько освежительных напитков, подумала, что мы собираемся пойти на улицу подышать воздухом. Но вместо этого мы вдруг поднимаемся вверх по лестнице.

— Куда ты меня ведешь? — спрашиваю я, переступая через девушку, отключившуюся прямо на лестнице. — Она в порядке?

— С ней все нормально, — бормочет он и ведет меня мимо нескольких закрытых дверей, из-за которых доносятся сомнительные звуки. Толкнув незапертую створку, я задерживаю дыхание, не зная, что найду за ней. Но там оказывается лишь темная пустая комната.

Броуди закрывает за нами дверь, и мы словно попадаем в иную реальность. В сравнении с шумом внизу, в этой комнате так тихо, словно заткнул уши ватой.

— Это твоя комната? — спрашиваю я, оглядываясь по сторонам.

В его комнате я никогда не была, ведь, как я уже сказала, мы просто друзья. Так что я пользуюсь моментом, чтобы оценить обстановку. Маленькое помещение со светло-серыми стенами. К стене над простым сосновым комодом прищиплена пара школьных флагов, из открытых ящиков вываливается одежда. За дверью свалена какая-то обувь, и Броуди скидывает с ног еще пару, добавляя к общей куче.

— Ага, — отвечает он и падает лицом вниз на нерасправленную двуспальную кровать.

— Тут... уютно. Для парня. — Скинув туфли, я тоже забираюсь на кровать и вытягиваюсь рядом с ним. Но потом отпрыгиваю обратно. — Я ведь не сижу на твоей сперме?

Его плечи подрагивают от беззвучного смеха, и он поворачивает голову на бок, чтобы посмотреть на меня.

— Расслабься, простыни менялись на этой неделе.

Я скептически смотрю на него: прошла целая неделя, а я то знаю, как быстры бывают парни.

Броуди закатывает глаза.

— Да ладно тебе, Джи. Даже я не настолько шустрый.

Решаю поверить ему и расслабляюсь.

— Так что мы здесь делаем?

— Скрываемся, — отвечает Броуди.

— Почему? Ты, вроде, неплохо веселился.

Устроив руки под головой, он безучастно смотрит на мои скрещенные ноги.

— Да, но здесь лучше. Тихо.

Через пол доносится музыка, но после нескольких напитков ее ритм кажется почти успокаивающим.

— Ты пьян?

Одна сторона его лица морщится, образуя маленькую ямочку.

— Может самую малость. — С вновь спокойным лицом Броуди протягивает руку и кладет ладонь на мою голень.

— Спасибо, что пришла сегодня.

— Для тебя все что угодно, — честно отвечаю я, потому что так оно и есть. Они с Энни единственные люди в моей жизни, что заслуживают такое отношение. Все потому, что я знаю: они относятся ко мне точно так же.

— Правда? — В медово-карих глазах Броуди появляется опасный блеск, когда он встает на четвереньки и подбирается ко мне.

Напрягаюсь. Я ведь не дурочка. Броуди любит меня и не всегда как друг. Обычно он это хорошо скрывает, но я ловила проблески в те редкие моменты, что он позволял себе

расслабиться. Когда он выпивал, как сегодня, его чувства становились гораздо заметнее. Я никогда не говорила с ним на эту тему, потому что это изменит все. Но это означает, что мне всегда приходится отслеживать предупреждающие знаки.

И это самое громкое предупреждение из всех, виденных ранее.

— Что ты задумал? — спрашиваю я с натянутой улыбкой, пытаюсь скрыть зарождающуюся тревогу. Пожалуйста, не делай ничего, за что потом будет стыдно. Меньше всего на свете я хочу причинить ему боль.

— Как давно мы друг друга знаем? — спрашивает он, нависая надо мной.

Мне приходится откинуть голову назад, чтобы заглянуть ему в глаза. Что бы ни творилось у него в голове, его мыслей я прочесть не могу.

— Не знаю. Несколько лет. А что?

Он смотрит на меня сверху вниз, не отпуская взгляд, и я невольно задерживаю дыхание, пока не закружится голова. Не знаю, что Броуди хотел сказать, но по глазам вижу то мгновение, когда он передумывает. Его полные губы искривляются в усмешке.

— Ну, просто ты никогда не делала мне массаж.

Меня подбрасывает на матрасе, когда он всем весом обрушивается рядом на кровать.

— Помассируй меня, женщина, — бормочет он в подушку.

Я, наконец, могу дышать. словно гора с плеч. Броуди явно не то собирался сказать, но я тихо радуюсь, что он передумал. Меньше всего в жизни сейчас мне нужны осложнения.

Перекинув ногу, я сажусь на него.

— Жестко или помягче?

Следует пауза, и я почти слышу, как в его голове вращаются шестеренки, когда он пытается ответить на вопрос.

— На твое усмотрение, — приглушенно отвечает он наконец.

Глава 13

— Парень в тебя влюблен.

Энни глаголит истину. Как впрочем и всегда. Но это не значит, что мне должно быть по душе то, что она говорит. Я терпеть не могу, когда она права.

— Я знаю, но не могу быть такой, какой он хочет меня видеть.

— Почему нет? Вы знаете друг друга практически вечно. Вы были знакомы еще до того, как мы подружились. Разве существуют какие-то правила на вещи такого рода? Если ты дружишь с кем-то, с кем знаком более пяти лет, то что, обязательно должна выйти за него замуж?

Я морщу нос, играя на тарелке с томатом черри. Первое, что я сделала, скатившись утром с кровати, — позвонила Энни и попросила присоединиться ко мне за обедом, чтобы наверстать упущенное после вчерашней вечеринки. Я собиралась узнать о ее отношениях с Джейсоном, но вместо этого все свелось ко мне и моей личной жизни.

Я качаю головой, не понимая, как втянула себя во все это.

— Думаю, это несущественно, — говорю я ей.

— Учитывая все, это ой как существенно. Вы бы были милой парой.

Я даже не собираюсь отвечать. Прекрасная пара или нет, я просто не могу смотреть на Броуди в этом ключе. Может, не будь мы с самого начала друзьями, все сложилось бы иначе. А теперь я просто не могу рискнуть всем, надеясь, что дружба может перерасти в нечто большее. В моей жизни и так мало друзей.

— А как насчет другого парня, того, с кем ты встречаешься? Уже говорила с ним?

— Нет, — признаюсь я. — Но, думаю, все само уладится.

Взгляд, которым она смотрит на меня, полон извинений.

— Это отстой, детка. Ты говорила, что ваши отношения сложные. Нечто запретное? Значит ли это, что вы до сих пор регулярно встречаетесь?

— Каждый день.

Все оказалось не так тяжело, как я думала. Может, я и не настолько близка к Рансому, как хотелось бы, но зато так он не исчез совсем из моей жизни. Не уверена, что полный разрыв был бы лучшей идеей, так что нынешнее положение вещей вполне приемлемо. В любом случае, лучше это, чем вообще ничего.

— Ох, я даже представить такого не могу. Разве это не тяжело? Я имею в виду, ты не чувствуешь себя так, словно сойдешь с ума, если не сможешь прикоснуться к нему?

Постоянно.

— На самом деле, нет. Мы же не были влюблены.

Я, возможно, и была влюблена.

Я действительно хочу, чтобы она оставила эту тему. Но по блеску взволнованных глаз понимаю, что Энни только разогревается.

— Ладно, ты знаешь, что я должна спросить, — выдает она, предостерегающе поднимая перед собой ладони. — Я его знаю?

Я отправляю в рот то, что осталось от салата, чтобы выиграть немного времени и подумать. Рассказ о моих отношениях с Рансомом может быть плохой идеей. Но, опять же, все уже в прошлом. Насколько это может быть опасно? К тому же мы ведь говорим об Энни. Она — моя лучшая подруга, связана законами дружбы, а потому обязана все мои секреты унести с собой в могилу.

— Эм... Ну... вроде да, — сомневаюсь я.

Ее глаза расширяются еще больше, и она наклоняется над столом, вцепляясь в мои запястья.

— О... мой... Бог. Расскажи мне! — шепчет она. — Это профессор английского языка? Профессор Хейл? Он такой сексуальный. Я себе каждый раз места не нахожу, как попадаю на его занятия.

Слишком много информации. Я натянута смеюсь, потому что Энни ближе к правде, чем сама это осознает.

— Нет, хотя он довольно сексуальный.

Профессор Хейл всего на пару лет старше нас. У него темно-каштановые волосы, глубокий, проникновенный взгляд и неизменная пятичасовая щетина. Кому бы не понравилось такое сочетание?

— Черт возьми, точно он! — Энни затихает, буравя меня взглядом, словно пытаюсь вычитать сведения прямо у меня из головы. Затем она начинает перебирать имена всех известных нам парней: от Билла, бармена в "DJ's", до какого-то мужчины, с которым я выбиралась на свидание два года назад. Исчерпав все варианты, подруга смотрит на меня с мольбой.

— Просто скажи мне, — шипит она, отчаянно желая услышать секрет. — Клянусь на стопке Библий, что не скажу ни одной живой душе. — Я потягиваю газировку, продлевая мучения подруги. — Если не собираешься рассказывать, то, пожалуйста, просто пристрели меня и избавь от страданий.

Я смеюсь, а затем решаю, ничего плохого от признания не случится. Наклонившись к ней и понижая голос, чтобы никто не смог нас подслушать, я говорю:

— Это... профессор Скотт.

— Нет!

— Да, — киваю я.

— Быть того не может!

— Еще как может.

Несколько минут она в полном шоке. Теперь, когда тайное стало явным, можно уже не торопиться. Наконец, она несколько раз моргает, отпивает газировки и одаривает меня взглядом, не предвещающим ничего хорошего.

— Надеюсь, ты понимаешь, что теперь должна будешь позировать обнаженной?

* * *

Энни неумолима. При каждом удобном случае она бубнит мне об арт-программе в стиле ню. Признаю, концепция меня интригует, на секунду я даже всерьез о ней подумываю. Но чем больше подруга давит, тем меньше во мне уверенности.

Что если я там кого-то узнаю? Основная причина, почему решила танцевать, заключалась в том, что там я не могла столкнуться с кем-то из знакомых, кроме Рансома. Анонимность в таких делах — важнейший аспект. Ну, а если кого-то все же занесет в зрительский зал, то я, по крайней мере, об этом не узнаю.

Упорство Энни лишь укрепляет во мне этот страх. Что, если я буду позировать, а кто-то узнает меня до или после занятий? И что я тогда буду делать?

Но, несмотря на свои возражения, я все еще понятия не имею, каким будет мой финальный проект. Если говорить честно, я еще не думала о нем всерьез. Не буду обманывать. Именно поэтому так заманчива идея готового проекта, который буквально сам просится мне в руки.

Всю неделю я наблюдаю, как мои одноклассники записываются в список Рансома, заявляя темы своих финальных проектов. Разрываясь между занятиями, работой и решением проблем, связанных с личной жизнью, я настолько устаю, что не могу собраться с мыслями. А давление при этом начинает все усиливаться.

Вот почему, когда я все же захожу в среду утром в художественную студию миссис Джексон, то сваливаю все на Энни.

Миссис Джексон сосредоточенно трудится за мольбертом. Она не такая, как остальные преподаватели. Цвет ее рыжих волос на несколько оттенков ярче настоящих, одежда слишком эклектична, чтобы быть консервативной, да и украшающие руку татуировки не слишком гармонируют со стилем остальных профессоров. Наверное, в этом все дело. Она объявляет себя бунтаркой, и я немедленно проникаюсь к ней симпатией.

Замечая, что я вхожу, она кладет кисть и вытирает руки бумажным полотенцем.

— Ты на занятие по скульптуре?

— Э... нет, — робко улыбаюсь я. Я не привыкла так нервничать, особенно когда полностью одета. — Мне просто было интересно, свободно ли еще место модели?

Сначала она явно не понимает, о чем это я, но затем ее лицо расплывается в улыбке.

— Ах, обнаженной модели. Да, да, входи. — Она машет мне рукой, зовя к своему столу, где протягивает мне планшет с зажимом для бумаги и ручку. — Ты как раз вовремя. У нас

еще осталась пара мест.

Вписывая дрожащей рукой свое имя внизу листа, я убеждаю себя, что делала это с полдюжины раз. И все-таки это глупая идея. Зачем я только согласилась? Ах да, Энни. Я все валю на Энни.

— Тут много имен, — замечаю я, передавая планшет обратно через стол. К счастью, ни одно мне не знакомо.

Ее улыбка становится еще шире.

— Да, это очень популярная программа. К сожалению, в этом году нам пришлось сократить число участников.

— Почему так? — не скрывая любопытства, спрашиваю я, пока мы медленно направляемся к двери.

— Университет сократил финансирование некоторых программ в этом году. А поскольку это одна из немногих оплачиваемых работ в кампусе, она стала одной из первых на закрытие.

— Оплачиваемых работ? — Останавливаясь, я оборачиваюсь к ней.

— Да. — Ее голова наклоняется в бок, и она хмурится. — Каждая модель получает по сто долларов за потраченное личное время и подарочный сертификат в "Jed's".

Итак, бесплатный обед и наличные. Мои прошлые проблемы вдруг становятся не такими и насущными.

— Ты не знала?

Я качаю головой.

— Понятия не имела.

— Ну, уверена, что теперь, когда ты знаешь это, процесс станет для тебя менее пугающим.

— Это уж точно, — ухмыляюсь я.

— У тебя ко мне еще есть какие-то вопросы?

— Нет, у меня есть над чем подумать. — Но меня вдруг охватывает внезапное желание взять и обнять Энни, поблагодарить за то, что подтолкнула меня. — Спасибо, что уделили мне время.

— Без проблем. Приятного вечера.

Я спешу домой, пребывая в более приподнятом расположении духа, чем была за последние несколько недель. Благодаря повышению адреналина, я смогу проработать всю ночь напролет и даже получу дополнительные чаевые. Возбужденное настроение переносится и на завтра. Рансом тоже меняется. Он больше улыбается, чаще направляя свое внимание в ту часть комнаты, в которой нахожусь я. Даже Энни замечает, толкая меня каждый раз, когда он так делает.

Возможно, она уделяла слишком пристальное внимание мне, или же я не обращала на нее внимания. Быть может, я должна была заметить, что она собирается предпринять что-то. Когда она задерживается после занятий, я предполагаю, у нее есть еще вопрос о задании.

Но я даже подумать не могла, что она пригласит Рансома.

— Это всего лишь посиделки с друзьями. Ничего особенного.

Рансом бросает на меня беглый взгляд через плечо, и я стараюсь выразить крайнее недовольство таким поворотом событий. Но он, кажется, ничего не замечает. К счастью, он тоже не в восторге от идеи.

— Мне очень жаль, мисс Гуэрра. Я ценю ваше предложение, но, вероятно, будет лучше,

если я откажусь.

— Это потому, что вы учитель? Из-за этого вы что же, не должны есть, да? Если кто-нибудь спросит, мы можем сказать, что это исследовательская группа.

Его брови ползут вверх.

— Исследовательская группа. В баре.

— Конечно. Было бы намного неуместнее собирать группу в вашем доме. А бар — это общественное место. Никто не усомнится в ваших намерениях.

Я с ней совершенно не согласна. Сомневаюсь, что декан или кто-то выше рангом будет в восторге, если увидит, что один из преподавателей выпивает со студентами.

— Я все же думаю, что лучше не приходить, — настаивает Рансом, и я облегченно выдыхаю.

— Ну, мы оставим место на случай, если вы передумаете, — настойчиво говорит Энни. — Даже профессорам надо есть.

Мы с Рансомом обмениваемся взглядом, когда Энни пролетает мимо меня к двери. Глазами я предупреждаю, что лучше ему не показываться сегодня. О чем говорит его взгляд, я не знаю.

Выйдя наружу, я хватаю Энни за локоть и поворачиваю к себе.

— Что ты творишь?

На ее лице играет лукавая улыбка. Это на минуту сбивает меня с толку, так как коварство и Энни — вещи несопоставимые. По крайней мере, я никогда не замечала подобного за ней.

— Можешь сколько угодно утверждать, что между вами двумя все кончено, но меня не проведешь. Понятия не имею, как я раньше не замечала этого, но вы двое по уши влюблены друг в друга!

Я резко поворачиваю голову и морщу нос, слушая ее обвинения.

— Это неправда!

— Еще как правда! Вы двое практически не можете оторвать друг от друга глаз. Клянусь, даже с включенным кондиционером сегодня там была сауна. Черт, вы практически сожгли напроць мою одежду.

— Сейчас ты уже преувеличиваешь.

Такая Энни внушает страх во всех. Когда она так настойчива, лучше или согласиться с ней, или уйти в сторону. Я собираюсь отступить.

— Я права. Ты смотришь на него так же, как Броуди смотрит на тебя. Признай, ты все еще хочешь его.

— Нет, — стиснув челюсть говорю я и ускоряю шаг. Еще двести два шага — и я дойду до машины.

— Признай это!

Энни практически бежит, стараясь поспевать за мной своими коротенькими ножками.

— Да пошла ты! — рычу я и ускоряю темп, пока она не переходит на бег трусцой. Но независимо от того, что движения переходят на бег, это все равно позволяет ей идти в ногу со мной, что не очень хорошо для меня. Оборачиваюсь к ней, я раздражена и в отчаянии, хочу, чтобы она оставила меня в покое. Я закрыла эту главу своей жизни. Мне не нравится то, что из любопытства она пытается открыть ее.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — кричу я на нее.

Ее абсолютно не смущает мой гнев.

— Просто признай, что ты по-прежнему в него влюблена.

Я прищуриваюсь, глядя на нее. Я терпеть не могу эту ее сторону. Я ненавижу, что она заставляет меня смотреть на себя со стороны, признаться самой себе. Метнув взгляд на автостоянку, пусть неохотно, но я говорю то, что она хочет услышать.

— Ладно, я все еще влюблена в него. Но, — добавляю я, пресекая готовый вырваться из нее визг восхищения и готовность захлопать в ладоши, — это не значит, что я стану бегать за ним. С этим покончено.

— Я услышала тебя, — утверждает она, но есть что-то в ее тоне, что настораживает меня. — Я должна бежать. Встречаемся сегодня в восемь, как и договаривались?

Я все еще не верю ей, но киваю в знак согласия.

— Броуди сказал, что заказал столик.

— Отлично! Я возьму Джейсона с собой. Увидимся там.

Ночь вместе с друзьями и Джейсоном. Все, что могу сказать, — это то, что этому парню лучше вести себя хорошо и быть пайнкой. Хотя, думаю, он покажет свое истинное лицо.

Глава 14

Я слишком долго решаю, что надеть, и теперь опаздываю. По вечерам выходных бар набит битком, но меня пускают сразу же, благодаря способности Броуди все планировать заранее. Администратор указывает мне на столик позади. И хоть я полдня провела в сомнениях и раздумьях по поводу странного поведения Энни, глазами все равно ищу Рансома.

Ненавижу себя за эту слабость. Почему я просто не могу не думать о нем? Нужно отвлечься, найти что-то, что поможет избавиться от ненужных мыслей. Терзавшее меня напряжение рассеивается, когда я замечаю людей, сидящих за столом. Броуди притащил парочку друзей вместе с Митчем и Прайсом, с которыми мы знакомы тысячу лет. Энни тоже удалось вытащить Джейсона. Не могу сказать, что мечтала увидеть его прыщавую красную физиономию, но я рада, что Энни счастлива.

Броуди первый замечает меня, и его широкая улыбка действует как инъекция счастья. Я могу быть в самом мерзком настроении, но один взгляд на него возвращает все на свои места.

Может, Энни и права в какой-то мере. Зачем гоняться за чем-то недостижимым, если у меня есть Броуди?

На этот вопрос несложно ответить. Тот факт, что Рансом недостижим, заставляет меня желать его. Я всегда была человеком, которого тянуло к неприятностям. Психиатр, скорее всего, сказал бы, что это из-за того, что у меня были проблемы с отцом. Или же из-за преждевременной кончины моих родителей, что заставило меня быстро повзрослеть. И он был бы прав. Потому что как человек мог получить такой удар судьбы и не облажаться при этом?

К сожалению, я не могу сдержат свое желание. Побочный эффект наличия сердца заключается в том, что нельзя контролировать то, кого оно выберет. Оно не рассуждает, его нельзя отговорить от глупых решений. Даже зная, что обожжется, оно все равно кидается в пламя. Но люди могут приучить себя любить иное. Разве нет?

Когда Броуди выходит из-за стола и обнимает меня, я решаю доказать своему сердцу, что оно не может мной управлять, и чересчур долго обнимаю друга. В ответ он крепче сжимает меня в объятиях и целует в волосы. Отстранившись, Броуди странно улыбается,

словно не понимая, что означает мое поведение. Черт возьми, как и я сама. Я просто знаю, что нужно сокрушить нездоровую одержимость Рансомом прежде, чем она проникнет еще больше в мою жизнь.

Вынудив друзей подвинуться, чтобы освободить место рядом, Броуди наливает мне стакан пива из стоящего в центре стола кувшина.

— Ты прекрасно выглядишь сегодня, — шепчет он, наклонившись.

— По сравнению с другими вечерами, да?

Он прижимается к моему виску и целует его сладким, полным любви поцелуем.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Я знаю. Броуди всегда нравится, как я выгляжу, даже если напяливаю, что попало. Нахожу под столом его крепкое бедро и сжимаю.

— Спасибо.

Он ловит мой взгляд и кивает. Было бы так легко позволить себе влюбиться в этого парня. Его невозможно не любить. Он обаятельный и милый, умный и деликатный, и что лучше всего, — мы друзья. Нам даже не надо привыкать друг к другу, так как между нами уже есть связь.

Положив голову ему на плечо, я бросаю взгляд в тот конец стола, где сели Энни с Джейсоном. Подруга смотрит на меня, подняв брови, и я в ответ поднимаю свои. Не знаю, что за сообщение она пытается мне передать, но надеюсь, что она поймет мое: я не нуждаюсь в одобрении того, как буду проживать свою жизнь.

— Хорошо, что ты пришел, Джейсон, — говорю я погромче, чтобы он слышал сквозь музыку. — В прошлый раз нам тебя не хватало.

Он поднимает подбородок в манере, которую я ненавижу именно в его исполнении.

— Привет, Джо.

К слову о нашем общении. Мы с Джейсоном были в хороших отношениях, почти стали друзьями. Он был классным. С ним я могла посмеяться и пошутить. Пока не поняла, что он представляет собой на самом деле. Не желая вызвать неприятности или кого-нибудь обидеть, я отдалилась. Но, заметив, что его поведение оказывает влияние на Энни, я поговорила с Джейсоном по душам. Прошло все плохо, и подруга до сих пор ничего об этом не знает. Стоит ли говорить, что мы с Джейсоном больше никогда не будем друзьями.

Подходит официантка с двумя подносами, заставленными закусками, и ставит их в центр стола вместе с тарелками для каждого. Броуди первой наполняет мою, и я с ужасом вижу, как много он мне положил.

— Я не смогу столько съесть.

Черт возьми, за всей этой едой я даже не могу разглядеть тарелку.

— Я доем, если не осилишь, — отвечает он с улыбкой, жуя картошку-фри с соусом чили.

— Вот зачем он это сделал, — произносит тем временем Митч. Он уселся напротив Броуди, карие глаза искрятся весельем. — Поспорю, что половина еды на твоей тарелке предназначена ему. Он просто хочет убедиться, что она не достанется никому из нас.

Броуди гладит плоский живот и беззастенчиво ухмыляется, не переставая жевать картошку.

— Растущему организму нужна еда.

— Это еще ничего. Ты бы видела его во время завтрака, — произносит тот, кто пересел, чтобы освободить для меня место. Кажется, его зовут Трент. — Если первым не успел к

столу, рискуешь остаться голодным.

— Вот так все и начинается, — качает головой Митч. — Чутьочку больше фри тут, еще чуть-чуть чипсов там. И не успеешь оглянуться, как станешь невольной соучастницей преступления, при котором все твои друзья остаются голодными.

Я прикрываю рот, чтобы не выплюнуть пиво, и смеюсь.

— Кто сказал, что я невольная соучастница?

У Митча падает челюсть, а Броуди, чуть не лопааясь от смеха, кладет руку мне на плечо.

— Да, Митч, кто сказал, что она невольная соучастница?

Время, проведенное с друзьями, всегда действует на меня успокаивающе. Следующие несколько часов пролетают быстро. Мы съедаем кучу еды и еще больше выпиваем. Броуди постоянно находит повод прикоснуться ко мне: то убирает волосы, то кладет руку на спинку моего стула и рассеянно гладит по плечу. К тому времени, как уносят пустые тарелки, он перестает притворяться, что мы просто друзья, и тянет меня к себе на колени.

Я не против. Мы всегда были близки, и я люблю эту нежную ипостась Броуди. Она присутствует всегда, но проявляется особенно заметно, когда он выпьет.

Прижавшись щекой к его макушке, я упираюсь носком в пол и мягко покачиваю нас в такт музыке, наблюдая, как танцуют наши друзья.

— Хочешь потанцевать со мной?

Закрыв глаза, я качаю головой.

— Мне нравится сидеть здесь.

По правде говоря, я так устала, что могу уснуть прямо тут.

Алкоголь действует на меня усыпляюще.

Броуди обнимает меня за талию, плотнее прижимая к себе.

— Мне тоже. Твоя грудь — прекрасная подушка.

Откидываясь назад, я шлепаю его по груди.

— Засранец!

— Что? Правда же. Она похожа на маленькие пушистые облачка на небе.

Я бью его снова.

— Моя грудь не маленькая.

Он посмеивается, притягивая меня обратно, чтобы прижаться шершавой щекой к моему декольте.

— Не-а, не маленькая. Она абсолютно правильного размера.

Броуди довольно мурлыкает, и я чувствую себя немного... странно, позволяя ему быть так близко.

Границы дружбы испаряются слишком быстро.

— Уже довольно поздно. Может, пора собрать всех и попрощаться? — говорю я, похлопывая его по плечу.

Остекленевшими глазами Броуди осматривает зал.

— Да, хорошая идея. Я отвезу тебя домой.

— Нет, — говорю я, несильно толкая его обратно на стул, когда он пытается встать. — Ты слишком много выпил сегодня. Я приведу всех сюда, а потом отвезу тебя домой.

Когда я встаю, моя голова немного кружится, будто живет отдельной жизнью от тела. Но такое бывало и раньше. Не то чтобы я быстро пьянела, просто, вероятно, сегодня выпила чуть больше, чем думала. Тем не менее я не чувствую опьянения, пока собираю всех, мы прощаемся. На самом деле я вполне владею собой.

Я позволяю Броуди опереться на меня, пока веду его к своей машине, хотя он в два раза выше и тяжелее меня. Тот факт, что я могу это сделать и не упасть, добавляет уверенности, что я вполне способна вести автомобиль. Уверенность убавляется, когда я спотыкаюсь о трещину на парковке по пути к водительской двери, но дом Броуди всего в пяти минутах езды, а моя квартира лишь немного дальше. Все, что нужно, — это еще немного концентрации, чтобы не отвлекаться от дороги.

Я даже не успеваю открыть дверь, как чувствую руку на своем плече, тянущую меня назад.

— Даже и не думай, что сядешь за руль.

Когда я смотрю вверх, то вижу Рансома. И он очень зол. Его глаза цвета оникса словно окаменели. В то время как я раздражена его присутствием. Какого черта он здесь делает?

— Прошу прощения?

— Дай мне ключи. Я отвезу вас обоих по домам.

— С чего ты взял, что я просто отдам тебе ключи?

Склонив голову набок, он одаривает меня нетерпеливым взглядом.

— Я знаю, что ты выпила сегодня и спотыкаешься о собственные ноги. Если думаешь, что я отойду и позволю тебе поставить под угрозу собственную или чью-либо еще жизнь, то серьезно ошибаешься.

— Там была трещина, — неубедительно парирую я.

— Не было никакой трещины, это все твои неуклюжие пьяные ноги.

Я смеюсь. От души смеюсь, с фырканьем и всем прочим.

— Ноги не могут быть пьяными.

Ладно, может, он и прав в чем-то.

Он выжидающе смотрит на меня, и я понимаю, что проиграла.

Остается лишь передать ключи без дальнейших возражений и со смущением признаться себе, что принадлежу к тем самым людям, что считают себя исключением из правил. Не пояись здесь Рансом, я могла бы причинить кому-то вред.

— Ну, и что ты здесь забыл? Я думала, ты хотел пропустить вечер.

Усадив Броуди, который вырубается в ту же секунду, как падает на заднее сиденье машины Рансома, я забираюсь в пассажирское кресло и жду ответа.

— Как сказала твоя подруга, всем нужно есть. — Он поворачивает ключ в замке зажигания и медлит. А затем, не смотря на меня, добавляет: — И, возможно, я хотел тебя увидеть.

Очевидно, я просто тряпка, потому что это лучшие слова, услышанные за всю неделю. Знаю, что ухмыляюсь, как лунатик, но не могу остановиться. Искоса взглянув на меня, Рансом улыбается в ответ и трогается с места.

К тому времени, как мы добираемся до общаги, Броуди все еще в отключке, так что Рансому приходится задействовать троих его приятелей, чтобы вытащить парня из машины и уложить в кровать. Я задерживаюсь, чтобы снять с него обувь, накрыть одеялом и поцеловать в лоб перед уходом. Потому что кто еще сделает это, если не я? Убедившись, что есть кому приглядеть за Броуди ночью, я еду домой с Рансомом.

— Хочешь кофе? — спрашиваю я, пока он паркуется у моего дома. Я знаю, о чем прошу, но не могу отринуть тот факт, что парень появился сегодня в баре из-за меня.

Это рискованно. Но, увы, то, что мне следует делать, совершенно не совпадает с моими

желаниями. Раньше я думала, что будет разумнее рассмотреть варианты и не отвергать Броуди. Теперь же чувствую, что жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в радостях. Я могу отрицать это до посинения и, быть может, завтра даже вернусь к старым привычкам, но сегодня хочу ненадолго насладиться жизнью. Хочу развлечься. И точно знаю, что Рансом может все это обеспечить.

Он смотрит вверх на темные окна, обдумывая мое предложение. Мы оба знаем, что за этими дверями нас обоих ждет отнюдь не кофе.

Я уже хочу забрать свое предложение назад, чтобы сохранить хоть подобие приличной мины, когда он вдруг заглушает мотор и открывает дверцу.

— Кофе — это отличная идея.

Глава 15

Слава Богу, Рансом хочет того же, что и я. Мы едва минуем входную дверь, как начинаем срывать друг с друга одежду. Обувь я потеряла где-то рядом с дверью, футболку — между гостиной и кухней, а мои брюки валяются возле ванной. Когда Рансом толкает меня на кровать, на мне лишь черные кружевные трусики и бюстгальтер. Сам же все еще остается в джинсах и темно-серой рубашке с пуговицами на воротнике. Никогда не встречала мужчину, способного выглядеть так сексуально в самой простой одежде. Мое тело трепещет в ожидании, пока он стоит у меня между ног и смотрит сверху вниз.

— Даже не знаю, что я здесь делаю, — говорит он низким, грубым голосом.

— Ты здесь для того, чтобы трахнуть меня.

Его гримаса на мгновение заставляет меня запаниковать. Я сказала что-то не то? Что, если он уйдет? Я сажусь, скольжу руками по его торсу.

— Перестань так много думать. У меня из-за тебя уже голова болит.

— Прости. — Его пальцы зарываются в мои волосы, теребят пряди и с силой сжимают их на затылке. — Просто не могу перестать думать о том, что преподаватель не должен спать со студенткой.

— Мы больше, чем преподаватель и студентка. — Ведь то, что между нами, что-то да означает? — Мы уже взрослые люди, Рансом. Неужели ты в самом деле думаешь, что нас накажут за влечение друг к другу?

— За наше поведение — да. Определенно.

Но, несмотря на свои слова, Рансом наклоняется, обратно вжимая меня в матрас, и целует мою налитую грудь. Даже если его и заботит соблюдение правил, он, разумеется, не демонстрирует это.

Сжимая его плечи, я упиваюсь им, его прикосновениями. Сколько же времени прошло.

— Тогда нам стоит приложить максимум усилий, чтобы никто не узнал.

Рычание вырывается из горла Рансома, и в порыве нахлынувших чувств он набрасывается на мой рот грубым поцелуем. Наши руки начинают отчаянно двигаться, пока мы пытаемся избавиться от остатков одежды, разделяющей нас. Рансом так же нетерпелив, как и я, однако ему удается обуздать свой пыл.

Двигаясь вниз по моему телу, он покусывает мою кожу, а потом успокаивающие лижет после каждого укуса. Я ошарашено смотрю вниз, когда его широкие плечи оказываются под моими ногами. Наклонившись, чтобы запустить пальцы в его волосы, я учащенно дышу, дожидаясь его следующего хода. Это еще одна вещь, которую он прежде не делал так долго. В последний раз, когда я спросила, он пробормотал что-то о том, что слишком жаждет войти

в меня, и на этом все закончилось.

И теперь, видя его там, пристально наблюдающим за каждым моим движением, я могу едва дышать. Когда он впивается в меня ртом, моя голова падает на одеяла и порочный стон срывается с уст. Он кружит языком вокруг моего клитора, а затем жадно впивается в мою киску. Он продолжает движения кончиком языка, словно вырисовывая узор от клитора к киске, лаская, кружась, дразня, словно пробуя меня на вкус. Такого я еще никогда не испытывала. Это мучительный танец, заставляющий все мои мышцы содрогаться до тех пор, пока это не становится настолько сильным, что я не могу ответить наверняка, собираюсь кончить или же уже кончила.

Когда его прикосновения становятся настолько мучительными, что я не в силах их вынести, я отталкиваю его голову. Смеясь, он поднимается, вытирая влажный рот.

— В чем дело, детка?

Мои мышцы настолько расслаблены, что у меня нет силы поднять руку, чтобы ударить его. Обвив ногами его мощные бедра, я открываюсь ему.

— Заткнись и трахни меня.

Откинувшись назад, он берет презерватив, лежащий на одеяле. Я даже не заметила, когда он положил его туда. Надев его, он придвигается, нависая надо мной, напрягая при этом мышцы бедер. Его член огромен и тверд, когда он медленно входит, растягивая меня.

— Да, Рансом. Как же хорошо, — задыхаясь, стону я, когда он заполняет меня полностью.

— Как и мне, Джозефин. Ощущения невероятны. — Он закрывает глаза и стонет, вонзаясь в меня. Медленным, размеренным темпом, так не похожим на темп, с которым мы обычно занимаемся сексом. Сегодня Рансом не спешит, я чувствую это. Я чувствую все. Это не просто секс. Сегодня мы занимаемся любовью.

Просунув руку мне под коленку, он разводит мои ноги еще шире в стороны, откуда нет пути назад. Его таз трется о мой клитор, и я кончаю, разбиваясь на частицы, кусок за кусочком, когда оргазм медленно сокрушает меня, словно волны океана, рвущиеся на берег... медленно, но с неожиданной силой. Не было строптивости и стыдливости. Я даже не прилагала никаких усилий, но до сих пор чувствую себя сокрушенной.

Это самое искреннее из чувств, когда-либо испытанных мною.

Притягивая его ближе, я чувствую, как мышцы Рансома напрягаются под моими руками, когда он гонится вслед своему желанию. Моя грудь раскачивается из стороны в сторону, а голова удается о спинку кровати, когда он, слегка приподнявшись, начинает двигаться быстрее.

Я наблюдаю, как его лицо искажается, а на шее отчетливо выступают вены. Бедрями он делает последний толчок и молча застывает на месте, прикусывая зубами губы до тех пор, пока из них не вырывается мучительный стон, а затем сверху наваливается на меня.

Грудью я чувствую, как колотится его сердце, когда он пытается перевести дух. Одной рукой я поглаживаю Рансома по спине, другой прижимаю его голову к моей груди. В этот момент, когда нет ничего, кроме мягких звуков нашего учащенного дыхания, я ощущаю умиротворение. Никогда не испытывала его раньше и понятия не имею, что с ним делать. Но это... приятно.

Ощущение разрушается, когда Рансом скатывается с меня, в моей груди вновь начинает воцаряться пустота. Но она быстро заполняется снова, когда он увлекает меня за собой. Лежа на спине, Рансом укладывает меня рядом с собой и перекидывает мою руку через свою

грудь. Моя нога движется вверх, чтобы переплестись с его ногой, и когда мы сплетаемся друг с другом, моя грудь разрывается от чувств, назвать которые я не в силах.

В любом случае, здесь и сейчас, я чувствую себя в безопасности. Защищенной. Как будто вернулась домой.

* * *

Низкий жужжащий звук выманивает меня из сновидений, и я смутно понимаю, что Рансом высвобождается из моих объятий и что-то ищет на полу. Жужжание прекращается, сменившись его голосом, мягким и немного грубоватым после сна. Звонок быстро заканчивается, и Рансом вновь укладывается в постель рядом со мной.

— Ты не спишь? — спрашивает он, и я откатываюсь с жалобным звуком. Я не отношусь к жаворонкам. Никогда им не была, однако Рансом явно намерен сделать меня такой.

Он прижимается обнаженным телом к моей спине, и я чувствую, как просыпается его желание, будит меня, проникая между моих бедер. Его теплое дыхание щекочет мой затылок. Я наклоняю голову, чтобы почувствовать, как его губы касаются моей кожи.

— Во сколько тебе нужно быть на занятиях?

Откинувшись немного назад, я обхватываю его голову, пока он продолжает ласкать меня, и отвечаю:

— В девять.

— Эммм... тогда у тебя двадцать минут, чтобы туда добраться.

Мои глаза распахиваются, и я вскакиваю с постели.

— Я опаздываю! — Заметив, что он все еще лежит в постели, облаченный в одну лишь улыбку, я кричу: — Вставай! Мне нужно идти!

Устроившись у края кровати, он смотрит, как я ношусь по комнате, собирая с пола одежду.

— Я поддерживаю приверженность занятиям, особенно когда ты вот так нагибаешься, но, возможно, сегодня нам стоит просто позвонить, сказать, что заболели, и оставаться в постели.

Я вижу, что в его прищуренных глазах плещется желание, и предложение такое искушающее, что трудно не поддаться. Но на этот раз мой разум побеждает.

С его одеждой в руках я возвращаюсь к нему. Его колени разведены, и я становлюсь между ними, укладывая руки и одежду на его плечи.

— Я ужасно хочу провести весь день в постели с тобой, но тебе нужно на работу. К тому же, мы же оба будем отсутствовать в один день. Не слишком хорошее начало, если мы хотим сохранить все в тайне.

Он выпускает тяжелый вздох и прижимается лбом к моей груди.

— Ты права. Боже, почему ты должна быть всегда права? — жалуется он, запрокинув голову назад и закрывая глаза.

Я со смешком делаю шаг назад, оставляя ему одежду.

— Тебе лучше поторопиться, если не хочешь опоздать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В то время, как он одевается, я надеваю свой халат и провожаю его к двери. Обернувшись, прежде чем уйти, он обхватывает меня за талию и прижимает к своей груди, оставляя собственнический поцелуй на моих губах, от чего я начинаю задыхаться.

— Увидимся в аудитории, мисс Харт.

Я улыбаюсь, словно умалишенная, когда он открывает дверь, чтобы выйти, но улыбка в мгновение спадает с моего лица. Рансом замирает на месте. За дверью стоит Энни с двумя порциями кофе в руках и с выражением шока на лице смотрит на нас.

Прочистив горло, Рансом произносит:

— Доброе утро, мисс Гуэрра.

С ее лица пропадает удивленное выражение, теперь Энни хитро смотрит на меня, замечая то, как я выгляжу.

— И впрямь доброе, профессор Скотт. Джо, что это за мир, в который я попала?

Я в спешке пытаюсь объяснить:

— Энни, профессор Скотт просто заскочил, чтобы... — Мое оправдание сходит на нет, и я умоляюще смотрю на него в надежде на помощь. Он весь взъерошен — явное свидетельство, что он только встал с постели.

— Эм... я рассказывал о возможной идее для проекта, на которую я случайно наткнулся.

— Точно, — говорю я, щелкнув пальцами и указывая им на него. — Проект.

Энни подозрительно смотрит то на меня, то на профессора и, конечно же, не покупается на нашу ложь. Даже слепец сможет заметить, что мы говорим неправду.

— Ну дааа.

— Ну, тогда ладно. Спасибо за информацию, профессор Скотт. Увидимся на занятиях.

Я протискиваюсь возле него и хватаю Энни за предплечье, затягивая ее в квартиру. Рансом бросает на меня обеспокоенный взгляд, когда они меняются местами. Не зная, что сказать или сделать, я просто пожимаю плечами и закрываю перед ним дверь. Энни никому об этом не расскажет, и позже, при встрече, я смогу убедить в этом и его, но прямо сейчас мне необходимо устранить последствия.

— Слава Богу, ты принесла кофе! — Забрав у нее вторую чашку, я проглатываю содержимое, и горячая жидкость опаливает язык по пути в желудок. — Даже не представляешь, как я нуждалась в нем.

Лежа на моем диване, она устраивает ноги на подушки и смотрит на меня понимающим взглядом.

— Ох, дай угадаю. Как, черт побери, он здесь оказался? Я так понимаю, он оставался на ночь?

— Это длинная история, и да, он оставался. И не смей, — решительно говорю я, указывая на нее пальцем, — никому об этом рассказывать. Даже Джейсону.

Она вскидывает руку вверх.

— Клянусь, я буду держать рот на замке.

Чуть дольше минуты я смотрю на нее с верху вниз и, понимая, что довольна полученным ответом, киваю.

— Ладно. Я поскакала в душ. Вернусь через пять минут.

Ее голос плывет вслед за мной по коридору, когда я выбираю, что надену сегодня: обрезанные шорты, белую майку и черно-белую клетчатую рубашку с пуговицами на воротничке, которая больше на несколько размеров.

— Итак, он был хорош?

— Даже очень! — отзываюсь я, скрываясь в ванной. Ее смех заглушает поток журчащей воды, когда я встаю под струи и вновь осознаю, что все еще не могу перестать улыбаться.

Профессор Рансом Скотт погубит меня.

Глава 16

Плюс наличия работы в том, что она дает мне возможность снимать жилье за пределами университетского городка и иметь личную жизнь. Рансом сперва проводит у меня ночь на выходных, после чего проводит у меня каждый вечер всю следующую неделю. Все это было бы невозможно, если бы мне пришлось каждый раз беспокоиться о том, как ему утром тайно выбраться из моей комнаты. Мы теперь проводим так много времени вместе после занятий и работы, что я не уверена, как вообще смогу когда-нибудь снова засыпать в одиночестве. Он занял место в моей постели так же, как и пространство в моих легких. Если мы вернемся к тому, как все было раньше, я боюсь, что не смогу без него дышать.

А еще мы стали преданными соратниками по бегу. От пробежек и наших постельных эскапад я получаю больше кардионагрузок, чем от любых танцев на сцене. Мы, может, и не походим на обычную пару, не появляемся вместе в обществе, но я чувствую, что происходящее между нами правильно.

Рансом другой со мной, по-хорошему другой. Я до сих пор улавливаю проблески его доминирующей ипостаси, но его отношение к страсти изменилось. Понятия не имею, чем это вызвано, но сейчас он более нежен со мной, гораздо более мил. Он относится ко мне бережно, даже когда занимается со мной бурным сексом. Мы теперь разговариваем, чего стойко избегали в прошлом. Я должна сказать, что наслаждаюсь изучением Рансома Скотта, и думаю, что он наслаждается изучением меня. Я не хочу знать, почему так происходит. Я лишь хочу впитать все это, пока могу. Я стремлюсь насладиться каждой минутой на случай, если сон оборвется.

Сейчас суббота, и вместо того, чтобы выпить с моими друзьями, мы смотрим программу об истории космоса, лежа в объятиях друг друга. Это лучший способ проводить день — лежать, абсолютно ничего не делая и лишь наслаждаясь компанией друг друга. Рансом весь день был задумчив, что время от времени с ним бывает. Когда он такой спокойный, я знаю, что он что-то обдумывает.

Мои пальцы скользят по его сильным рукам, которые сейчас надежно обвивают мою талию. Я наблюдаю за сталкивающимися звездами на экране и в то же время медленно исследую его руки словно карту, где отчетливо выступают вены. Клянусь, эти программы могут свести человека с ума. Все это настоящий сценарий конца света. Но я больше обеспокоена тем, что происходит в голове Рансома, чем своей, возможно, неминуемой смертью.

— Ты что-то так напряженно обдумываешь, — замечаю я, чтобы отвлечься от болезненных мыслей, крутящихся в уме. — Не хочешь поделиться?

Его грудь тяжело поднимается и опускается, и он легонько сжимает меня в объятиях.

— Мне просто интересно, что бы ты сказала, если бы я предложил пойти со мной на ужин в доме моих родителей на следующей неделе.

Я изгибаюсь в его руках, чтобы взглянуть ему в лицо.

— Я думала, что мы пока не афишируем наши отношения.

Его большие темные глаза выдают внутреннюю борьбу.

— Я знаю, но мы будем не в кампусе. Технически мы выходим даже не в общественное место.

— Но ужин с твоими родителями? Почему сейчас? Почему бы не подождать, ну не

знаю, например, пока я не окончу учебу?

"Когда это будет безопасно", мысленно добавляю я. Когда я не буду выглядеть как студентка, которая спит со своим профессором, чтобы легко получить высший балл.

Выскользнув из его рук, я перекатываюсь на спину, в то время как он перемещается и нависает надо мной. Обернув ноги вокруг его бедер, я смотрю на него снизу вверх, на мгновение ошеломленная его красотой. Длинные, темные ресницы Рансома несомненно являются предметом зависти, как и его безупречная кожа, совершенная линия рта. Я до сих пор не могу поверить, что привлекла внимание такого человека, как он.

Заправляя волосы мне за уши, он произносит:

— Моим родителям не обязательно знать детали наших отношений. Они просто хотят встретиться с тобой.

— О Господи, ты рассказал им о нас?

Я шокирована и слегка напугана. О нас знает только Энни, и то только потому, что поймала нас с поличным. Если бы сегодня утром она не оказалась на пороге, то по-прежнему бы думала, что я больше не хочу иметь с ним ничего общего.

— Только то, что я встретил кого-то. Мой брат приезжает в город на следующей неделе, и они устраивают для него небольшой ужин. Они хотят, чтобы я привел тебя.

Представление родным и приветственный ужин дома — все это как-то не похоже на обычные мероприятия. Такие встречи я считаю важным делом. Но затем я смотрю на Рансома, и все сомнения внезапно исчезают. Его мягкая и умоляющая улыбка для такого безнадежного романтика, как я, все равно что криптонит⁶ для Супермена.

Я свожу брови.

— Перестань на меня так смотреть. Ты же знаешь, я не могу сказать "нет", когда ты смотришь на меня как обиженный щенок.

— Это значит, что ты согласна?

Я одариваю его хитрой, понимающей улыбкой и пожимаю плечами, так как знаю, что бесполезно даже пытаться отказать ему в чем-то. Не в тот момент, когда он настолько очарователен.

— Ты ведь знаешь, что да.

Покачивая своим тазом, он пробуждает во мне страсть, которую, как я думала, мы утолили раньше утром. Я сжимаю ноги вокруг его бедер, притягивая еще ближе, так что могу чувствовать его возбуждение даже через ткань его джинсов.

— Ты им понравишься.

— Ну, тем лучше для них, — беспечно говорю я, — потому что я потрясная.

Его грудь вибрирует от смеха.

— И ты чертовски права в этом.

Наклонив голову, я в задумчивости поджимаю губы, а затем меня осеняет.

— Значит ли это, что я твоя девушка?

Наклонившись, Рансом нежно меня целует.

— А ты хотела бы этого?

— Думаю, да, — говорю я, приподнимаясь, чтобы провести языком вдоль его челюсти.

Он стонет и наклоняет голову вбок, предоставляя моему рту свободный доступ к шее.

— Тогда решено. А теперь положи руки вниз мне на штаны и гладь мой член.

— Я твоя девушка всего несколько минут, а ты уже что-то требуешь от меня, — дразню я, одновременно расстегивая кнопку на его джинсах. — Надеюсь, ты не воображаешь себе,

что теперь я твоя собственность.

— О, детка, — рычит он, когда я беру его член в руку. — Ты принадлежала мне с тех пор, как я положил на тебя глаз. Ты просто этого еще не знала.

* * *

Чем дальше мы с Рансом заходим в наших отношениях, тем больше они становятся примитивными.

На самом деле, они такие же, как и отношения с любым другим парнем моего возраста, только с примесью "шпионских игр". То, что мы встречаемся тайно, означает, что нас не должны заметить вместе за пределами аудитории, а если мы и пересекаемся где-нибудь в общественном месте, то все общение сводится к быстрому приветствию по пути. Ввязавшись во все это, я понятия не имела, как на самом деле будет тяжело быть с ним. Но это тяжело. Очень.

Проведя остаток дня вместе, Рансом предлагает выбраться из дому и восстановить связь с внешним миром. И, конечно же, он прав. Мне настолько нравится заполнять все его время, что кажется нездоровым, что я могу быть настолько поглощенной другим человеком. Плюс, мне хочется общаться и с другими людьми, развивать свои отношения не только с ним, как, наверное, и ему. Поэтому мы решаемся провести выходные по отдельности. Я большую часть времени провожу, подтягивая и выполняя домашние задания, и мне интересно, чем же там занимается Рансом. Тоже работает? Или поехал навестить семью? Или, может, встретился с кем-то, со старым другом... возможно, с Рыжей? Даже сейчас от одной этой мысли мой желудок скручивает в тугий узел. Раньше он точно не стеснялся быть с нею прямо у меня под носом. С чего бы вдруг ему не продолжать встречаться с ней и у меня за спиной?

Итак, доверие — ключевой фактор.

Очередная странность наших отношений заключается вот в чем: у меня нет никакого способа связаться с ним. Ни номера. Ни адреса. Если я за пределами классной комнаты, я не имею ни малейшего понятия, как увидеться с ним.

— Ты что, прикалываешься? — Энни выглядит шокированной. Даже не знаю, зачем рассказала ей обо всем этом, но когда делишься с кем-то своим грузом, все становится более сносным. — И вообще, в каких вы сейчас отношениях?

— "В секретных", — шепчу я, резко пригнувшись к столу. Да уж, наверное, обсуждать это в столовой во время обеда в понедельник — не слишком хорошая идея. Здесь повсюду бродят студенты.

Склонившись над своей чашкой ванильного чая со специями, она произносит:

— Это больше походит на встречи ради секса. Не можешь же ты всерьез утверждать, что тебя все устраивает.

Нет, не могу. Я думаю, мне хорошо с ним, но все же начинаю осознавать, что это еще одна разновидность пребывания в номере отеля. Только сейчас он пытается ограничиться тем, что просто трахает меня, абсолютно не трясая на это.

Я думаю о том, как Рансом смотрел на меня сегодня утром на занятиях. Вроде, ничего такого, что могло бы броситься в глаза постороннему человеку, но я-то знала, что означает этот взгляд, едва уловимые таинственные улыбки от воспоминаний, которые мы делим лишь друг с другом. Все это практически сводит на нет все беспокойства, что пробираются, прокладывая свой путь мне в душу.

Господи, я идиотка.

Ковыряясь в своем салате из тунца, я не могу поднять голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Я чувствую, что должна принять оборонительную позицию, словно она нападает на меня, несмотря на то, что она до сих пор ни словом не оскорбила меня.

— Ты не знаешь его. Он милый.

— Милый? Он милый? Дорогая, пора вытащить голову из песка. Возможно, раньше так и было, но точно не сейчас. Сейчас он просто очередной мужчина, который злоупотребляет своим положением. Вместо того, чтобы и дальше продолжать закрывать глаза на это, спроси у себя, со сколькими другими девушками он проделывал то же самое.

Я торопливо отвожу взгляд, а рот кривится. Я могла бы кинуть ей в лицо те же слова о ее отношениях, но мои доводы так и остаются невысказанными, зависнув в воздухе между нами. Нет смысла спорить о том, в чем я и так уверена. Рансом не стал бы этого делать. Но как только я начинаю задумываться об этом, то задаюсь вопросом, насколько вообще я в этом могу быть уверена.

Несмотря на то, с чего началось все у нас с Рансомом, я знаю, что он хороший парень. Он не скрывал ничего с самого начала. Нет никаких причин искать обмана. Но кто сказал, что позади меня нет целой вереницы плачущих девиц? Что если и я не стану исключением из правил? Эта мысль тревожит меня, и я спешу сменить тему:

— Как дела у вас с Джейсоном?

Энни вдруг выпрямляется на своем стуле и перекидывает светлые волосы через плечо, после чего начинает так пристально вглядываться в чашку с чаем, словно хочет увидеть там свое будущее.

— Все хорошо. Кое-что произошло, и мы поговорили. Думаю, сейчас между нами все наладилось.

Что-то в ее голосе привлекает мое внимание. Это что-то требует, чтобы я среагировала.

— Кое-что? И что это значит?

От меня не утаился ни ее взгляд, мечущийся по помещению, ни то, как она жует нижнюю губу, словно та была конфетой. Когда она наконец смотрит на меня, то выражение ее лица такое странное, что я начинаю нервничать.

— Джейсон согласился на работу в Калифорнии... и он попросил меня поехать с ним.

Я не могу дышать. Такое ощущение, словно кто-то высосал из комнаты весь кислород, и мои легкие вот-вот откажут. Я пытаюсь что-то сказать, но вырывается лишь гнев.

— Ты спятила!

Энни не выказывает ни малейшего удивления от моей вспышки, хотя пара человек оборачиваются, чтобы посмотреть, по какому поводу такой шум.

— Я много думала всю последнюю неделю и абсолютно уверена, что это правильное решение.

— Ты думала? — раздражаюсь я.

Невероятно. Единственный человек в моей жизни, который, как я думала, имеет голову на плечах, потерял свой хвалебный разум напрочь. Я могу многого не знать о Джейсоне, но и известного достаточно, чтобы сказать, что подруга слишком хороша для него и что она будет сожалеть об этих отношениях.

— У тебя должна быть чертовски важная причина, чтобы укатить за полстраны, чем это.

Я в бешенстве. Все во мне кипит. Я близка к тому, чтобы выследить Джейсона и

засунуть его в мешок за то, что он пытается увезти прочь мою подругу.

— Я уверена, Джо. — Она вздыхает, тянется через стол и накрывает ладонью мою руку. Я думаю о том, чтобы высвободить ее, но решаю этого не делать. Оставляю руку на месте и решаю выслушать подругу. — Это не скоропалительное решение. Не простая прихоть поехать за своим парнем в Калифорнию.

— Тогда почему бы тебе не объясниться, потому что прямо сейчас я всерьез разочарована. Не могу поверить, что ты вот так уедешь и бросишь меня здесь одну. Дамы вперед, а ваших парней к черту⁷, помнишь?

— Знаешь, у нас с Джейсоном был план. — Она медленно отодвигается, и я вижу, что она боится рассказать мне, что бы там ни было. Почему она боится разговаривать со мной?

И тут меня озаряет. Я откидываюсь на спинку стула. Зачем еще женщине бросать собственную жизнь, если ей не дали для этого весомую причину?

— О мой Бог. Ты беременна.

Ее изумрудные глаза вспыхивают, рот открывается на долю секунды, перед тем как сжаться в тонкую линию. Я попала в точку. Ошеломление, разочарование, волнение... все эти чувства встряхивают меня с такой силой, что я не могу справиться с ними.

Отодвинув назад стул, я выбрасываю свой поднос в мусорный бак и быстро шагаю к выходу. Энни зовет меня, но сейчас ее голос — лишь фоновый шум.

Глава 17

Я плохо пою. Но это не останавливает меня от попыток. Следующая песня "Волшебный танец", и я с головой ухожу в нее, хоть и ненавижу Дэвида Боуи⁸. Я из тех девушек, которые больше фанатеют от Билли Айдола⁹.

Нет ничего постыдного в том, чтобы признаться, что ты одна и пьяна в стельку в предобеденное время в понедельник. Особенно, если никто из знакомых не становится свидетелем твоего морального уничтожения и не замечает, как ты утопаешь в луже жалости к самой себе.

Почему в луже жалости? Я все еще пытаюсь это понять. Я просто знаю, что в груди гнездится боль, которая притупляется лишь с алкоголем, поэтому продолжаю пить, надеясь забыться до такой степени, чтобы вместо этого дня в моей памяти осталась лишь черная дыра. Но после того как я теряю равновесие и чуть не ломаю себе лодыжку, делаю самое умное за весь день — признаю свое поражение и без сил падаю на диван.

Тишина, преследующая меня дома, наглядно показывает, насколько я на самом деле одинока. И когда я вырубаю музыку в гостиную, с ней умирает и живая атмосфера.

Жизнь — отстой. Любой, кто говорит иное, — обманщик или идиот. Принимать на себя обязанности взрослых до того, как узнаешь, как этим взрослым быть, — отстой. Потерять обоих родителей до своего восемнадцатилетия — отстой. При помощи собственного тела сводить концы с концами, может, для кого-то и часть ночных фантазий, но в действительности — это отстой. Знать, как мало у тебя прав на человека, которого зовешь возлюбленным, — тоже отстой.

С самого первого вдоха мы обречены испытывать боль. Я испытала ее достаточно, чтобы она начала затапливать любое проявление счастья, посмевшее прийти ей на смену. В одни дни мои чувства словно цепенеют, а эмоции притупляются. Но я игнорирую все это и иду вперед. Иначе ничего не получится. И все это просто полный отстой.

Я поднимаю полупустой бокал виски и, отсалютовав им в воздухе, проглатываю все

содержимое одним глотком. Жар, растекшийся по всему телу, вызывает приятные ощущения и немного приводит в чувство. Но затем апатия снова поднимает голову, и я раздумываю, не выпить ли еще немного. Может, на этот раз все сработает. Здесь нет никого, кто мог бы остановить меня, никого, кто осудил бы мои действия. Лишь я и бутылка.

Я наливаю себе еще один стакан. А затем второй. Не помню, как доползаю до кровати, но помню, как просыпаюсь посреди ночи. Но это лишь обрывок воспоминания. Вращающееся помещение, желудок, скручивающийся и бунтующий вместе с ним. Невидимая рука, удерживающая за волосы, пока меня рвет в ведро рядом с кроватью.

Утром я просыпаюсь вся облепленная простыней. В комнате холодно, и по коже бегут мурашки, но я все равно потею, словно в лихорадке. Солнце пробивается сквозь неплотно зашторенные окна и слепит глаза. А голова просто раскалывается от боли.

В ушах шумит, да так сильно, резко и болезненно, словно кто-то просверлил в моем черепе дыру.

Но погодите-ка.

Я заставляю себя сесть, и все мое тело дрожит от этого усилия.

Тот шум, его источник находится отнюдь не у меня в голове, а доносится откуда-то из квартиры. Когда я пытаюсь понять, откуда именно исходит этот шум, он прекращается. Проходит еще несколько мгновений, и я догадываюсь посмотреть в сторону дверного проема. Одна и та же мысль крутится у меня в голове, пока я продолжаю вслушиваться: рука, откинувшая мои волосы назад.

Кто-то находится у меня в квартире.

Я быстро перебираю в уме имена, пытаюсь составить список тех, у кого есть ключи от моей квартиры, но это словно пробираться сквозь сыпучие пески. Соображаю я медленно, и когда наконец удастся вспомнить всех, а их в сущности немного, так как Энни и хозяин моей квартиры — единственные, у кого есть ключи, становится уже слишком поздно.

Рансом появляется в дверном проеме. Он останавливается, когда видит меня, и я замечаю нежную улыбку, отразившуюся в его глазах.

— Надо же, ты уже проснулась. И как самочувствие?

На мгновение я лишаюсь дара речи. Наблюдаю, как он заходит в комнату и столь стремительно пересекает ковер, что я едва успеваю уследить за его спешной поступью. На нем лишь свободные джинсы, которые низко держатся на бедрах, открывая вид на рельефный торс, от которого невозможно отвести взгляд. От одного вида его тела просто невозможно мыслить здраво.

Неожиданно перед моим лицом возникает высокий стакан, наполненный зеленой жидкостью.

— Что это такое? — ворчу я, осторожно принимая предложенное питье. И морщу нос, когда вдыхаю запах. От необычного сочетания ароматов меня начинает мутить.

— Это средство от похмелья, которое делает моя мать. Уверяю, это прояснит голову и поставит тебя на ноги.

С трудом сдерживая рвотные позывы в животе, я осторожно уточняю:

— Из чего же оно сделано?

— Просто немного зелени, чуть белка и горстка витаминов. Пей.

Кончиками пальцев он постукивает по дну стакана, словно уговаривая меня последовать его совету. Я осторожно делаю первый глоток. Напиток одновременно немного горький и сладковатый, но он не слишком ужасен на вкус. От зернистой консистенции, как

и от легкого аромата арахисового масла, меня начинает мутить, но я продолжаю пить, пока не опустошаю половину стакана, а желудок не угрожает опять взбунтоваться.

Вернув ему стакан, я ложусь обратно и закрываю глаза. А услышав, как Рансом ставит его на место и садится рядом со мной на кровати, вспоминаю про интересующий меня вопрос.

— Как ты попал ко мне в квартиру? — Настроение после ухода Энни у меня было скверным, и я чертовски надеялась, что из-за злости не забыла запереть дверь.

— Я взял запасные ключи, которые нашел в ящике с разным хламом.

Не знаю почему, но это кажется еще хуже того факта, что я забыла запереть дверь.

— Значит, ты просто взял их?

— По случаю крайней необходимости.

Я прокручиваю его слова в своей голове. По какой-то причине это кажется мне забавным. С этим мужчиной я занимаюсь сексом вот уже несколько месяцев, и он прежде никогда не заботился о том, чтобы узнать что-то обо мне, а теперь его вдруг стало заботить мое благополучие.

— Почему ты просто не попросил?

— А ты бы отдала их мне, если бы я попросил?

Как только я открываю глаза, то сразу же попадаю в плен его глаз. У него невыразительный, нечитабельный взгляд... и я не знаю, как бы поступила, если бы Рансом в действительности попросил меня.

— Думаю, этого мы уже никогда не узнаем.

— К сожалению, нет, — вздыхает он. Встав, он направляется в сторону двери и наклоняется, чтобы достать чистые простыни. — Сходи в душ. Я позабочусь здесь обо всем.

Я не спорю, потому что из-за своего отвратительного самочувствия мне просто необходимо немного времени наедине.

Не спеша принимая душ, я раздумываю над тем, что же чувствую по поводу того, что у Рансома есть ключи от моей квартиры. Я не давала их ему, а он взял без спроса. Поэтому я не могу определить точно, какие именно чувства испытываю от этого.

С одной стороны, меня бесит, что он набрался смелости без спроса взять ключи. Рансом фактически украл их, но разве это должно меня сильно удивлять? Я никогда не замечала, чтобы он был особо вежлив или озабочен чувствами других людей.

Но с другой стороны, я очень рада тому, что он здесь. Не знаю, что именно побудило его зайти... может, он решил нанести неожиданный визит? Но мне точно известно одно: он здорово помог мне прошлой ночью, хоть и не был обязан этого делать.

К тому времени, когда вода выключается, я наконец решаюсь позволить Рансому избежать лишних формальностей. Если забыть о чувстве неловкости, ведь он уже дважды видел меня не в лучшем состоянии, он хорошо заботился обо мне. Он остался, чтобы удостовериться, что со мной все в порядке, и все еще находится тут.

Когда я возвращаюсь, то вижу Рансома, который опирается о столешницу и ждет меня. При виде меня в одном полотенце его глаза темнеют, а черты лица заостряются. Мгновение мы просто стоим и молча смотрим друг на друга. Я вдруг чувствую, что, несмотря на все проведенное вместе время, что-то упускаю. Нечто крайне важное, но, хоть убейте меня, я никак не могу понять, что именно. Это не впервые, когда меня одолевает такое чувство, и оно просто сбивает с толку.

— Ты разозлилась из-за того, что у меня есть ключи? — У него низкий голос, в нем

отчетливо слышатся нотки беспокойства.

— Нет, просто удивилась. — Проходя мимо него, я хватаю расческу, и мы направляемся на кухню, где я начинаю расчесывать запутанные волосы, пока варится кофе.

Меня до сих пор мучает один вопрос, и я вновь задаю его, хоть и знаю уже наверняка, каков будет его ответ:

— Скажи, почему ты не попросил?

Губы Рансома кривятся, и он вновь повторяет вопрос, который задавал ранее:

— А ты бы отдала их мне?

Я уже знаю, каким будет мой ответ, но все же выдерживаю паузу, дабы обдумать все еще раз. И когда понимаю, что мой ответ неизменен, сообщаю ему:

— Нет, вероятнее всего, нет.

Его ответный взгляд становится красноречивее всяких слов и, в сущности, ясно дает ответ на мой предыдущий вопрос. Это заставляет до боли стиснуть зубы, дабы не наговорить чего-то лишнего, о чем я потом буду жалеть.

— Почему ты пришел прошлой ночью? Мы же вроде решили провести некоторое время порознь.

Рансом обходит столешницу, которая отделяет кухонную зону от гостиной, и наливает себе чашку кофе. Он предпочитает черный.

— Мне нужна причина?

— Нет. — Я качаю головой. Что-то подсказывает мне, чтобы я действовала осторожнее. Как только я это произношу, плечи Рансома, которые были до этого напряжены, слегка расслабляются, и от этого я испытываю некую неловкость. — Надолго планируешь задержаться?

Глядя на меня поверх чашки с кофе, он уточняет:

— Это что, вежливый способ попросить меня уйти?

— Повторяю, нет. Я просто пытаюсь поддержать беседу. И считаю, что вопрос вполне уместен.

В первую очередь, учитывая тот факт, что я не приглашала тебя. Все же я не произношу этого вслух. У меня складывается ощущение, что он в настроении выяснять отношения, а я не предоставляю ему такой возможности. Не с моим... подождите-ка. Что, черт побери, случилось с моим похмелем? Учитывая то немалое количество алкоголя, которое я выпила прошлой ночью, я должна была свалиться в постель прямо сейчас.

— Повтори, что было в напитке? — Я массирую виски, готовясь испытать ноющую боль, но единственное, что я чувствую, — это легкое, даже незначительное напряжение позади глазных яблок.

— Я же говорил, что он поможет. Да, на вкус и запах не очень, но всегда срабатывает, — ухмыляется Рансом. Отставив чашку на столешницу, он подходит и обхватывает своими большими ладонями мое лицо. Его большой палец поглаживает мою челюсть и, надавив на подбородок, заставляет запрокинуть голову назад.

— Я рад, что ты хорошо себя чувствуешь. Учитывая, в каком состоянии ты была вчера вечером, я не был уверен, что с тобой все будет в порядке.

— Неужели даже твой волшебный напиток мог не справиться с этим?

Он слабо улыбнулся из за моей попытки немного поднять нам настроение.

— Да, даже он. Это уже во второй раз, когда я вижу тебя в подобном состоянии. Первый раз — понятное дело. Ты веселилась. Но в этот раз все было иначе. Ты выглядела...

расстроенной. В чем причина?

Я так легко начинаю тонуть в его темных глазах, которые буквально видят меня насквозь. Когда Рансом так на меня смотрит, я хочу рассказать ему все, выложить все свои секреты. Это комплекс принцесс. Внутренне желание иметь рядом человека, который может позаботиться обо всем и решить все проблемы. Но в этом и заключается проблема. Рансом не такой человек... правда ведь?

Несколько месяцев назад я бы сказала, что нет, он не такой. И была бы уверена в своей правоте на все сто. Теперь же я не знаю, что с ним делать.

— Узнала неприятные новости. — Я пожимаю плечами и вырываюсь из его захвата, желая закончить этот неприятный разговор. Я не хочу с самого утра портить себе настроение.

Я сжимаю в кулаке черную футболку с концерта группы "AC/DC"¹⁰ на его великолепной груди и тесно прижимаюсь к Рансому всем телом.

— Я ведь так и не поблагодарила тебя за то, что помог мне справиться с похмельем. Как ты относишься к тому, чтобы сейчас же вернуться в спальню, а там я показала бы, как сильно тебе благодарна.

Улыбка Рансома темная, опасная и такая сексуальная. Я с трудом перевожу дыхание, когда он отставляет чашку в сторону и оттесняет меня к коридору. Он дразнит меня легкими прикосновениями: скользит пальцем по моей щеке, проводит по нижней губе, а затем пробегает им от горла до груди, словно рисуя по ложбинке незримую линию. Когда мы оказываемся в спальне, он стремительно срывает с меня полотенце.

Стоять обнаженной перед Рансомом всегда захватывающе, я бы даже сказала, что это немного пугает меня. Я стою в ожидании хищного блеска его глаз, который всегда появляется перед тем, как мы собираемся заняться сексом. По выражению его глаз я всегда могу определить, в каком он настроении. Обычно он так агрессивен, но сегодня все иначе. Вместо этого я вижу его глазах лишь желание. Может быть, в их глубине и таится безудержная страсть, но, в основном, в глазах Рансома сейчас преобладает нежность, даже скорее безмятежность.

Словно он впервые по-настоящему видит меня.

Интересно, кого же он видит. Уверенную в себе женщину? Или женщину, которая пала так низко, что готова раздеваться перед другими мужчинами? Это тот страх, который будоражит мой разум каждый раз все сильнее, когда я выхожу на ту сцену. Какой нормальный парень полюбит женщину, которая танцует стриптиз, чтобы выжить? Которая без оглядки готова раздеться перед каждым, кто помашет у нее перед носом долларом.

Иногда меня саму воротит от самой себя, как же он тогда может меня любить?

Рансом сбрасывает одежду, роняя ее на пол рядом с моим полотенцем, и теперь мы оба стоим друг перед другом обнаженные. От вида его тела каждая моя частичка трепещет. Всего один взгляд — и я жажду его прикосновений. Я вздрагиваю, когда он обнимает меня и ведет к кровати. Затем я растягиваюсь под ним и, не отрывая взгляда от его глаз, мельком замечаю в них нечто, что заставляет меня остановиться.

На краткий миг все обретает смысл. Возвращаться его заставляет не то, что он видит во мне, а то, что я вижу в нем. Он смотрит на меня с изумлением. С уязвимостью, которая наталкивает на мысль, что, будучи со мной, он получает нечто необходимое ему самому.

Внезапно я больше не вижу того мужчину, что вжимает в двери и резко входит в меня, заботясь лишь о собственных желаниях. Я вижу человека, которому нужно, чтобы о нем

заботились. Человека, который может быть так же потерян, как была я со дня смерти матери. Не думая больше ни о чем, я распахиваю объятия и принимаю его в себя. И вместе мы ненадолго растворяемся в наслаждении телами друг друга.

Глава 18

Присутствие Энни просто сводит меня с ума. Я не могу избавиться от чувства вины за то, что избегаю ее. Сидя на заднем ряду на лекции по искусству, я попутно пытаюсь делать заметки, но это невозможно, когда она под любым предлогом оборачивается назад и смотрит на меня.

На прошлой неделе она написала мне, наверное, раз десять, поэтому я не выдержала и все рассказала Рансому. Он считает, что мне стоит смириться с произошедшим и попросить прощения. Знаю, он прав. Знаю, что поступаю мелочно, но я все равно чувствую себя преданной. Энни — мой единственный настоящий друг, и хоть я всегда знала, что после колледжа наши жизни пойдут разными дорогами, все равно надеялась, что мы сохраним близкий контакт.

Я никогда и подумать не могла, что, в конце концов, наши жизни будут проходить за тысячи километров друг от друга.

Я не идиотка. И прекрасно понимаю, что однажды она уйдет и мы никогда больше не увидимся вновь. Все обещания в мире будут бесполезны, когда она поедет в Калифорнию и начнет следующую главу своей жизни. Она собирается стать матерью, что до сих пор не укладывается у меня в голове, и в ее жизни больше не будет для меня места. В лучшем случае, мы иногда будем созваниваться по телефону или общаться по электронной почте, но все равно все не будет, как прежде. Мы не будем прежними.

Злясь на нее, я лишь понапрасну трачу наше время, но понятия не имею, как еще справиться со всем, что творится у меня внутри. Так что пока я намерена держать дистанцию.

Когда занятие подходит к концу, я быстро хватаю учебники и надеюсь, что смогу затеряться среди толпы покидающих аудиторию студентов, но Энни уже поджидает меня внизу лестницы. А я пока не готова к разговору с ней.

Достигнув последней ступени, я замечаю, как неуверенная улыбка появляется на ее лице, из-за чего у меня в голове появляется низкий гул.

— Мы можем поговорить минутку?

Энни не умеет скрывать своих чувств, поэтому несложно догадаться, что она глубоко ранена моим поведением. Тем не менее, я не стану, как бы мне этого ни хотелось, протягивать к ней руку, обнимать и заверять, что все будет хорошо. Отговорка слетает с моих губ до того, как я осознаю, что произнесла ее вслух:

— Я не могу. Мне необходимо поговорить с профессором Скоттом о финальном проекте.

Она пристально всматривается мне в глаза, выискивая там истину, и я уверена, она знает, что я лгу, но делает вид, будто не замечает этого.

— Ладно. Тогда, может, поболтаем позже.

Я натянуто улыбаюсь, ведь мы обе знаем, что это маловероятно. Тем не менее мы продолжаем притворяться.

— Конечно.

Моя хитрость не пройдет гладко, так как Энни уходит далеко не сразу. Если сейчас я

задержусь, моя ложь выплывет наружу. Может, это именно то, чего она добивается. Пытается подловить меня в моей же собственной игре. Я ловлю ее косой взгляд, пока она аккуратно складывает бумаги в свой рюкзак, и это единственное подтверждение, которое мне требуется. Чертовка гораздо умнее, чем я думала.

Понимая, что мне следует до конца придерживаться своей фальшивой отговорки, я медленно направляюсь в сторону Рансома. Он сидит за столом, нагнув вниз голову, и медленно перелистывает огромную книгу по искусству.

Я прочищаю горло, чтобы он обратил на меня внимание, и, когда Рансом поднимает голову, его лицо озаряет лучезарная улыбка. Слишком уж лучезарная. Я стреляю глазами через плечо, и он, проследив за моим взглядом, замечает Энни. Его улыбка мгновенно становится сугубо профессиональной.

— Чем могу быть полезен, мисс Харт?

Я вообще не собиралась говорить ему. Мой план заключался в том, чтобы выждать до последнего момента, а потом просто приписать свое имя в самом низу списка с финальными проектами, но Энни поставила меня в безвыходное положение, ничего иного мне сейчас не приходит в голову.

Сделав глубокий вдох, я быстро произношу:

— Я записалась позировать для модельного класса миссис Джексон, и это будет моим финальным проектом.

Выражение лица Рансома меняется столь быстро, что я не могу понять, о чем он думает. Краем глаза замечаю Энни, стоящую за дверью, она ловит мой взгляд и усмехается, поднимая вверх большой палец. Я не могу удержаться, чтобы не улыбнуться ей в ответ. Именно Энни подтолкнула меня к этому. Пусть я и злюсь на нее, но мне кажется правильным разделить с ней эту тайну, зная при этом, что подруга всегда поддержит меня.

Когда она уходит, я переключаю все свое внимание на Рансома, который изо всех сил старается не встречаться со мной взглядом.

— Я думал, что этим займется твоя подруга.

— Она собиралась, но потом передумала. И так как ее место было свободно, а я все еще не определилась со своим выбором, то решила сама этим заняться.

Откинувшись на спинку стула, Рансом оглядывает меня снизу вверх, а его большой палец непрерывно щелкает по ручке в его руке. Чем дольше он делает это, тем сильнее я ощущаю нарастающее между нами напряжение. Он расстроен. Не нужно быть гением, чтобы понять это.

— Почему ты решила раздеваться перед кучей народу?

Я замираю, он, должно быть, шутит. Почему бы из всех в кампусе именно мне этого не сделать? Ведь это как раз по моей части. Некоторые могли бы даже назвать это прогрессом. Раньше я раздевалась лишь частично, теперь же предстану перед всеми полностью обнаженной.

— Я не стыжусь своего тела, — говорю я. — Плюс, за это платят.

— Значит, ты делаешь это ради денег?

— Любой студент не против заработать дополнительные деньги, если есть такая возможность, верно?

В глазах Рансома вспыхивает протестующий огонь, который ясно демонстрирует его несогласие.

— Если тебе нужны были деньги, то следовало попросить их у меня. Совершенно

необязательно для этого выставлять себя напоказ перед похотливыми мальчишками из студенческого братства.

Я смеюсь.

— Ты в самом деле думаешь, что парни из студенческого братства будут посещать художественный класс, чтобы увидеть обнаженную девушку? Им стоит только поманить пальцем — и все девчонки в округе сбросят одежду к их ногам.

— Думаю, ты упускаешь один важный нюанс.

— Какой? Что ты можешь не одобрить мой выбор? Я не желаю мириться с этим, — бойко парирую я. — Считаю, что предельно четко обосновала свой выбор.

Из-за моего тона его темные глаза сужаются, но я упрямо не отвожу от них взгляда. Так как у него уже начинается следующее занятие, я откидываю назад волосы и принимаю более беззаботный вид.

— Можно на минуту взять твою ручку? Пока не забыла, хочу вписать свое имя.

Отметившись, я кладу ручку обратно ему на стол. Рансом не произносит ни слова, пока я покидаю аудиторию.

Тем же вечером, выходя на сцену, я сразу замечаю его скрывающуюся в тенях фигуру, что меня несколько не удивляет.

К тому времени, когда заканчивает играть песня и я ухожу со сцены, желудок начинает трепетать от нервного предвкушения. Я почти уверена, что он ворвется в гардеробную, как в прошлый раз, но история не повторяется. К тому времени, как я успеваю освежиться и вновь отправляюсь в зал, чтобы начать разносить напитки, я уже полностью уверена, что правильно разгадала затеянную им игру.

Он собирается заставить меня попотеть.

Рансом — мастер в играх разума. Ему нравится наблюдать и ждать. Заставлять девушку нервничать, пока та полностью не окажется в его власти. Я одновременно люблю и ненавижу эту игру. Этот постоянный выброс адреналина, после которого мне крайне сложно возвращаться к реальности. Мои руки дрожат, когда я несу заказанные напитки к столику, что находится всего в нескольких футах от него.

И он вновь окутан тенями. Я постоянно задаюсь вопросом, почему он ведет себя так. Теперь я догадываюсь, что он просто боится быть узнанным. Профессор в стриптиз-клубе, вероятно, не лучший образ, чтобы произвести благоприятное впечатление.

Я чувствую на себе его взгляд, когда ставлю напитки перед посетителями. Двое мужчин среднего возраста со слегка тронутыми сединой волосами. Они одеты в испачканные краской темно-синие комбинезоны, из-за чего нетрудно догадаться, что они пришли сюда сразу после работы. Многие мужчины так поступают. Приходят сюда, чтобы немного выпить и насладиться хорошим шоу, это помогает им немного расслабиться.

— Как дела, ребята, наслаждаетесь вечером?

Я хватаюсь рукой за спинку стула и немного наклоняюсь вперед, соблазнительно опершись при этом на одну ногу. В таком положении моя задница особенно выделяется, создавая вместе с линией спины соблазнительный изгиб. Рансому нравится такое. Единственное, что ему не нравится, — когда руки другого мужчины касаются того, что принадлежит ему.

Я извлекаю данный урок довольно быстро, когда мужчина, за чей стул я держусь, внезапно обвивает рукой мою талию и с силой хлопает по правой ягодице.

Его улыбка с потемневшими от кофе зубами меркнет в тот же миг, что и моя, когда,

толкнув меня в сторону, Рансом занимает мое место.

Я рухнула бы на задницу, если бы он не среагировал так быстро и в последнюю секунду не схватил меня за руку. Повернувшись, Рансом переместил свирепый взгляд своих потемневших глаз на мужчину, на лице которого сейчас читалось нечто среднее между удивлением, злобой и тенью испуга.

— Если ты еще хоть раз прикоснешься к ней, я вырву твою грязную лапу и засуну ее так глубоко тебе в зад, что ты всю оставшуюся жизнь будешь потирать то, что от нее останется. Ты меня понял? — предупреждающе рычит Рансом, и от его тона даже меня бросает в дрожь.

Мужчина кивает, его глаза широко раскрыты, и он, не моргая, смотрит на Рансома, который выдерживает его взгляд и после нескольких секунд поворачивается ко мне. Его рука по-прежнему крепко удерживает мою, поэтому Рансом легко утягивает меня прочь. Уборные есть только за баром, и я нерешительно улыбаюсь Бернис, чтобы она не вызвала из-за нас охрану.

Страх еще больше охватывает мое существо, когда меня толкают в мужской туалет. Пожилой мужчина стоит у раковины и моет руки, но когда Рансом бросает на него убийственный взгляд и приказывает свалить, тот, не раздумывая дважды, уходит прочь.

Как только мы остаемся одни, я сразу же оказываюсь прижатой к стене огромным, крепким телом Рансома, он словно подавляет меня. Когда он поднимает мои руки над головой и начинает одергивать вверх юбку, пока та не собирается вокруг моей талии, я продолжаю тяжело дышать, но причиной тому является уже вовсе не страх.

— Ты злишься на меня? — задыхаясь, выдавливаю я, пока его пальцы находят мой разгоряченный клитор. Все внутри словно закипает, когда он вводит палец в мою киску, и вскоре мне уже начинает казаться, что я сгорю на месте.

Зарывшись лицом в изгиб моей шеи, он резко произносит:

— Я злюсь на того ублюдка, который посмел прикоснуться к тому, что принадлежит мне.

Это не совсем ответ на мой вопрос, но думаю, что большего от него я уже не смогу добиться. Рансом зубами царапает мне горло, затем обводит языком ключицы, прокладывая себе путь ниже, к налитой груди. Мне становится трудно соображать, когда он вот так целует меня.

— Мой босс не особо обрадуется, если узнает, что ты выгнал одного из посетителей. Для подобных случаев у нас и предусмотрена охрана.

Издав низкий недовольный рык, Рансом срывает с меня тонкие темно-зеленые трусики, словно они сделаны из бумаги, а затем втискивается между моих бедер. Его напряженный член упирается прямо в мою киску, из-за чего у меня вырывается стон.

— Хреновая у вас охрана, раз они так ленивы и медлительны.

— Они эффективны, когда это необходимо.

— Я только что спас от падения на пол их работника, а после потащил в уборную, предварительно угрожая расправой их клиенту. Прислушайся. — Он делает паузу и склоняет голову набок. В его глазах появляется опасный блеск, когда он смотрит на меня. — Что-то я не слышу топота маленьких ножек, которые спешат на помощь, не так ли?

Я закатываю глаза.

— Это потому, что я предупредила Бернис, что со мной все в порядке.

— Не слышал, чтобы ты проронила хоть слово.

— А ты не знал? Порою женщинам не нужны слова для эффективного общения, — ухмыляюсь я.

— Единственная женщина, с которой я проводил время, пока рос, была моя мать. Думаю, я не сумел овладеть данным мастерством.

Мне нравится улыбка, что расцветает на его лице. Это одновременно мило и возбуждающе и подчеркивает маленькие морщинки вокруг его глаз, которые напоминают о более озорной, беспечной стороне его характера. Он мне нравится и с этой стороны, но прямо сейчас гормоны внутри меня просто бурлят.

Я издаю стон прямо ему в губы, когда он целует меня, а его язык скользит по моим губам и проникает в рот. Отпустив мои руки, Рансом хватает меня за бедра и немного приподнимает. Словно исполняя хорошо поставленный танец, я обвиваю ногами его узкие бедра и запускаю пальцы в волосы, притягивая его голову ближе к себе, чтобы ощутить вкус поцелуя, в то время как он протискивает руку между нашими разгоряченными телами и расстегивает ширинку.

Его огромный член останавливается у входа во влагалище, а наш поцелуй становится более агрессивным. Я тяжело дышу, когда он резко отрывает свой рот от моих губ. Затем хныкаю, нуждаясь в большем, но он внезапно прекращает все прикосновения.

Я открываю глаза, когда осознаю, что он не предпринимает дальше никаких действий, и натыкаюсь на его пристальный немигающий взгляд.

— Никто, кроме меня, не смеет прикасаться к тебе.

Я хмурюсь из-за этой внезапной перемены в его характере.

— Хорошо, — осторожно соглашаюсь я.

— Я серьезно. Ты моя. Ты должна убедиться, что произошедшее снаружи никогда больше не повториться.

Я немного прихожу в себя от раздражения, бесит сам тот факт, что он смеет указывать мне.

— Ты ведь осознаешь, с кем разговариваешь? Я стриптизерша. Такое иногда случается.

Он медленно качает головой.

— Ты не понимаешь. Мне неважно, кто ты или чем занимаешься, подобное никогда не должно повториться вновь. Я не привык делиться, ясно? Ты моя, а значит, мои руки будут единственными, которые могут касаться этой задницы.

Не знаю, то ли мне прыгать от радости, то ли наоборот расстроиться от его поведения, присутствующего пещерному человеку.

— Ты предъявляешь на меня права?

— Милая, я заявил свои права с первого раза, когда увидел тебя на сцене.

Его рот впивается в мои губы. А наши зубы ударяются друг о друга от силы страсти. Одним резким толчком бедер, Рансом входит в меня. Я вскрикиваю, когда мое лоно с готовностью принимает его, и кончаю, сжимая его с такой силой, что Рансом почти сразу следует за мной.

Наше тяжелое дыхание эхом отдается от стен, пока мы с трудом приходим в себя. Его сердце колотится напротив моей груди, и я крепче прижимаю Рансома к себе. Нет ощущения лучше, чем Рансом после секса. В течение этих нескольких кратких мгновений он целиком и полностью принадлежит мне. Именно в такие моменты, когда он раскрывает свою мягкую сторону, женщина воистину может сбиться с пути.

Рансом прерывает мои тревожные размышления, когда отодвигается и ставит меня на

ноги. Выгляжу я изрядно помятой. Одежда собрана вокруг талии, трусики свисают ненужным клочком ткани, а сперма Рансома стекает вниз по бедрам. Сегодня он не воспользовался презервативом, и я благодарю бога, что мне хватило здравого смысла принять противозачаточные. Рассматриваю свое отражение в зеркале: вся вишнево-красная губная помада размазана у меня по лицу, потому выгляжу я еще плачевней.

У Рансома такой же помятый вид, и он тоже испачкан красной помадой, но все равно выглядит так, что его хочется съесть.

— Знаешь, как бы мне ни нравились наши мимолетные свидания, все же стоило бы прекратить подобные встречи, — говорю я, попутно приводя себя в порядок.

Застегнув ширинку на брюках, Рансом встает возле раковины и поднимает руку вверх, чтобы опереться о стену. Его пиджак расстегнут, потому взору предстают белая рубашка и серебряная пряжка на черном кожаном ремне, что обернут вокруг его узких бедер. Он выглядит так, словно сошел с обложки журнала "GQ".

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю, что ради соблюдения общественных приличий, нам следует ограничиться лишь постелью. Может быть, твоей? Я ни разу не видела твою квартиру.

Между нами мгновенно становится невидимая стена, и я сразу понимаю, что сказала что-то не то, тем самым слишком надавив на него.

— И не увидишь.

Его резкий тон сбивает меня с толку, и я лишь недоуменно гляжу на него, пока он приводит себя в порядок. Рансом отказывается смотреть на меня, когда застегивает единственную пуговицу на своем пиджаке и направляется к двери.

— Извини, — решительно говорит он, — но у меня деловая встреча, на которой мне необходимо присутствовать.

Я открываю рот, но не могу вымолвить ни слова. После всего произошедшего между нами я думала, что наши отношения начинают налаживаться.

Когда я наконец пойму, что секс не является волшебным решением всех проблем? Он никогда не поможет наладить отношения. Это как если временно заклеить дыру в тонущем корабле, от чего отнюдь ничего не изменится. Потому что, как только ты прекращаешь заклеивать дыру, вода начинает просачиваться вновь.

Немного придя в себя, я снова возвращаюсь в бар, при этом даже не утруждая себя поисками Рансома. Он давно ушел, а я не в настроении для того, чтобы гоняться за ним. Возможно, все к лучшему. Возможно, это тот самый сигнальный звонок, который мне был необходим, чтобы отпустить то, чему никогда не суждено случиться.

Глава 19

Я не могу выбросить из головы выражение глаз Рансома, когда отклонила его предложение встретиться после занятий. Словно он не понимает, чем мог меня расстроить. По крайней мере, ему стоит признать, что уход от девушки в середине разговора, последовавшего за горячим и страстным сексом, — достаточная причина для возникновения проблемы. Хотя то, что он не осознает всего этого, не должно меня так сильно удивлять. Я только начала привыкать к новому Рансому, как вдруг передо мной вновь возник старый и бессердечный Рансом.

И, что хуже всего, мне нравятся обе его стороны. Мне нравится его властность, упрямство, то, как он всегда берет ситуацию под свой контроль, и одновременно мне

нравится мягкая, почти домашняя сторона его личности.

Вот, где я совершила свою первую ошибку. Я позволила себе ощутить комфорт и забыла то, кем он являлся на самом деле. Чем именно являются наши отношения. Секс. Лишь хороший, но случайный секс. Случившееся в уборной является идеальным примером того, кем мы являемся на самом деле. Впредь мне стоит быть более благоразумной и не забывать об этом.

За неделю я потеряла лучшего друга и мужчину, которого считала своим парнем. Я буквально чувствую, как мой мир рушится. Умный человек ясно увидел бы, что одну из проблем навлекла на свою голову я сама, поэтому решить ее полностью в моих силах.

Но ума мне явно не хватает. Это же ясно. Иначе я не стояла бы в центре переполненного бара в пятницу ночью, заказывая новую порцию выпивки и деля столик с парнем, который, как я знаю, испытывает ко мне чувства... на которые я не смогу ответить взаимностью.

Моя жизнь подобна поезду, который мчится по не до конца проложенным рельсам. Однажды он доедет до конца и упадет в пропасть. Поэтому я должна ударить по тормозам уже сейчас, но мой здравый смысл, видимо, уснул за рулем.

Броуди вскакивает со своего места, когда я подхожу к нему с бокалами в руках.

— Я тут взяла нам выпить, — подчеркиваю я очевидное, усаживаясь на деревянный стул.

— Получается, нам не надо будет рано уходить из бара. — Броуди стучит пальцем по виску. — Отличная идея, Джо.

Я изображаю поклон, насколько могу в сидячем положении.

— Ну, ты ведь знаешь, я всегда рада угодить.

Взгляд Броуди вспыхивает, и он оценивающе рассматривает мой внешний вид.

— Я уже говорил тебе, как хорошо ты сегодня выглядишь?

Осушив свой бокал, я смущенно отвечаю:

— Думаю, раз двадцать точно, но я никогда не устану это слушать. Так что смело можешь освежить мою память.

— Ты реально отлично выглядишь сегодня.

Я подмигиваю ему и сразу же начинаю жалеть об этом. Я обманываю его, давая ложную надежду. Должно быть, со мной и впрямь что-то не так, потому что своими действиями я наношу вред самой себе. Я становлюсь бесстыжей кокеткой. Возможно, именно по этой причине Рансом предупреждал меня о других мужчинах, так как знал, что я сама их провоцирую?

— Эй, — выкрикивает Броуди, пытаясь перекричать громкую поп-музыку в стиле кантри, — ты слишком много думаешь, а из-за этого здесь становится не так весело.

Поднимаясь, он протягивает мне руку. Я не успеваю придумать достойную причину для отказа, как он стремительно выталкивает меня на танцпол.

— Я не знаю эту песню, — кричу я. Такое чувство, что я попала на танцевальное соревнование, но при этом совершенно забыла к нему подготовиться. Все, в буквальном смысле все, словно посещали какой-то танцевальный класс, о котором я ничего не слышала. Они словно единое целое, которое синхронно исполняет одинаковые движения.

Броуди прижимает меня к своей груди, обводя взглядом окружающее нас пространство.

— Тебе и не обязательно знать ее, — рассеянно отвечает он. — Просто повеселись.

Испуганный вскрик срывается с моих губ, когда я внезапно оказываюсь среди других танцующих пар, быстро кружа по танцполу.

А затем происходит самое удивительное.

Я начинаю смеяться. Не знаю с каких пор, но я определенно начинаю получать от этого удовольствие, а, оглядевшись вокруг, замечаю, что все остальные тоже веселятся. Броуди улыбается так широко, как никогда ранее. Он сжимает мою руку крепче и кладет на свою грудь, я же сильнее сжимаю его плечо, пока мы пытаемся подобрать темп и подстроиться под звучащую в зале музыку.

— Ты когда научился так танцевать?

Я еле перевожу дыхание, но отдающееся в ушах сердцебиение вызывает весьма волнующие ощущения.

— Думаю, минут пять назад!

Мне очень сложно в это поверить, учитывая, насколько хорошо у него все получается. Однако, я понимаю, что он говорит абсолютно серьезно, когда замечаю его все еще направленный на окружающих взгляд.

— Ты хочешь сказать, что научился всему, просто глядя на танцующих вокруг?

— Ага, — отвечает Броуди с заразительной улыбкой.

— Ты и вправду сумасшедший! — качаю я головой.

Музыка обрывается именно в тот момент, когда я произношу последние слова, поэтому мой голос слышен на весь бар. Я краснею и начинаю кусать губы.

Плечи Броуди начинают сотрясаться от смеха. В этот момент я понимаю, что все еще держу его за плечо. Нервно улыбнувшись, я отпускаю его, разрывая контакт.

Броуди обвивает рукой мою талию, и мы направляемся к нашему столику. Но, не дойдя до конца, он вдруг наклоняется и прижавшись губами к моему уху произносит:

— Ты права. Я просто с ума схожу. По тебе.

У меня буквально отвисает челюсть, и я вскидываю голову вверх. Я готова изложить ему все тысячи причин, почему я не должна нравиться ему, почему нам стоит оставаться лишь друзьями, но все мои слова в буквальном смысле улетучиваются.

Внезапно губы Броуди впираются в мои. Он не спрашивает у меня разрешения. Не тратит времени на уговоры для ответного поцелуя. Он просто делает это. Поглощает меня. Мое тело непроизвольно льнет к нему, а я сама сильнее погружаюсь в поцелуй.

И вот так запросто я втягиваю себя в любовный треугольник.

В голове шумит, словно только что взорвалась бомба. Слух медленно возвращается, как и способность мыслить. Как только я осознаю, что творю, быстро разрываю поцелуй, и Броуди приходится схватиться за стол, чтобы удержаться на ногах.

Знаю, должно быть, я выгляжу как девушка, которая узнала, что ее парень — убийца с топором, потому что выражение лица Броуди меняется от полного блаженства до маски озабоченности за долю секунды, которая у меня уходит на то, чтобы перебросить свою сумку через плечо.

— Мне нужно уходить, — выпаливаю я. — Мне так жаль, но это было ошибкой. Мне нужно идти.

Я оборачиваюсь в стремлении поскорее покинуть бар, но внезапно словно ступаю в зыбучие пески. Время замедляется, а в ушах вновь появляется гул. Передо мной, всего в нескольких шагах стоит Рансом. Его лицо лишено каких-либо эмоций, а это еще хуже, чем если бы он накричал на меня. Я чувствую, как мое сердце сжимается в стальных тисках.

Тем не менее у меня вырывается лишь потрясенный вздох. Словно рельсы обрываются, а мой поезд прямо у меня на глазах достигает конца дороги и падает с обрыва.

Не в силах больше наблюдать за разрушенными обломками прошлого, я заставляю свои словно налитые свинцом ноги двигаться и буквально вылетаю из бара, убегая от Броуди, от Рансома. От всего на свете.

Не оглядываясь.

* * *

Броуди догоняет меня у обочины дороги, и мне до боли стыдно пытаться объяснить ему, что творится у меня в голове. К счастью, он и не требует этого. Будучи джентльменом, он отвозит меня домой, и когда я желаю ему спокойной ночи, все на этом и заканчивается.

Однако, мне не так везет с Рансомом. Он объявляется вскоре после ухода Броуди и начинает колотить в дверь, так как не может открыть ее своим ключом. Я игнорирую его, пока один из соседей не грозит вызвать полицию.

Я вынуждена впустить его, либо же мне придется наблюдать за тем, как его арестовывают за нарушение общественного порядка, что, в свою очередь, приведет к целому ряду новых проблем. И вот мне приходится выслушивать его длинную трогательную речь о том, как ему было больно видеть меня, целующую другого парня, что абсолютно разнится с его обычным поведением, а потом он начинает осуждать мои моральные ценности, мою честность. Он спрашивает о моих чувствах к нему, хочу ли я порвать с ним, но мой ответ все тот же — я не знаю.

А что я должна ему сказать? Это правда. Я понятия не имею, на каком уровне сейчас находятся наши с ним отношения. Я никогда даже не задумывалась об этом. Эти отношения должны были быть простыми, без лишних обязательств. Черт, мы даже не должны были узнать имена друг друга. Вместо этого он причинил мне столько страданий, а я даже не знаю, нравится ли он мне, люблю ли я его или же просто влюблена в его образ. Вся моя жизнь словно пошла коту под хвост, и сейчас все, что я могу видеть, — это большие жирные вопросительные знаки над всем, что рушится вокруг меня.

Рансом опускается передо мной на колени с мучительным выражением на лице. Внутри у меня все опускается, в этом взгляде я вижу надежду, с которой не готова иметь дело прямо сейчас. Мне необходимо для начала разобраться в собственных чувствах.

— Я никогда бы не подумал, что ты способна на такое, но я мужчина и способен признать отчасти свою вину в этом.

Он удивляет меня. В Рансоне странным образом сочетаются разные черты характера, но я никогда бы не подумала, что он способен таким образом признать свою ошибку.

— Но это я поцеловала другого мужчину.

— Ты не поступила бы так, не дай я тебе повод, — утверждает он. — Я постоянно вел себя по-разному, знаю. И если быть полностью откровенным, мы никогда не должны были испытывать друг к другу чувства, поэтому с моей стороны было несправедливо просить тебя скрыть наши отношения от всех. — Окончательно разбитый, он протягивает руку и касается пальцами моего лица. — Скажи, чтобы я ушел, — и я сделаю это. Если от этого тебе станет легче, я уйду прямо сейчас, Джозефин.

Хочу ли я, чтобы он ушел? Я пытаюсь представить, каково больше никогда не чувствовать прикосновение его кожи к моей, никогда не слышать его огрубевший после занятий сексом голос, не знать сути истинной страсти, которую я вижу в его глазах каждый раз, когда он смотрит на меня.

Мое горло сжимается, и я отрицательно качаю головой.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

Суть в том, что я хотела бы изменить множество вещей в наших отношениях. А начала бы с того, чтобы послала бы к чертям всю эту таинственность и рассказала бы о нас всем. Не помешало бы разобраться и с его раздвоением личности, но, как говорят, Рим строился не один день.

— Но и не хочешь, чтобы остался, — утверждает он, а я не могу не задаваться вопросом, что же такое он прочел на моем лице, чтобы сделать подобный вывод.

Мои легкие наполняются воздухом, пока в груди не становится тесно, и я тяжело выдыхаю.

— Я хочу, чтобы все было иначе.

Выражение его лица становится натянутым, и он резко убирает руку с моей вмиг похолодевшей щеки.

— Я не могу придать огласке наши отношения.

— Знаю, — опять вздыхаю я.

Не знаю, есть ли вина в выпитом алкоголе или в том, что я на ногах уже более двенадцати часов, но я вымотана. Вся моя жизнь была одним огромным секретом, начиная со стриптиза и заканчивая Рансом, я уже не говорю о многих других вещах, о которых совершенно не хочу задумываться. С меня довольно.

Я продолжаю говорить, несмотря на то, что это разбивает мне сердце, я должна все высказать до конца.

— В этом то и проблема, Рансом. Ты никому не можешь рассказать о нас, а я не в силах больше хранить эту тайну. Слишком много всего навалилось и кажется вот-вот лопнет. Я лопну.

— Значит, это конец? Мы расстаемся? — Он расстроен, и я понимаю его чувства, но в первую очередь я должна подумать о себе. Слишком многим я жертвовала на протяжении всей своей жизни, пришло время получить хоть что-то взамен. И начну я со своей жизни. Я не хочу быть плененной тем, кто не ставит меня на такой же уровень, на который ставлю его я.

— Мне нужен кто-то, кто захочет прокричать на весь мир, что мы вместе, — объясняю я в надежде, что смогу хоть немного сгладить недопонимание между нами. — Не тот, кто стыдится, что нас увидят вместе.

— Я не стыжусь тебя, — сквозь зубы выдавливает Рансом.

Я наклоняю голову набок и при этом грустно улыбаюсь.

— Между нами только секс, Рансом. Это единственное, что мы делаем вместе. Мы никогда не ходили на свидания, никогда не целовались на людях, никогда никуда вместе не ездили. Мы не делали ничего из того, что делают настоящие пары.

— Однажды мы ездили вместе.

— Трижды, и все они не в счет, — говорю я, вспоминая тот случай, когда сломалась его машина, и еще один, когда сама была пьяна. Насколько я помню, в первый раз у него была встреча с "другом". Видимо, с той самой, с которой он явился в клуб несколькими часами позже для частного танца. Я замечаю, что случившееся тогда беспокоит меня до сих пор, когда я дольше задумываюсь об этом.

— Твоя подруга знает обо мне. Мои родители знают о тебе. Я пригласил тебя пойти со мной на ужин. — Его вкрадчивый голос полон мольбы — последняя попытка, чтобы повлиять на мое решение, но я непоколебима.

Я качаю головой. Встав, прохожу мимо него и направляюсь ко входной двери. Открыв ее, я остаюсь у дверного проема и бросаю на него многозначительный взгляд.

— Прости, но этого не достаточно.

Его взгляд полон ненависти, но злится он вовсе не на меня, а скорее на самого себя или на ситуацию. Я понимаю, что он сейчас чувствует. Я никогда не хотела, чтобы между нами все было кончено, но вот мы стоим в дверном проеме и расстаемся окончательно. Прощание причиняет мучительную боль, но это нужно сделать. Другого пути я не вижу.

Рансом стоит около меня, и я едва удерживаюсь от того, чтобы не упасть к нему в объятия и попросить вернуться. Вместо этого я произношу:

— Ты же знаешь, я хотела, чтобы все было по-другому.

— Как и я.

Но реальность не изменить. Он по-прежнему является моим профессором, а я — его студенткой, и давайте посмотрим правде в глаза: эти отношения всегда были нездоровыми.

Рансом кивает, его взгляд колеблется между дверным проемом и моим лицом, словно он не уверен, сможет ли сделать первый шаг. И вот неожиданно, без всякого предупреждения, я оказываюсь в его объятиях, его рот обрушивается на мой, крадя дыхание и заставляя пробовать его необыкновенный вкус. Все мои чувства обостряются, потому что этот мужчина, именно этот мужчина — тот, кого я желаю. Кого всегда желала. Но он не принадлежит мне. И никогда не сможет принадлежать.

Он отпускает меня так же стремительно и просто уходит. Я наблюдаю, как он покидает мою квартиру, мою жизнь, и не знаю, что должна испытывать по этому поводу — чувство освобождения либо же ни с чем несравнимую печаль.

Глава 20

Одиночество не в моем характере. Я всегда обеспечиваю себе компанию, чтобы не уйти с головой в собственные мысли. Но это скорее инстинкт самосохранения, чем запланированное действие. Я нуждаюсь в ком-то, кто поймает меня, если я начну падать. Вот почему я решаю начать вести себя по-взрослому и перезвонить Энни.

Она сильно удивляется моему звонку. Еще бы. Я игнорировала ее с тех пор, как она сообщила мне, что уезжает из штата. Узнай подруга, по какой причине я звоню ей сейчас, то, вероятнее всего, послала бы меня куда подальше. На этой мысли меня накрывает чувство вины. Ведь я фактически использую ее, чтобы удержаться от еще более глупого поступка — попросить Рансома вернуться обратно.

Свернувшись калачиком на синем диване в стиле кантри¹¹, мы с Энни лежим лицом друг к другу в ее гостиной. Она словно сияет в своем теплом ворсистом белом свитере, в котором становится похожей на стройного Бигфута¹², и в черных узких джинсах.

— Я очень рада, что ты здесь, — говорит она, наверное, уже в десятый раз с тех пор, как я вошла в квартиру.

— Я тоже, — честно отвечаю я. Я никогда не чувствовала себя более уютно, чем рядом с этой девушкой. Она моя слабость.

Кончик ее носа краснеет, а на глазах выступают слезы, показывая ее истинные эмоции.

— Я и вправду так скучала по тебе всю прошлую неделю.

Я прочищаю горло и сажусь. Не представляю, как нужно вести себя во время таких душевных моментов, но ради нее я попытаюсь. Это меньшее из того, что я могу сделать. Я пытаюсь подобрать и высказать слова, исходящие из самой глубины моей души.

— Послушай, Энни. Я хочу, чтобы ты знала, что я поступила неправильно, закрывшись от тебя. И я ненавижу себя за то, что отталкивала тебя именно тогда, когда тебе предстояло принять самое важное и судьбоносное решение в своей жизни. Когда ты нуждалась в моей поддержке, я была настолько поглощена собой, что была не в силах отбросить в сторону свои собственные страхи и поддержать тебя. Я знаю, что никакие извинения не смогут меня оправдать, но это все, что я могу предложить. И надеюсь, ты примешь их.

Энни ласково улыбается, по-другому она просто не умеет. Ее глаза моментально наполняются слезами, которые тут же скатываются по разрумяненным щекам.

— Ну, будь все иначе, ты бы и не находилась у меня в квартире, не так ли?

Бросившись через единственную разделяющую нас подушку, она крепко сжимает меня в объятиях. Думаю, таков ее способ сказать мне, что я прощена. Я в отчаянии обнимаю ее в ответ и вздыхаю с облегчением, ведь я была так близка к тому, чтобы потерять единственного нужного мне человека.

Проходят минуты, прежде чем она отстраняется и вновь занимает свое место на диване. Нам обоим не мешает вытереть щеки и подправить расплывшийся под глазами макияж, но, несмотря на все это, я чувствую, что сняла с плеч огромный груз.

— Я никогда не сердилась на тебя, ты ведь знаешь, — говорит Энни, вытирая нос бумажным носовым платком. — Я понимаю, почему ты была расстроена. Я ведь совсем неожиданно выплеснула на тебя эти известия, плюс в них замешан Джейсон и...

И у меня хроническая непереносимость Джейсона. Эти слова так и остаются невысказанными, но для меня смысл все равно предельно ясен.

Она всплескивает руками и закатывает глаза к потолку.

— Тебе не за что просить прощения. Ты мне словно сестра, хоть у нас и разные матери. Мы спорим, иногда сердимся друг на друга, но все равно навсегда остаемся сестрами.

Это всегда было нашим с ней девизом. Даже не знаю, как я сумела позабыть об этом, но рада, что она напомнила мне вовремя. Это означает, что мы всегда сможем положиться друг на друга. Мы никогда не останемся по-настоящему одни, даже если все окружающие люди покинут нас, а это именно та незыблемость жизни, которую не купишь ни за какие деньги.

— Именно, в общем, я рада, что между нами снова все хорошо.

— И я, Джо.

Она садится, выражение ее лица смягчается. Подруга широко улыбается мне, показывая все зубы, а когда заговаривает вновь, все ее тело словно оживает.

— О, ты обязана увидеть это. — Она встает и, пританцовывая, направляется куда-то.

Я следую за ней в единственную спальню, стараясь игнорировать королевских размеров неприбранную кровать, которая создает такое ощущение, словно они с Джейсоном только что выпрыгнули из нее. Это вовсе не та картина, которую я хочу держать в уме.

Энни обращает мое внимание на старое деревянное кресло-качалку, которое стоит в углу комнаты, между стеной и туалетным столиком. Данный предмет мебели — прекрасный пример того, как можно запросто получить отравление свинцом, а бледно-желтая краска на нем уже давно потрескалась и осыпалась... везде.

— На днях я купила его за копейки на блошином рынке. Я подумала, что смогу перекрасить его в голубой или розовый цвет, а потом затереть в стиле шебби шик¹³ и поставить в детскую. Как считаешь?

Я смотрю на прекрасную улыбку своей подруги. Ее сияющие белокурые волосы рассыпаны по плечам, и она выглядит... счастливой. Как бы мне ни нравились

обстоятельства, я не могу не начать улыбаться. Кресло в ужасном состоянии, но она несомненно сумеет вернуть ему первозданный облик, достаточно лишь приложить немного усилий. Если кому-то и под силу нечто подобное, то только Энни.

— Думаю, это замечательная идея. Ты можешь сшить еще небольшую подушечку и привязать к сидению, тогда твоя попка не будет затекать, даже если ты будешь долго сидеть на нем, — добавляю я.

— Отличная идея, — говорит она, хлопнув в ладоши и сложив их под подбородком. Затем Энни направляет на меня два указательных пальца, имитируя пистолет. — Эй, может пойдешь со мной, чтобы подобрать ткань?

— Конечно. Мы даже можем посвятить этому целый день, — мгновенно предлагаю я.

— А давай начнем прямо сейчас!

Судя по ее энтузиазму, у меня и особого выбора-то нет. Охотно кивнув, я поторапливаю ее:

— Что же мы до сих пор здесь делаем? Пойдем же!

Все заканчивается тем, что остаток дня мы проводим за шопингом. К тому времени, когда мы возвращаемся к ней в квартиру, уже наступают сумерки. Все прошло удачно. Я бы сказала даже слишком удачно. Обе наши руки нагружены всякими вкусностями, и я помогаю Энни поднять все наверх, с трудом преодолевая два лестничных пролета и все время жалуюсь, что для такого размаха покупок ей скорее требуется личный выючный мул. Ее звонкий смех разносится по всему помещению и сопровождает нас до самих дверей, а когда те распахиваются, на смену веселью приходит теплая улыбка.

Там стоит Джейсон, при виде меня его слегка мускулистые плечи напрягаются, а взгляд холодеет. Мое же хорошее настроение мгновенно испаряется. Он отбирает пакеты у Энни и, наклонившись, припадает к ее губам в долгом поцелуе.

Дабы не нарушать их уединения, я отвожу взгляд. Теперь, когда настроение уже окончательно испорчено, пришло время уходить. Джейсон придерживает дверь, и я, шаркая ногами, вхожу внутрь, кладя остальные покупки на обеденный стол.

— Ну ладно, дамочка, мы прекрасно провели время, но ты полностью вымотала меня сегодня, — говорю я Энни и одновременно растираю пальцы рук, на которых отчетливо видны темно-красные следы от тяжелых пакетов. — Я пойду домой и расслаблюсь немного, посмотрев несколько серий "Жен гангстеров".

— Уверена? — Энни выглядит расстроенной, когда обнимает меня. — Сегодня мы заказываем пиццу. Можешь остаться и поужинать с нами.

Она говорит всерьез, но одного взгляда на Джейсона достаточно, чтобы понять — это приглашение одностороннее. Я бы в любом случае отказалась.

— Нет, спасибо. Мне стоит следить за фигурой, — говорю я, поглаживая свой плоский живот. — Съешь и за меня кусочек, ладно?

— Без проблем. Эй, — окликает Энни, когда я уже стою в дверях, — знаю, что уже говорила об этом, но, думаю, есть смысл повторить. Если к концу семестра ты все еще будешь одержима этим парнем, тогда тебе надо будет дать ему еще один шанс. Вы сейчас находитесь в весьма сложной ситуации, но, похоже, ты ему на самом деле нравишься.

Я почти жалею, что рассказала ей о произошедшем между нами с Рансомом. Почти. Но факт остается фактом: она дает весьма ценные советы, и я буду полной дурой, если не последую им. Поэтому я и принимаю ее слова близко к сердцу, но при этом совершенно не представляю, что с ними делать. Думаю, время все расставит на свои места.

— Я подумаю над этим.

Прошмыгнув мимо Джейсона, я машу ему рукой и выдавливаю из себя натянутую улыбку. Он бормочет что-то неразборчивое на прощанье и еще до того, как я подхожу к лестнице, захлопывает дверь.

Не знаю, что она нашла в нем, но если подруга счастлива, я готова притвориться, что испытываю схожие чувства. Господь свидетель, я отличная лгунья. Интересно, каково это смотреть на жизнь сквозь розовые очки? И где бы мне раздобыть себе парочку?

* * *

Оставшиеся до конца семестра недели пролетают незаметно. Я все время провожу с друзьями, на работе или же на занятиях. Занятость — это мое секретное оружие и просто отличный способ сохранить остатки здравомыслия, особенно в том случае, когда в жизни наступают трудные времена.

Именно так я сумела пережить смерть мамы: ушла с головой в футбол и развлекалась с друзьями, приняв на себя роль дочери и домохозяйки. Так же было и с отцом. Прежде, чем до вас доходит смысл произошедшего, время словно пролетает, а кровоточащие раны начинают затягиваться.

Рансом появляется в клубе еще пару раз. Наблюдает за моим танцем, но я не обращаю на него никакого внимания. Он просил личной встречи, но я отказалась. Затем в отчаянии Рансом оставил свой номер Бернис, и я сохранила его у себя в кошельке, хоть и не собираюсь звонить ему.

В какой-то степени я даже ощущаю некий покой от осознания, что могу в любое время услышать его голос, всего лишь нажав на несколько кнопок. Но в равной степени я испытываю и беспокойство, потому что с каждым последующим днем мне все труднее сдерживаться, чтобы не позвонить ему.

Проблема только усугубилась с приближением моего выступления. И вот она я, шарю вокруг рукой в поисках того клочка бумаги. Я не буду звонить, хотя отчаянно хочу этого. Я достаточно готовилась к этой ночи, но сейчас, при ее наступлении, неуверенность захлестывает меня с головой.

Неужели я хочу, чтобы люди видели меня такой? Действительно ли это стоит того, чтобы раздеваться перед кучей народу? Не делает ли это меня дешевкой? Подразумевается, что это искусство, по крайней мере так говорит миссис Джексон, но смешивать искусство обнажения с образованием все равно как-то неправильно.

Но данная работа оплачивается, и именно это заставляет меня входить в тот зал в среду вечером.

По периметру комнаты расположены мольберты, создавая видимость сцены для стоящего в центре стола. Он задрапирован белой тканью, которая по всей видимости должна придавать уют окружающему пространству, но в действительности у меня возникает ощущение, что я нахожусь в больничной палате. Я чувствую отвращение с первой же секунды, а голос в моей голове шепчет, что еще не поздно развернуться и уйти. Все равно я пока здесь совершенно одна, и они посчитают, что я просто передумала, не так ли?

Но вся надежда гаснет на корню, когда я поворачиваюсь и вижу приближающуюся миссис Джексон. На ней длинное струящееся платье в стиле шибори¹⁴, и она толкает впереди себя тележку, где кучей свалены краски, кисти и другие художественные материалы.

Она сразу же замечает меня и довольно улыбается.

— Отлично, ты уже здесь. Откровенно говоря, я не была уверена, что ты придешь.

Я отодвигаюсь в сторону, чтобы дать ей пройти в комнату, и при этом сильно хмурюсь.

Поскольку она не видит выражения моего лица, женщина продолжает говорить:

— Ты, наверное, и не догадалась бы, учитывая уровень наглости твоих одноклассников, но в этой школе много трюсов и особенно среди мальчишек. Они без проблем разденутся догола и только ради смеха пробегут так через все футбольное поле в день игры, но они же будут трястись, если попросишь их раздеться и расслабиться, дабы парочка художников могла нарисовать их.

Издав нервный смешок, я кладу свою сумочку на соседний стол, а затем следую за ней вглубь помещения. Она останавливает тележку посередине комнаты рядом с большой раковиной.

Пока не забыла, я выуживаю из своего кармана листок, который ранее мне дал Рансом, и протягиваю ей.

— Мне нужно, чтобы вы заполнили это. Анкета и доказательство того, что я была здесь.

Она берет листок и, разворачивая его, окидывает содержимое мимолетным взглядом.

— Это твой финальный проект?

— Да, так и есть.

Она кивает и протягивает руку, чтобы бросить анкету на письменный стол.

— Что бы я только ни отдала за такое классное задание для выпускного экзамена в твоем возрасте. — Она с тоской вздыхает. — Я верну тебе это к концу урока.

Откинувшись назад, она облокачивается на край стола, и выражение ее лица становится по-деловому серьезным.

— Ну ладно, давай приступим, — говорит она, глядя на меня. — Я предполагаю, это твой первый опыт?

— Да. — Я могу произнести лишь это единственное слово, пока мой желудок скручивает в тугой узел.

Она по-доброму улыбается мне, но ее слова звучат крайне пугающе.

— Думаешь, ты сейчас нервничаешь? погоди немного, пока появятся мои ученики. Это настоящее испытание для всех. — Указывая на стоящий в центре стол, она продолжает: — Это твоя сцена на сегодняшний вечер. Когда все рассядутся и будут готовы начать, по моей команде ты ляжешь на этот стол на бок, лицом к моему столу.

Черт. Мне нужно войти в переполненную комнату и раздеться. Не думаю, что у нее есть шест, который облегчит мне задачу.

— И все? Мне просто надо будет лежать, пока они рисуют меня?

— Для начала. Сегодня от класса требуется нарисовать три рисунка с разных ракурсов. Итак, для начала ты будешь лежать в одной позе, затем перевернешься, чтобы открыть им другой ракурс, и мы закончим все твоим портретом в положении сидя.

Я сглатываю.

— Сколько, вы говорили, длится урок?

— Всего лишь час, и не волнуйся, ты выживешь, — отвечает она, в ее голосе слышны нотки смеха. Взяв меня за плечо, она смотрит мне в глаза с неподдельной искренностью. — Уверена, что ты слышала об этом и раньше, но все волнует в первый раз. Даже отсюда я могу сказать, что у тебя потрясающая фигура, и, что более важно, ты гордишься своим внешним видом. Не позволяй этой вспышке нервозности заставить тебя отступить. Я твердо

убеждена в том, что встреча лицом к лицу со своими страхами прекрасно закаляет характер.

Я уверена в ее правоте, однако это не ослабляет обуревающих меня чувств. Миссис Джексон достает белый пушистый халат из шкафа рядом с ее столом, а затем указывает мне на комнату, которая выглядит как учительская, но на самом деле используется моделями для переодевания и, по ее словам, является полностью безопасной. Там в центре стоит небольшой круглый столик с наваленными на него книгами, позади размещен короткий ряд шкафов с гигантской кофейной машиной, кучей пластиковых стаканчиков, мешалок, различных сливочниц и микроволновкой. Именно так я себе и представляла учительскую.

Заглянув в гудящий мини-холодильник, я хватаю бутылку воды и осушаю ее, надеясь, что это поможет мне достаточно отвлечься и успокоиться.

Затем, осознавая совершенную ошибку, я провожу следующие десять минут в ванной, пытаюсь опорожнить свой мочевого пузырь, дабы потом не бегать в туалет по сто раз.

Двадцать минут спустя я стою за закрытой дверью, полностью обнаженная за исключением наброшенного халата. Голубой с вкраплениями белого линолеум холодит мои босые ноги. Через большое прямоугольное окно я вижу, как миссис Джексон дает последние инструкции своим студентам. Парни и девушки примерно моего возраста сидят перед своими натянутыми холстами, на которых будут увековечивать мой образ.

Меня снова накрывает осознание того, что я учусь с этими людьми. Если они до этого не знали меня, то теперь узнают. Я буду девушкой, которая обнажилась.

Прежде чем я смогу еще больше напугать себя, миссис Джексон замечает меня, и ее накрашенные бордовой помадой губы растягиваются в широкой улыбке. Она еще что-то говорит классу, и все поворачивают головы, чтобы посмотреть на меня.

Господи, мне стоит сбежать прямо сейчас. Но я не делаю этого.

Миссис Джексон подходит ко мне и открывает дверь.

— Давай, заходи. Мы как раз говорили о тебе.

Взмахом руки она приглашает меня внутрь, и я следую за ней в комнату. Я сосредотачиваю взгляд на ее спине, на том, как ткань платья струится по телу, переливаясь, подобно легким волнам океана, с каждым ее шагом. Все очень просто, если я оторву от нее взгляд, то просто сбегу.

— Пожалуйста, сними халат и ложись на стол, — командует она.

Мои пальцы лишь на короткий миг сжимаются на мягкой ткани, после чего я снимаю ее. Я взбираюсь на стол, ощущая легкую прохладу дерева через тонкую хлопковую простыню своими ягодицами. Повернувшись на бок я позволяю миссис Джексон расположить мои руки и ноги так, как ей нужно. Моя правая рука вытянута в сторону и согнута в локте, а раскрытой ладонью я поддерживаю голову. Левая же выдвинута вперед и опирается на стол, чтобы сделать мое положение устойчивее. Мои ноги разделены и вытянуты, а бедра крепко сжаты. Она вытягивает одно мое колено вперед, и я напрягаюсь, когда ощущаю касание холодного воздуха между ног.

Меня посещают шальные мысли, когда я представляю, что видят студенты, расположенные к югу от меня. Что они нарисуют? Им нравится то, что они видят? Их это возбуждает или смущает так же, как и меня? Я, может, и раздеваюсь для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, но это не делает меня эксгибиционистом. Я не получаю удовольствия, показывая свое тело каждому, кто захочет на него взглянуть. По крайней мере, не таким образом. Даже в стриптиз-клубе есть определенные рамки и ограничения.

Удовлетворившись моим видом, миссис Джексон покидает круг и занимает позицию

наблюдателя.

— Хорошо, класс. Как вы поняли, у вас есть двадцать минут, чтобы сделать ваш первый набросок. Попробуйте передать силуэт так, как вы ее видите. Сконцентрируйтесь на свете и тени и используйте их, чтобы добавить глубину рисунку. Я буду ходить по комнате, чтобы взглянуть на каждую работу. Если вы захотите меня о чем-то спросить, просто поднимите руку — и я подойду. Время пошло.

В помещении царит полная тишина, за исключением слабого поскрипывания карандашей на холстах и едва слышного стука каблучков миссис Джексон. Сначала мне становится еще более некомфортно от того, что все глаза устремлены на меня, но через некоторое время начинаю расслабляться и постепенно погружаюсь в свои мысли.

Я уже нахожусь в состоянии полусна, когда проходит половина времени, отведенного на вторую позу, и тут неожиданно слышу легкий стук в дверь. Мой взгляд не отрывается от спины миссис Джексон, когда она направляется к двери.

Она приоткрывает дверь и просовывает голову в щель, снаружи раздается непонятное бормотание, откуда мне не удастся разобрать ни слова. И хотя мне любопытно, я возвращаю свое внимание обратно к занятию.

Знаю, что не должна была этого делать, но все это время я вспоминала наши отношения с Рансомом. Последнее предложение Энни все еще звучит у меня в голове, и с приближением окончания занятия я все яснее начинаю осознавать, что между нами не все кончено. Вообще ничего не кончено, если быть честной к самой себе. Наш разрыв не сработал. А от того, что я вынуждена видеть его изо дня в день, ситуация становится только хуже.

Видеть и не прикасаться. То, как отстранено мы с ним разговариваем. Долгие взгляды и отрицание того, что между нами что-то происходит. От всего этого мои раны не заживают.

Без окончательного расставания невозможно закрыть эту дверь в моей жизни. Наоборот, от малейшего взгляда или сказанного слова она только шире распахивается.

А воспоминаний в таких условиях не избежать так же, как и его.

И я только сильнее убеждаюсь в последнем, когда миссис Джексон отодвигается и в комнату заходит Рансом.

Глава 21

Мое сердце замирает в груди, а взгляд пробегает по телу Рансома. На нем простые черные брюки и бледно-розовая рубашка, и я не могу не пожирать его взглядом. Как будто его вырвали прямо из моих мыслей и поместили в класс, чтобы помучить меня.

Что он здесь делает? Я спрашиваю его об этом пристальным взглядом, Рансом же смотрит на меня в ответ холодными глазами и с абсолютно нечитаемым выражением лица.

Пренебрежение. Вот как я могу охарактеризовать этот взгляд. Он знает, что это последнее место, где ему стоит быть, последнее место, где я бы хотела, чтобы он находился, но он все равно пришел. Энни как-то сказала, что этот мужчина любит злоупотреблять своим положением, и прямо сейчас я вынуждена признать ее правоту. Интересно, что он сказал себе, чтобы бросить вызов всем своим принципам и рискнуть прийти сюда сегодня.

Миссис Джексон проводит его мимо работ своих студентов, указывая на определенные аспекты, которые она считает важными. Он кивает и в нужный момент что-то бормочет в ответ, но при этом почти не отводит от меня взгляда.

И чем дольше это продолжается, тем больше мои внутренности опалает жаром. В моей

груди возникает ноющая боль, которая нервной дрожью спускается вниз, пока не превращается в острое желание чего-то большего. Он оглядывает мое тело, и для случайного наблюдателя это наверняка походит на клинический осмотр. Просто профессор, который оценивает картину в процессе написания. Для меня же это как прелюдия. Энни, возможно, и была права, но постепенно я начинаю осознавать, что мне все равно.

Он дразнит меня своими постоянными взглядами. А этот намек на улыбку, что пробегает по его полным твердым губам? Нет, он просто убивает меня своим поведением. И я не могу перестать думать о том, что у него был такой же взгляд, когда он был внутри меня.

Невозможно не заметить желание в его глазах, так же как и невозможно отрицать нарастающую во мне потребность, когда он оказывается вне поля моего зрения. Из-за того, что я не могу его видеть, мое дыхание становится глубже, тяжелее, и мне приходится удвоить свои усилия, чтобы сконцентрироваться на принятой позе.

— Она отлично справляется, — комментирует миссис Джексон, и я обращаюсь в слух.

— Я уже заметил. — Голос у Рансома мягкий и хриплый. Почти незаметный даже в тихой комнате, но я слышу каждое слово, каждый звук.

— Если бы все мои модели могли так держаться. Я испытываю огромное искушение уговорить ее оставить ваш класс и присоединиться к моему.

В голосе миссис Джексон звучит намек на поддразнивание, но я подозреваю, что она говорит отчасти серьезно.

— Семестр заканчивается через две недели, Селеста. Потом вы сможете забрать, кого захотите.

— Действительно, я так и сделаю.

— Вы не возражаете, если я посижу здесь до конца занятия? Я бы хотел увидеть законченные работы.

— Ни капли, — искренне отвечает миссис Джексон. — Вы можете занять мое место, если хотите.

Я так сильно хочу обернуться и посмотреть на него. Я чувствую взгляд Рансома, рассматривающий наклон моей спины, изгиб бедра. Местечко между бедрами, что требует его внимания.

Когда миссис Джексон говорит, что пора делать финальные зарисовки, я встаю на подгибающихся ногах и пытаюсь не сильно обращать внимание на образовавшуюся у меня между ног влагу. Но этот факт становится весьма трудно игнорировать, когда она пододвигает ко мне стул и велит оседлать его.

Теперь я оказываюсь лицом к лицу с Рансомом и не могу скрыться от его пронзительного взгляда. Со всем бесстыдством, которое могу изобразить, я сажусь на твердое дерево и кладу одну руку поверх другой на спинку стула. Воздух касается моего обнаженного клитора, и с раскрытыми бедрами я болезненно осознаю, насколько возбуждена.

Миссис Джексон живописно перекидывает мои волосы через плечи, чтобы они каскадом спускались по спине, а потом небрежно кивает, довольная результатом, и исчезает, чтобы продолжить свой обход по классу.

Я не в своей тарелке. Взгляд Рансома изучает меня, его темные глаза слегка прищуриваются, словно он догадывается о моем состоянии. Не стану отводить взгляд первой. Я хочу выглядеть уверенной. И еще надеюсь, что мое поведение даст ему понять, что между нами еще не все кончено. А если и существовала возможность покончить со всем, то

она исчезла, как только он вошел в эту дверь.

Но я понимаю, насколько напрасны мои переживания, когда его взгляд спускается ниже и задерживается в области моей груди, на затвердевших от прохладного воздуха кондиционера сосках. Рансом тоже не собирается так легко сдаваться. Его взгляд достигает расщелины стула между моих ног, и я замечаю, как подрагивают его ноздри, а губы приоткрываются. И в этот момент внутри меня словно что-то... обрывается.

За одно мгновение я принимаю решение, что сегодня не уйду отсюда одна. Я совершила ошибку, расставшись с ним, и сейчас намерена полностью исправить ситуацию.

Несмотря на обдуваемую прохладным воздухом спину, я ощущаю, как бисеринки пота скатываются вдоль линии роста волос и под подмышками, заставляя чувствовать себя полностью влажной. По окончании урока, когда мне возвращают халат, у меня возникает ощущение, словно мой рот наполнен ватными шариками. И больше не имеет значения, что до прихода сюда я выпила целую бутылку воды. Я обезвожена, и в этом полностью вина Рансома.

Он делает меня сумасшедшей. Жаждущей. Отчаянной.

Для переодевания я вновь направляюсь в учительскую. Но когда возвращаюсь, чтобы отдать халат обратно миссис Джексон, я больше не замечаю Рансома.

Мои плечи опускаются вместе с настроением. Я не могу отрицать своего разочарования. Ведь у меня были планы. Планы, согласно которым я должна была дать ему понять, чтобы он встретил меня снаружи. Там, где темное небо стало бы прекрасным фоном для нашего воссоединения. Была ли я уверена в том, что смогу вернуть его обратно? Конечно нет, но иногда девушка вынуждена заниматься самообманом, чтобы найти в себе силы двигаться дальше.

— Ты отлично справилась сегодня, — хвалит меня миссис Джексон, подписывая форму и возвращая ее назад. Золотистые глаза женщины загадочно мерцают, когда она смотрит на меня, сидя за своим столом. — Понравился сегодняшний опыт?

Я чувствую, как начинают гореть мои щеки, особенно когда вспоминаю об удовольствии, что испытала после прихода Рансома.

— Это было что-то новенькое. Когда я смогла расслабиться, все стало легче.

— Отлично. Тогда, надеюсь, ты еще вернешься. Я всегда не прочь использовать добровольных жертв.

На прощанье махнув рукой, я оставляю ее комментарий без ответа, а она напоследок желает мне доброй ночи. Несмотря на испытанное разочарование, я выхожу из здания с высоко поднятой головой. Меня не покидает ощущение, что сегодня вечером я преодолела какую-то преграду. Не знаю, что это за преграда, но чувствую я себя хорошо и рада, что решила пройти через все это.

Я выбираю извилистый путь, освещаемый лишь промышленными фонарями, что отбрасывают немного резкую для глаз розовато-оранжевую полосу света. Поскольку уже стемнело и я здесь одна, не считая нескольких человек неподалеку, кампус производит на меня жуткое впечатление. Я практически могу представить себе скрывающегося в тени серийного убийцу.

Быстро перебирая ногами, я спешу добраться до практически пустой стоянки. Моя машина одна из немногих стоит слева. И как только я замечаю стоящую возле нее темную фигуру, мое сердце вдруг пропускает удар, а ноги начинают подгибаться.

Пока я не осознаю, кто это.

По мере сокращения дистанции между нами, мое сердце вновь замедляет свой бег, а затем, ускораясь, начинает гнать кровь с такой скоростью, что у меня в ушах возникает звон. Услышав приближающиеся шаги, мужчина поднимает темноволосую голову и выступает на свет.

— Рансом, — задыхаясь, шепчу я, испытывая облегчение, возбуждение и тысячу других незнакомых для меня ранее эмоций. Когда он встречается меня на полпути, я падаю в его раскрытые объятия, прижимаюсь своими губами в жарком поцелуе, и все как будто становится на свои места.

Вот где я хочу быть. Где мне уже давно стоило быть. Ни одна из постигших нас проблем не исчезает, но они постепенно начинают терять свое значение. Я с жадностью целую его, обернув своими ногами и руками его крепкий торс. Весь остальной мир вокруг нас внезапно перестает иметь значение. В этот миг существуем только мы двое.

— Ты такая вкусная, — говорит Рансом напротив моих губ. Он кладет свои руки мне на попку, мягко сжимая полушария и сильнее прижимая меня к своей эрекции.

Я начинаю облизывать его губы, желая распробовать на вкус все его тело. Сейчас не время думать, только действовать. И раз уж именно я руковожу процессом, то раздавать указания тоже придется мне.

— Ключи. В моей сумочке. — Все, что у меня получается выдать, но Рансом достаточно сообразителен, чтобы понять все и без лишних слов.

Через несколько секунд он уже открывает дверь и опускает наши сплетенные тела на просторное заднее сиденье моего Кэбри. Просунув руки между нашими разгоряченными телами, я начинаю расстегивать его пояс, в то время как он хватается за воротник моей футболки-поло. С шумным треском ткань легко разрывается пополам.

Я смотрю на него со смесью гнева, ужаса и похоти. В конце концов преобладает последняя эмоция.

— Это самая горячая вещь, что я видела за свою жизнь.

Он ухмыляется, и в темноте это придает его лицу зловещий вид. Мне нравится это. Нет, не так. Мне это чертовски нравится.

Мои руки двигаются недостаточно быстро. Наконец-то расстегнув пояс, я стягиваю неплотную ткань с его крепкой задницы. Его член упруго высвобождается, гордо возвышаясь над животом, словно указывающая на цель стрела.

Пульсация между ног нарастает, и я с хныканьем выгибаю спину, когда Рансом облизывает мои соски прямо через ткань кружевного бюстгальтера. Он берет руками за эластичный пояс моих брюк и спускает их по бедрам вместе с трусиками. Одежда лужицей собирается у моих ног, но он не останавливается, чтобы снять мою обувь и закончить начатое.

Нет. Для этого Рансом слишком нетерпелив.

Вместо этого он поднимает мои переплетенные за лодыжки ноги себе на правое плечо и наклоняется вперед, вжимая их коленями в мою грудь. Когда он принимает эту позу, носки моих кед упрутся прямо в потолок машины.

В таком положении наши лица находятся всего в нескольких дюймах друг от друга, и в проникающем сквозь заднее стекло освещении с парковки я вижу только его.

Я всегда видела только его.

Головка члена упирается в мой вход, и я судорожно хватаю ртом воздух, глядя ему в глаза.

— Ты тоже это чувствуешь, Джо? Ты чувствуешь напряжение в груди. Ощущение, словно кто-то крадет у тебя дыхание и заставляет чувствовать, что ты можешь умереть, несмотря на то, что в твоей жизни все только начало налаживаться.

Его низкий и хриплый голос посылает волны тепла между моих ног, где его член тесно прижимается ко мне, грозя раскрыть меня полностью.

— Вот где мое место, Джозефин. Между твоими шелковистыми бедрами, будучи захороненным настолько глубоко в тебе, что ты будешь ощущать меня около своей груди. Вот где я живу, Джо, прямо здесь. — Он кладет свою горячую ладонь около моей груди, прямо над колотящимся сердцем. — И не пытайся больше избавиться от меня, потому что я никуда не собираюсь уходить.

Горячие слезы катятся из уголков глаз, оставляя свой след на висках и исчезая в волосах. Мой ответ крайне прост:

— Не буду.

Два слова — и дело сделано. Мы снова вместе. Иногда это все, что действительно необходимо.

Мои легкие сжимаются, когда он своими бедрами подается вперед. А глаза начинают гореть, когда он растягивает меня, выполняя тем самым свое обещание, — заставляет ощущать себя прямо у моего сердца.

* * *

Спустя некоторое время я вынырываю из дремы. Окна вспотели, а воздух в машине стоит тяжелый, несмотря на прохладу. По коже у меня пробегают мурашки, а тоненькие волоски на руках встают дыбом. Я сильнее зарываюсь в объятия Рансома, стараясь впитать в себя так много его тепла, как только смогу. Как и все мужчины, он словно печка — настолько горячий, что можно обжечься, но при этом такой заманчивый, что невозможно держаться в стороне. Я провожу пальцами по его груди, ласково касаясь редких волос.

— Почему ты решил остаться? — Вопрос вырывается из моего рта до того, как я сумею обдумать его.

Рансом долго не отвечает. Накрывая мою руку своей, он в конце концов говорит:

— А как я мог иначе? Ты особенная для меня, Джозефин. Ты дала мне то, чего у меня уже давно не было. Черт, да я вообще не уверен, что у меня было что-то подобное раньше. Но как бы там ни было, ощущается все это правильно.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, откидывая голову назад, чтобы посмотреть на него.

Он наклоняется и целует меня.

— Чувства, Джо. Ты заставляешь меня испытывать чувства, которых не должно быть, но я не могу остановить себя. Поверь, я старался.

Я прекрасно понимаю его. Хотя не думаю, что кто-то из нас действительно сильно старался. Похоть — один из самых страшных грехов.

— Чувства не всегда имеют смысл.

— Так и должно быть. — Он делает паузу, крепче сжимая мою руку. — Я хочу, чтобы ты пошла ко мне и провела со мной ночь.

— Но я думала... — Я удивленно замолкаю. Такое ощущение, что мы сейчас находимся внутри пузыря. Пузыря, который может лопнуть, если я не буду тщательно подбирать слова.

— ...что я не хотел отвести тебя туда, — заканчивает за меня Рансом, и я киваю. Мягко отстраняя меня от себя, он садится и запускает руку во влажные волосы. Прижимая колени к груди, я съеживаюсь и жду, когда же он продолжит.

Он хорошо выглядит после секса. Кожа разрумянилась, губы приобрели более глубокий красный оттенок и припухли от моих поцелуев, а одежда находится в таком живописном беспорядке, что мне хочется снова наброситься на него.

Повернув голову, Рансом пригвождает меня взглядом.

— Дело не в том, что я не хотел отвести тебя туда. Просто я не думал, что это была хорошая идея.

— А теперь думаешь иначе? Рансом, ничего не изменилось. Утром я снова стану твоей студенткой.

Он откидывается назад на сиденье и, поворачивая голову, глядит на звезды сквозь запотевшее стекло. Эта поза подчеркивает жилистые мускулы на его шее и адамово яблоко, которое соблазнительно двигается вверх-вниз каждый раз, когда он сглатывает.

— Я много думал над тем, что ты сказала. Быть вместе на данный момент представляет собой риск, но быть врозь? — Он поворачивает голову, и его темные глаза находят мои. — Я могу найти работу в любом месте, Джо, но такую же девушку, как ты, я вряд ли сумею отыскать.

Мои легкие сжимаются, и дышать становится заметно труднее. Не думаю, что кто-либо прежде говорил мне нечто столь же прекрасное.

— Я не знаю, что между нами происходит и куда это приведет, — продолжает он, смотря впереди себя. — В наших отношениях уже было темное пятно, и мы можем снова изменить решение утром, а может через неделю или месяц. Но я уверен в одном: мне нравится это. — Он жестом указывает на нас. — Мне нравится то, что я ощущаю, когда мы вместе. Жизнь слишком коротка, чтобы упускать те моменты, которые заставляют нас чувствовать себя лучше, оживляют нас, а, находясь рядом с тобой, я чувствую себя как никогда раньше живым.

— А если кто-то узнает о нашей связи, что случится тогда? Ты справишься с тем, что потеряешь из-за меня работу?

— Если придется, то мы пройдем и через это.

Он хватая меня за руку и подтягивает ближе к себе, чтобы я легла поверх его тела. Рансом обхватывает меня за затылок, теснее прижимая к своей груди, а когда заговаривает, я чувствую, как его теплое дыхание овеивает мои волосы.

— Единственное, что сейчас имеет значение, находится прямо здесь и происходит именно сейчас.

Я прижимаюсь поближе к нему, прислушиваясь к ровному сердцебиению под ухом. Это один из тех идеальных моментов, что жизнь столь редко предоставляет нам. Было бы так просто окунуться в этот миг и насладиться им, но я уже наступала на эти грабли раньше. И не поведусь на подобное во второй раз. Все просто слишком идеально, слишком правильно, чтобы оказаться правдой. А когда кажется, что все кусочки пазла встают на место, приходит самое время для того, чтобы насторожиться и переосмыслить все известные ранее факты.

Я ощущаю это в воздухе, угрожающую тишину, что устанавливается перед тем, как торнадо обрушивается на землю, уничтожая все на своем пути. Не уверена, что именно должно произойти, но одно я знаю наверняка.

Надвигается буря.

Глава 22

Спустя еще несколько раундов занятий любовью Рансом отключается. В его груди зарождается тихий храп. Я нахожусь у него в квартире, в его кровати, в его объятиях и не могу заснуть. Казалось, в этом нет ничего трудного, но при каждой попытке мои глаза будто сами собой распахиваются.

Может, это из-за того, что я привыкла допоздна задерживаться в клубе, а, может, виной всему мои непрестанные размышления о произошедшем сегодня и неспособность предугадать, что же ждет нас завтра. Но, скорее всего, это связано с происходящим за пределами спальни, потому что примерно час назад услышала, как кто-то вошел в квартиру.

Он вошел через входную дверь, ключи звякнули, соприкасаясь с твердой поверхностью, поэтому я сделала вывод, что мы имеем дело отнюдь не с злоумышленником. Но кто это? Сосед по комнате? Рансом никогда не упоминал, что живет не один, но, опять же, я еще многого не знаю о мужчине, с которым делю постель.

Меня распирает от любопытства. И я очень хочу все выяснить, но не могу осмелиться. Да и какое на это имею право? Я нахожусь не у себя дома. Как Рансом и тот другой человек отреагируют, если я вдруг начну снова по квартире? Кроме того, руки Рансома крепко удерживают меня за талию, я не смогу выскользнуть, не разбудив при этом его.

Не знаю, сколько времени я лежу так, прислушиваясь к шагам неизвестного человека. Они раздаются из передней части квартиры, где на кухне он проводит некоторое время, воспроизводя при этом непонятные приглушенные звуки, которых я бы, вероятно, и не услышала во сне.

Некоторое время слышен тихий звук телевизора, а затем незнакомец спускается вниз по коридору, направляясь мимо спальни напрямик в ванную. Я напрягаюсь и прислушиваюсь к каждому звуку — бегущей в раковине воде, шипению душа, спущенной в туалете воде. Обычные звуки, которые люди воспроизводят, готовясь ко сну. Я слушаю их, пока мои веки не тяжелеют, — непрерывный шум воды звучит для меня словно колыбельная.

Я наконец проваливаюсь в сон, когда вся квартира погружается в тишину, а шаги пропадают в конце коридора за закрытой при нашем приезде дверью.

Я просыпаюсь несколько часов спустя при звоне будильника и чувствую себя так, словно кто-то сложил на моей груди и ногах груды кирпичей, заодно приклеив мои веки к глазам. Застонав, я отказываюсь вставать и переворачиваюсь, засовывая голову под подушку. Тело Рансома прижимается ко мне сзади, он усиленно сопит мне в ухо, щекоча своим носом и заставляя меня извиваться.

— Время вставать. Не хочу опоздать на занятия, в отличие от кое-кого, — дразнит он меня.

— Я сегодня никуда не пойду. Скажи всем, что я заболела.

Рансом целует меня в затылок, руки мужчины блуждают по моему голому телу.

— Мне жаль, но сексуальное истощение вовсе не предполагает послаблений в учебе, юная леди.

— Ну пожалуйста, — молю я. В тот же момент он переворачивает меня лицом вверх и опускается между моими ослабевшими ногами. Он смотрит на меня, и уголки его губ кривятся в злобной ухмылке.

— Не-а, но я знаю, как заставить тебя проснуться.

— Рансом. — Охнув, я зарываюсь пальцами в его волосы, когда он припадает ртом к

моему клитору. Его язык скользит вперед и назад, он берет меня за ягодицы и приподнимает мои бедра выше, притягивая к себе и зарываясь лицом между ног.

Его пальцы проникают в меня, пока он продолжает ласкать меня языком, а мои бедра непроизвольно дергаются вверх, когда он приводит меня к самому быстрому в жизни оргазму. Мне кажется, что я лежу там, обмякнув и задыхаясь целую вечность. Раньше я считала оргазмы редким явлением, но Рансом быстро доказал ошибочность данной теории.

Когда я наконец нахожу в себе силы открыть глаза, Рансом уже надевает джинсы.

Он наклоняется надо мной, втягивая мою нижнюю губу себе в рот и выпуская ее с хлопотным звуком. В его темных глазах танцуют смешинки, когда он выпрямляется и облакачивается спиной на дверь.

— Я собираюсь позавтракать. Присоединяйся, когда снова сможешь ходить.

Черт бы побрал этого самоуверенного ублюдка. После его ухода я начинаю взглядом изучать потолок, попутно размышляя, во что же вляпалась на этот раз. Я продолжаю раздумывать над всевозможными вариантами развития событий, пока меня не начинает раздражать собственная неуверенность. Я решила больше не избегать наших отношений, когда прошлой ночью забралась с ним на заднее сидение машины. И к черту всю мою сегодняшнюю нерешительность. Если мы собираемся построить крепкие отношения, то я не могу сдаться при первом же препятствии на нашем пути.

Найдя на полу сброшенную рубашку Рансома, я надеваю ее и застегиваю на несколько пуговиц, чтобы принять презентабельный вид, а затем собираю свою одежду. Я планирую быстро принять душ и позавтракать.

Невероятный запах жаренного бекона ударяет мне в нос, как только я выхожу из комнаты. Но, несмотря на урчание моего голодного желудка, я направляюсь в противоположную сторону.

Дверь второй спальни в конце коридора все еще закрыта, наверное, сосед Рансома спит, что вполне логично. Он пришел очень поздно прошлой ночью. Я гадаю, кем он приходится Рансому. Может быть, другом или членом семьи. А, может, это его бывшая.

Эта мысль выводит меня из себя, и я отбрасываю ее прежде, чем решу пойти туда и узнать, кто же находится в комнате. Но для Рансома же будет лучше, если там не окажется его бывшей девушки. Господи, а если там Рыжая?

Хватит, мне стоит быть благоразумной и не отвлекаться на глупые мысли, а в этом сможет помочь только теплый душ.

Дверь ванной немного приоткрыта. Я толкаю ее... и с испуганным вскриком отпрыгиваю назад.

Рансом стоит возле раковины с низко обернутым вокруг бедер черным полотенцем. Несмотря на то, что он почти до полусмерти напугал меня, я быстро прихожу в себя, как только в сознании проникает образ полуголого мужчины.

Капельки воды покрывают его широкие плечи, иногда скатываясь по позвоночнику и впитываясь в мягкую ткань полотенца, что скрывает одну из моих любимых частей его тела. К моей досаде, он бреется, лишая меня возможности почувствовать, как его щетина царапает кожу при поцелуе.

Я стою в дверном проеме, когда его глаза встречаются с моими в отражении зеркала. Бритва останавливается на середине движения, и на его подбородке появляется небольшая темно-красная бусина, которая набухает и начинает бежать тонким ручейком вниз по шее.

Он медленно опускает руку, едва не уронив при этом бритву.

— Что ты здесь делаешь?

Его тон резкий и командующий, а в черных глазах застыло опасное выражение, я испытываю шок от столь резкой перемены его настроения, и моя голова запрокидывается назад.

— Прости. Я собиралась быстро принять душ. Не думала, что ты будешь против.

Мой голос тих и полон сомнений. Я не понимаю, почему он мной недоволен. Неужели я нарушила какие-то невидимые границы?

— Я думала, ты готовишь завтрак, — оправдываюсь я, указывая большим пальцем через плечо.

Его глаза еще больше сужаются, пока он продолжает сверлить меня взглядом в отражении зеркала. Он наклоняет голову, опуская бритву в мутную воду и ополаскивая ее. Затем вытаскивает вилку. Я стою на месте и наблюдаю за тем, как он заканчивает свою утреннюю рутину, аккуратно вставляя бритву в серебряный держатель и нанося бальзам после бритья со свежим запахом.

Закончив со своими делами, он разворачивается ко мне всем лицом, преодолевая два разделяющих нас шага и заполняя дверной проем своим массивным телом. Я смотрю вверх, в его черные глаза, ощущая себя маленькой и уязвимой.

Внезапно я с тревогой осознаю, что это не тот мужчина, который довел меня до оргазма этим утром и поцеловал на прощание, перед тем как пошел готовить завтрак. Мужчина, который стоит передо мной, холоден и опасен. Я чувствую себя так, будто вошла в львиное логово во время кормежки. И, будучи непрощенной гостьей, ощущаю всю незащищенность и бедственность своего положения.

Я испытывала схожие чувства, когда мы встречались в его номере в отеле.

— Что случилось? Неужели я сделала что-то не так?

Он изучает меня своими идеальными глазами с выражением идеального спокойствия в них, из-за чего я чувствую себя еще более неуютно, как будто в комнате внезапно стало не хватать кислорода.

— Как ты попала в мою квартиру?

Я ошарашена этим вопросом.

— Ты серьезно? — Я наклоняю голову, пытаюсь найти в его взгляде хоть намек на поддразнивание, но он кажется полностью равнодушным. — Это ты привел меня сюда вчера ночью. Я спала в твоей кровати. — Снова ноль реакции. Словно я упираюсь в глухую стену. — Ты что, упал и ударился головой об пол душевой или что-то в этом роде?

Жилка на его челюсти бешено бьется.

— Или что-то в этом роде.

Придерживая полотенце одной рукой, другой он крепко хватает меня за плечо, отодвигая со своей дороги и выходя из ванной. Затем мужчина тащит меня к концу коридора, где находится большая комната, что совмещает в себе гостиную, столовую и просторную кухню.

При приближении я ловлю перед собой движение, но успеваю рассмотреть лишь ноги, обтянутые синими джинсами, из-за чего делаю вывод, что это его сосед. Видимо, он решил приготовить нам завтрак, на который, впрочем, я уже решила не оставаться.

С Рансомом что-то не так, и хотя я уже сказала себе, что не сдамся при первом же препятствии на нашем пути, его поведение от этого не становится менее странным. По правде говоря, он ведет себя даже страннее обычного. Не знаю, может, у него раздвоение

личности или биполярное расстройство¹⁵ или он на самом деле не очень удачно упал в душевой утром, но мне совсем некомфортно в этой ситуации. Мне хочется вернуться домой, собраться с мыслями и еще раз все взвесить в уме.

— Я нашел ее, когда она слонялась по дому, — рычит Рансом и толкает меня перед собой, когда мы входим в круг отделяющих пространство кухни шкафчиков. — Не хочешь мне объяснить, что она здесь делает?

Нахмурившись и приоткрыв рот, я уже собираюсь возразить, но внезапно мой язык прилипает к небу, когда сосед поворачивается от плиты лицом ко мне.

— Святое... дерьмо. Вас двое.

Я словно попала в "Сумеречную зону"¹⁶. Передо мной стоит точная копия Рансома, только одетая, как вышедший из спальни утром Рансом. Быстрый оценивающий взгляд дает мне понять, что это на самом деле те же самые джинсы с низкой посадкой, которые я на нем видела ранее.

Вновь подняв взгляд на Рансома номер два, я вижу те же самые черты лица от изгиба губ до линии челюсти и высоких округлых скул. Все у них одинаковое.

— Черт, — произносит Рансом номер один. — Прости. Я собирался рассказать тебе.

— О чем именно ты собирался мне рассказать?

Мое тело словно застряло в одной из тех машин для смешивания краски, что стоят в малярных магазинах. Я вся дрожу и не могу остановиться. Рансом номер два отпускает меня и отходит в сторону, а я обхватываю себя руками.

Рансом номер один улыбается глупой улыбкой, как будто считает все одной большой шуткой. Но я не нахожу в этом ничего смешного.

Он подходит и кладет руки мне на плечи, прижимая к своей груди и целуя в макушку. Этот жест оказал бы успокаивающий эффект, если бы я так сильно не запуталась. Затем он произносит:

— Джо, это мой брат Ребел. Мы однояйцовые близнецы.

Глава 23

Части пазла наконец-то встают на место. А вырисовывающаяся картина приобретает смысл. У Рансома есть брат. Однояйцовый близнец. Пока мы стоим на кухне и поочередно глядим друг на друга, на меня внезапно обрушивается вся неловкость создавшейся ситуации.

— Боже, — произношу я, прикрывая лицо руками. — Я практически ворвалась к тебе в ванную.

Ребел продолжает хмуриться, и я начинаю считать, что он настоящая задница, если не может простить непреднамеренную ошибку. Если он не хотел, чтобы кто-то вламывался к нему, то должен был закрыть ту чертову дверь.

— Не беспокойся об этом, детка, — приободряет меня Рансом. — Ребел не из стеснительных.

Ненавидящий взгляд Ребела не отрывается от меня, и когда Рансом отходит к плите, чтобы проверить бекон, я неосознанно пытаюсь держаться как можно ближе к нему и подальше от его брата. Вероятно, у каждого из нас где-то есть злой близнец. Для Рансома — это Ребел. Даже его имя¹⁷, казалось бы, указывает на это.

— Не волнуйся, — произносит Ребел низким, жестким голосом. — Там нет ничего, чего бы она уже не видела. Верно... Джо?

Меня смущает то, как он произносит мое имя, словно смакуя его вкус на языке. Как ни

странно, я чувствую, что мое тело отвечает на низкий тембр его голоса, словно он обращается ко мне на более глубоком, интимном уровне. Это, наверное, из-за их сходства. Или, скорее всего, это связано с тем, что передо мной стоит практически тот же самый человек, по которому я схожу с ума.

Рансом бросает на брата раздраженный взгляд через плечо и выключает плиту.

— Перестань смущать мою девушку, Ребел. Я уверен, что она в сильном шоке от встречи с моим двойником, особенно если учесть тот факт, что она не приняла свою утреннюю дозу кофеина.

— Тогда представь, каким шоком было для меня увидеть ту самую женщину, которую я трахал последние несколько недель, этим утром в рубашке собственного брата.

Все останавливается. Время, дыхание, сердцебиение. Я запрокидываю голову одновременно с Рансомом. Он смотрит на меня, а затем на брата, как если бы тот сошел с ума. И это недалеко от истины, поскольку быть не может, чтобы я спала с этим мужчиной.

Этого просто не может быть.

Или может?

Я снова изучаю обоих мужчин. Они совершенно одинаковые, до малейших деталей. Но когда они начинают спорить, я замечаю несколько отличий. Например, голос Рансома звучит мягче, даже когда он злится. В то время как Ребел хрипло рычит вне зависимости от настроения.

Это становится решающим фактором. Я думала, что части пазла наконец-то встали на место? Я ошиблась. Я так сильно ошиблась.

До этого момента я не осознавала, что одна часть отсутствовала — та крайне важная часть пазла, которая завернула все в красивую, аккуратную упаковку.

Все замеченные мной различия в Рансоне внезапно приобретают смысл. Идеальный смысл. Все те случаи в отеле и клубе, когда он был слишком грубым, требовательным и бесчувственным, я сравнила со временем, проведенным в университете, где он казался более сдержанным, мягким и уступчивым. Тогда, занимаясь со мной любовью, он удовлетворял и мои потребности, а не заботился лишь о своих нуждах.

Рансом не всегда был Рансомом.

Иногда он был Ребелом.

Они были близнецами. Однойцовыми близнецами.

Я спала с двумя мужчинами.

С братьями.

Моя кровь стынет в жилах. Я падаю и ударяюсь бедрами о барную стойку позади, но этот удар ничто по сравнению с тем тяжелым чувством растерянности, боли и предательства, что выбивают весь воздух из легких.

Заметив панику на моем лице, Рансом прекращает кричать и тянется ко мне. Я отодвигаюсь, избегая его прикосновения.

Я не хочу, чтобы кто-то касался меня, особенно он. Они. Черт! У меня кружится голова. Я чувствую себя словно на каруселях, все вокруг сливается в пятно размытых форм и цветов. А эмоции представляют собой беспорядочный коктейль из смятения, унижения и священного ужаса.

Как такое могло случиться? Как я могла ничего не заметить?

— Джо, ты в порядке? — Тревожный голос Рансома слышится словно издалека, я чувствую невесомое касание его руки на своем плече. В поле зрения попадает обтянутое

коричневой кожей глубокое кресло, и я чувствую, как подгибаются мои ноги, когда я падаю в него.

Рансом становится передо мной на колени таким образом, чтобы я видела его, но у меня нет уверенности в том, сон это или реальность. Я надеюсь проснуться в любую минуту и обнаружить, что до сих пор нахожусь в его объятиях, а все остальное лишь игра моего воображения.

— У нее шок, — говорит Рансом, и другая пара знакомых босых ног попадает в поле моего зрения.

— Не каждый день ты обнаруживаешь, что трахалась с братьями. Как думаешь, она понимала, что делает?

— Ее реакция похожа на реакцию человека, который понимал, что делает?

— Женщины любят играть в игры. Ты знаешь это так же хорошо, как и я, брат.

— Она не такая. — Рансом берет мое лицо в ладони и придвигается ближе, пристально заглядывая в глаза. — Прости, детка. Мне стоило сказать тебе об этом раньше. Мне стоило... — Речь обрывается, и мужчина крепко зажмуривает глаза, а его голова повисает на плечах.

Не знаю, за что именно он извиняется. Ведь это я вызвала такой бардак. По-другому и не скажешь. Или я просто не хочу перекладывать свою вину на чужие плечи. Они оба будили во мне желание. Но что я сделала для них, кроме того, что внесла разлад в их отношения?

— Когда ты начал с ней встречаться? — Тихий голос Рансома полон сожаления и беспокойства.

— В начале лета, девять месяцев назад. Как раз после моего возвращения из Нью-Йорка.

В голосе Ребела слышится намек на более интересную историю, но Рансом не обращает на это внимания.

— Девять месяцев, — бормочет он. Затем снова смотрит на меня, взгляд его темных глаз ужесточается. — Это объясняет многое.

Это уж точно. Он встает, разворачивается и начинает мерить комнату шагами.

— Возможно, нам стоит сесть вместе и сопоставить факты. — Ребел растягивает слова, и насколько я могу судить по выражению его лица, в своем гневе он просто ищет лишних неприятностей. — Интересно, к кому она испытывает больше симпатий, к тебе или ко мне?

— Это не чертов конкурс, — выкрикивает Рансом, и я наконец прихожу в себя. Подсказываю на ноги, тем самым привлекая их внимание.

— Я не собираюсь оставаться здесь и выслушивать все это.

Мне нужно уйти. Убраться отсюда. Поехать домой, где все просто и где не будет этого глупого противостояния. Прямо сейчас у меня такое ощущение, словно кто-то сыграл со мной злую шутку. Может, Энни скрывается где-то в глубине комнаты, а потом она выскочит и прокричит, что меня разыграли¹⁸? Но я нигде не вижу Эштона Катчера или съемочную группу, поэтому полагаю, что это всего лишь моя жизнь. Я стриптизерша, шлюха и лгунья, и все это наконец настигло меня.

Я собираю с пола коридора свою сваленную в кучу одежду. Ванная совсем рядом, так что я закрываюсь в ней и срываю с себя рубашку Рансома. Я одеваюсь за считанные секунды, но попытка набрать номер дрожащими руками выбивает меня из колеи. К тому времени, когда у меня наконец-то получается набрать цифры без ошибок, по моему лицу уже градом катятся слезы облегчения.

Энни ответила на втором гудке:

— Джо?

Я шмыгаю носом, и ее голос наполняется тревогой и паникой, потому что подруга не понимает, что случилось, а у меня нет времени объяснять.

Я даю ей адрес и прошу поторопиться. Энни не задает вопросов, но я уверена, когда придет время, она наверстает упущенное.

Наконец, выровняв дыхание, я заставляю себя покинуть ванную и пройти напрямик к выходу. Рансом и Ребел все еще меряются силами в гостиной, когда я пытаюсь незаметно обойти их. Я теряю немного времени, пока вожусь со многочисленными замками на двери, попутно ругаясь и уже находясь на грани истерики, когда рука Рансома останавливает меня. Тепло его кожи ощущается очень комфортно, но я не могу позволить себе окунуться в него.

— Не пытайся меня остановить, — огрызаюсь я и отдергиваю руку.

Он выглядит подавленным.

— Я и не собирался. Но если ты подождешь минутку, я вызову тебе такси.

Я довольно надолго попадаю в плен его грустных глаз, прежде чем срабатывает инстинкт самосохранения, я заставляю себя разорвать зрительный контакт.

— Энни уже в пути.

Он печально кивает и тянется мимо меня, чтобы открыть один из замков. Дверь распаивается со скрипом, и свежий воздух проникает внутрь. Я вдыхаю, жадно наполняя легкие воздухом, словно у меня кислородное голодание.

— Мы скоро поговорим, — обещает он.

Я автоматически киваю и выбегаю за дверь, прежде чем мы успеем обменяться еще хоть парой фраз.

В этот раз ухожу я.

После этого я должна была почувствовать себя сильной, могущественной. Но вместо этого я ощущаю лишь тяжелый вес тоски на плечах.

Энни ждет в припаркованной вдоль тротуара машине. Ее глаза расширяются, когда она замечает меня, и я догадываюсь, насколько дерьмово выгляжу. Она ничего не говорит, пока я сажусь на пассажирское сиденье, лишь делает длинную паузу и спрашивает, все ли со мной в порядке.

Мой ответ предельно прост, а голос звучит безэмоционально даже для меня самой.

— Нет, но будет.

И что бы ни случилось завтра или послезавтра, я буду в порядке... я должна быть. Ведь я Джозефин Харт, и я привыкла полагаться только на саму себя.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

Ловля яблок — развлечение для незамужних и неженатых в канун Дня всех святых. Для этого берется большой таз с водой, куда кидают несколько среднего размера яблок, на которых написаны имена или какие-нибудь предсказания. Гадающим связывают руки и предлагают ловить приглянувшиеся фрукты ртом. Иногда яблоки не кладут в воду, а

подвешивают на веревочках, что не делает задачу легче. Такой способ практиковали еще древние кельты, для которых яблоко было символом плодородия. Считалось, что девушка, поймавшая яблоко, очень скоро выйдет замуж.

[
←2
]

"Госпожа горничная" — американская мелодрама режиссера Уэйна Вана с Дженнифер Лопес и Рэйфом Файнсом в главных ролях.

[
←3
]

Гидравлический резак — гидравлический аварийно-спасательный инструмент.

[
←4
]

"Campbell's Chicken Noodle" — американская компания, крупнейший в мире производитель консервированных супов.

[
←5
]

Золотой снитч — в современном квиддиче это маленький золотистый шарик с серебряными крылышками, летающий самостоятельно и произвольно над полем.

[
←6
]

Криптонит — вымышленное кристаллическое радиоактивное вещество, фигурирующее во вселенной DC Comics. Криптонит знаменит благодаря тому, что является единственной немагической слабостью Супермена.

[
←7
]

Дамы вперед, а ваших парней к черту — неписанный закон требует, чтобы желания подруг незамужних женщин или девушек ставились выше тех мужчин, с которыми они хотели бы встречаться. Этот закон возник, чтобы защитить вышеупомянутых женщин от насилия или наказания их болванов-бойфрендов или бабников.

[
←8
]

Дэвид Боуи — британский рок-певец и автор песен, а также продюсер, звукорежиссер, художник и актер.

[
←9
]

Билли Айдол — британский рок-музыкант.

[

←10

]

"AC/DC" — австралийская рок-группа, сформированная в Сиднее в ноябре 1973 года выходцами из Шотландии, братьями Малькольмом и Ангусом Янгами.

[

←11

]

Стиль кантри — это направление предполагает уютный загородный быт, лишенный вычурности и помпезности, в нем идеально сочетаются простота и гармония стиля сельских домов разных народов.

[

←12

]

Бигфут — гипотетическое существо, наподобие Снежного человека.

[

←13

]

Стиль шебби шик — название стиля в интерьере, декоре, моде. Основные элементы стиля — нежные пастельные тона, эффект потертости (должны быть видны несколько слоев краски).

[

←14

]

Стиль шибори — одежда в стиле радуги.

[

←15

]

Биполярное расстройство — эндогенное психическое расстройство, проявляющееся в виде аффективных состояний — маниакальных и депрессивных, а иногда и смешанных состояний, при которых у больного наблюдаются быстрая смена симптомов мании и депрессии либо симптомы депрессии и мании одновременно (например, тоска со взвинченностью, беспокойством либо эйфория с заторможенностью — так называемая непродуктивная мания — или другие).

[

←16

]

"Сумеречная зона" — американский телевизионный сериал. Каждый эпизод является смесью фэнтези, научной фантастики, драмы или ужаса, часто заканчивающейся жуткой или неожиданной развязкой.

[

←17

]

Ребел (с англ.) — мятежник, бунтовщик. Рансом (с англ.) — искупление.

[

←18

]

Подстава — американское телевизионное шоу Эштона Катчера, представляющее собой розыгрыш звезд с помощью скрытой камеры. Розыгрыш нередко приводит звезду на грань нервного срыва, женщины часто начинают плакать.